МИР
ЧЕЛОВЕКА

МИР ЧЕЛОВЕКА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

Составитель А. Романов

Научный редактор
доктор философских наук И. Кичанова

Художник С. Гета

С $\frac{4702010200-175}{078(02)-83}$ 056—83

К ЧИТАТЕЛЮ

Мир человека... Это прежде всего сам человек, его сущность, его цели и помыслы. Это реальная, конкретная, земная почва, на которой он жнвет, борется, созидает. Это н окружающее простраиство, микро- и макромир, ставшне огромной научной лабораторией.

Восьмой выпуск уже известного читателям сборника «Мнр человека» раскрывает возможиости огромного, как океан, н безбрежного, как вселенная, мира человеческнх понсков и свершений, подинмает важиейшие мировоззреические проблемы, вопросы атеистического воспитания молодежи.

«Зиамение современностн» — назваине первого раздела. Он открывается интервью с известиым писателем А. Лаурннчюкасом, считающим, что издавна волнующие человечество проблемы — позиаваемости мнра, вероисповедання н релнгии — не становятся проще, а непрерывно углубляются.

Днскуссню по острым идеологическим вопросам — атеизм н культура, мораль, иациональные традиции н т. д. — ведет со своим зарубежным коллегой доктор философских наук И. Кичанова в очерке «Острая грань».

Всемирио известиый учеиый Амброджо Доиннн, религовед, стоящий на марксистских позициях, справедливо заключает, что историческая обречеиность религни в том, что она старается перевестн все проблемы в иллюзорное будущее, увести от реальной действнтельности. С характерным для него своеобразием и в прнвычных ему термннах он размышляет о проблемах истории релнгии. И о том, что только в этой еднниственной, реальной, земиой жизин человек может и должен дождаться своего звездного часа, сделать свое существование по-настоящему творческнм, разумным, справедлнвым.

Слова выдающегося поэта, первого народиого поэта Узбекнстана Хамзы Хаким-заде Ниязи, бесстрашного революционера, растерзаииого религиозиыми фанатиками, стали заголовком второго раздела книги. «Раскрыт пред нами мнр...» — это добро входящему в него ребеику, каждому начннающему свою неповторимую, едииожды даниую жнзнь. Интервью с писательнницей М. Прнлежаевой посвящеио детям, атеистическому воспитанию. Глубокое, умиое повествоваиие В. Пескова «Таежный тупик» — о старообрядцах, о тех, кто попал в тупик бытня, н о людях, указавшнх путь к свету.

Проблемам иауки, открытиям и поискам ученых посвящен раздел «Езда в незнаемое». «Во второй половине нашего сто-

летия, — рассказывает член-корреспондент АН СССР И. Фролов, — мир оказался перед лицом качественно новых проблем, которые принято теперь называть глобальными, то есть общемировыми, так как их решение выходит за рамки отдельных государств и зависит от усилий всего человечества. Никогда прежде за всю историю человеческого общества не возникали в мире ситуации, чреватые опасностью для самой цивилизации».

Некоторые материалы сборника показывают, на что направлены усилия ученых разных стран, каковы особенности и масштабы глобальных проблем, где пролегают пути их решения.

Раздел «Грани времени» заключает этот выпуск «Мира человека». Здесь и постановка вопросов культуры, искусства, и рассказ о непреходящих ценностях, в частности о полотнах Рембрандта, и публикация новеллы Г. Аполлинера «Ересиарх», где проводится мысль, что не вера в «промысл божий», а разум и труд человеческий создают на земле все самые главные ценности.

Мир человека... Он огромен, он в постоянном движении и развитии, мир советского человека, борца, исследователя, труженика.

И тем этот мир богаче, чем более он основывается на фундаментальных ценностях социализма [1], на освоении человеком всех сторон и граней советского образа жизни. Особую актуальность и звучание приобретают сегодня положения работ В. И. Ленина: «Социализм и религия», «Об отношении рабочей партии к религии», «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», «О значении воинствующего материализма» — о сочетании принципа чистоты мировоззренческих позиций с бережным, тактичным отношением к верующему, о разнообразии подходов в работе по атеистическому воспитанию.

Сегодня партия придает существенное значение этому участку идеологической деятельности. «Необходимо активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию. Шире вовлекать верующих в общественную жизнь, настойчивее внедрять советскую обрядность», — говорится в постановлении Пленума ЦК КПСС (1983 г.) «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии». Формированию научно-материалистического мировоззрения, сторонам и граням этого непростого процесса и посвящена книга, предлагаемая читателю.

---

[1] См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., с. 73.

ЗНАМЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

НА РАЗНЫХ КОНТИНЕНТАХ

Известный литовский писатель, главный редактор газеты «Тиеса» Альбертас Лауринчюкас в своих книгах «Медное солнце», «Черная кровь», «Третья сторона доллара», пьес «Средняя американка», «Мгновение истины», «Цвет ненависти» поднимает важнейшие мировоззренческие проблемы, вопросы вероисповедания и религии.

раннего детства меня мучила проблема: далеко ли может видеть человек? Насколько широко сумеет охватить он взглядом пространство? Сначала мой мир не шел дальше дома в Шяуляе, где я родился и вырос. Потом границы расширились до пределов двора, ближнего леса, куда однажды пошел с родителями и удивился, что земля такая большая, что есть что-то за лесом, за горизонтом. В школу я пошел еще при буржуазном строе. Отец мой был рабочим и, сколько я его помню, всегда внушал мне, что не следует надеяться на чудеса, а нужно учиться, читать и верить в собственные силы. Однажды я услышал, как отец горячо спорил с соседями: доказывал, что бога нет. В разговоре он упомянул и известный парадоксальный аргумент: если бог всесилен, может ли он сотворить камень, который сам не в состоянии поднять?

Я это запомнил и решил про себя, что обязательно спрошу на законе божьем. Ксендз вместо ответа сказал мне: «Чем задавать такие вопросы, лучше неделю молись святой Марии». Я понял — ксендз уклонился от ответа. И хотя неделю усиленно молился, крамольная мысль не исчезла бесследно. Тот случай с ксендзом в немалой степени оказал влияние на мою дальнейшую судьбу.

Реальная действительность — тяжелый, безрадостный, нередко трагический быт живущих вокруг нас рабочих семей, доброта, терпеливость матери, атеистическое мировоззрение отца — вот что формировало с детства мои взгляды.

Вопросы познаваемости мира всегда волновали и будут волновать людей. Во все времена были те, кто замыкался в себе, в узкоэгоистических интересах, ограничивал свой кругозор, но были и другие, которые старались увидеть, узнать, понять больше, были люди недюжинного интеллекта, глубоких запросов. Время властно меняет, отсеивает, закрепляет бесценный опыт поколений. Планета наша становится все меньше, ибо растут темпы, скорости. Тем не менее издавна волнующие человечество проблемы не становятся поверхностнее и проще, но непрерывно углубляются. Сталкиваются прогрессивные силы, завтрашний день планеты, ее будущее, и силы регресса.

«...Мы стояли возле хижины, сплетенной из веток и облепленной глиной. Покой и темнота ночи одолели звуки и свет дня. Неподалеку возвышались кокосовые пальмы. Большими замершими листьями они, словно радиолокаторы, устремились к тайнам небосвода. Несколько крупных бриллиантов, украшавших ночное небо, ярко выделялись среди других звезд, образовав знак креста. В Африке только живущие к югу от экватора могут любоваться Южным Крестом.

— Это крест божий! — объяснил мне местный житель.

На его черной груди висел такой же, словно снятый с неба, крест, украшенный маленькими стеклышками.

— Бог создал солнце, звезды и человека, — объяснял он мне, — каждый вечер бог берет большой черный шатер и накрывает им землю. Он проколол в шатре много дырочек, и поэтому мы знаем, что стемнело не во всем мире, а лишь в одной стороне шатра. Во всех остальных местах сияет вечный божественный свет.

— Если звезды — дырочки в черном шатре, то что такое луна? — спросил я.

— Луна — враг креста.

— Почему?

— Так говорил миссионер в церкви. Луну, а не крест устанавливают на своих храмах только неверные мусульмане...

— Что такое крест? — спросил я в Касабланке пожилого марокканца.

Тоже была тихая, располагающая к раздумью ночь. В черном, усыпанном звездами небе висел месяц, раскинулась Большая Медведица. Только Южного Креста здесь не было — жители северного полушария его никогда не видят. Марокканец долго не отвечал, потом повернул голову к башне минарета. Оба полумесяца — на небе и на земле — были одинаковыми.

— Крест — враг луны, — медленно, но твердо пояснил он. — Крест устанавливают над своими церквами неверные.

В Дагомее, сидя на горячем белом песке и наблюдая за волнами Атлантики, которые словно бы не ветер, а солнце толкало к берегу пальцами-лучами, я спросил своего спутника-африканца:

— Что такое солнце?

— Солнце — это бог, который борется с крестом и полумесяцем. Могуществу его нет предела: когда светит солнце, не осмеливаются выглянуть ни месяц, ни крест».

(Из книги «Черная кровь»)

Я много ездил по странам Латинской Америки и везде наблюдал результаты борьбы за справедливость, социальный прогресс. Народ Кубы победил, одержали внушительную победу патриоты Никарагуа. Напуганная реакция обратилась к особо

жестоким мерам. Об этом свидетельствуют кровавые события в Чили, Боливии, Сальвадоре: реакция не собирается складывать оружие. И как всегда, мы видим традиционное соседство — одна рука поднимает крест, другая держит меч. Происходящее сегодня напоминает времена, когда несколько столетий назад конкистадоры и церковь тоже хотели повернуть историю вспять. Тогда в крови были потоплены элементарные человеческие свободы.

«В Колумбии есть гора Силакира. Ни фантазия, ни легенды не могли объяснить, как и когда образовалась она из соли. Сколько прошло миллионов лет, пока в морской воде осели толстые соляные залежи! Какие силы превратили бывшее морское дно в гору! Но, идя по мрачным, освещенным тусклыми лампочками коридорам, я больше удивлялся не чуду природы, а следам труда человека в этом царстве соли.

Индейские легенды гласят, что всемогущий бог Боцика показал людям эти богатства. Соль стала их пищей, товаром, деньгами. Он научил индейцев делать соль белой, словно снежные вершины гор. Вода, перенасыщенная горной солью, под жгучими лучами солнца и в пламени костров превращалась в белые куски круглой формы. Отсюда их отправляли по тропам в горах и джунглях и по лентам рек во все стороны.

Завоеватели во главе с Хименесом Кесадой, найдя соляную гору Силакира, объявили ее собственностью испанской короны. «Святой дух, превратившийся в куски белой соли, показал воинам Христовым путь в недра Америки, заселенные индейцами», — гласила одна из хроник того времени. Если бы не соль, католическая мораль и христианская цивилизация значительно медленнее продвигались бы по этому континенту. Испанские завоеватели — рыцари наживы и авантюристы — были представителями Христового воинства, несущего язычникам свет истинной веры. Вначале в штольнях появились небольшие алтари с распятиями и с прочими атрибутами католического культа. Владельцы копей, задумав «облегчить» судьбу измученных невольников, решили установить в одной нише статую девы Марии. Деньги на ее сооружение собрали с тех же обездоленных рабочих и предоставили им право молиться у ее ног. Матерь божию изготовили не из металла. Скульптор Даниэль Морено высек мадонну из той же каменной соли. Шло время, кое-кому показалось недостаточно одной скульптуры. Правление колумбийского банка финансировало строительство в недрах соляной горы храма.

...Подземные коридоры безмолвны, эхо не повторяет шагов. Постепенно проход расширяется. Из синей мглы возникают огни. Это большой алтарь. Вероятно, в таких вот подземельях во времена Римской империи раннехристианские общины соби-

рались для тайных молитв и погребения умерших. Римские катакомбы были, разумеется, значительно меньше. Боготский соляной собор представляет собою просторную галерею высотой 74 и длиной 120 метров, вмещающую 8 тысяч человек. Его торжественное открытие состоялось всего четверть века назад. По воскресеньям здесь служат мессы. И те, кто попал в безжалостные тиски банков и монополий, могут прийти сюда за утешением.

В городах Латинской Америки самые большие и старые храмы стоят, как правило, рядом с правительственными учреждениями, демонстрируя давний союз светских и церковных властей».

(Из книги «Медное солнце»)

— Латиноамериканская католическая церковь сейчас имеет три наименования, — говорил мне один священник в Венесуэле. — Высшая католическая иерархия, наблюдая равнодушно верующих, называет ее «спящей церковью». Духовные лица более низкого ранга, сталкиваясь лицом к лицу с действительностью, но обязанные придерживаться догматических канонов, выработанных Ватиканом, называют ее «церковью формалистов». Люди, из которых едва ли десять процентов выполняют религиозные обязанности, называют ее «церковью атеистов».

Сегодня против креста и меча восстают большие и малые народы, еще не успевшие сбросить унизительное ярмо. Во время многочисленных поездок по Латинской Америке я не раз слышал, что данную часть света объединяет не только язык, но и католическая вера. В том, что это утверждение во многом условно, поверхностно, меня убеждали встречи и с простыми тружениками, и с такими выдающимися мыслителями и художниками, как Пабло Неруда и Давид Сикейрос. Однажды, когда я ехал на встречу с Нерудой, у автомобиля лопнула шина — пришлось задержаться. Тут же появились дети, жадно смотревшие во все глаза. К группе детворы присоединились двое пожилых людей — женщина в черном платье с крестом на груди и мужчина, непрерывно жевавший листья колы. Глядя на него, я невольно подумал о тех латиноамериканцах, которым удается взбодриться лишь на очень короткое время при помощи наркотиков.

В сегодняшней Латинской Америке водораздел между людьми гораздо сложнее извилистых берегов Амазонки и иссеченной, точно шрамами, цепи Кордильер.

В Бирме мне довелось видеть множество людей, приносивших пожертвования буддистским монахам. Они делали это от души, убежденные, что так и надо поступать. Нередко голодные бедняки отдают последнюю горсть риса.

Как-то пришлось столкнуться с видным буддистом-полиглотом, знавшим 17 языков, в том числе и русский. Он цитировал

по-английски Шекспира, по-русски Пушкина, а потом подарил мне сборник собственных стихов. Он меньше всего говорил о религии, восхищался красотой, поэзией. Но как только мы заговорили о смысле жизни, он определил свою миссию: как можно быстрее помочь людям достичь нирваны — исчезновения. По его словам, это на редкость благородная цель. Я не стал спорить. Быть или не быть сегодня? — это не повторение мучительного вопроса Гамлета. Быть или не быть? — волнует всех. Ибо речь идет не о смертельном соке белены в руках короля-убийцы, а об атомном и водородном оружии.

Мне довелось встречаться и беседовать с бывшим губернатором Нью-Йорка Рокфеллером. Его отличала удивительная способность непрерывно улыбаться и проявлять заботу, заботу о всех и каждом. Глядя на его улыбку, я мысленно представлял каменный «Рокфеллер-центр», выстроенный отцом губернатора — Джоном.

Фараоны Египта строили пирамиды. Они делали это, потому что хотели навеки оставить след на земле, жить и после смерти. Фараоны XX века, построившие в центре Нью-Йорка город небоскребов, отрицают, что идут по следам египетских фараонов. И аргументы их воистину вески: пирамиды-де предназначались для мертвых, а, мол, «Рокфеллер-центр» — для живых.

Возле «Чайзманхеттен-бэнк» на пьедестале устроилась глыба полированного гранита. На ней покрытые позолотой буквы и под «золотыми словами» не менее золотая подпись Джона Рокфеллера. Что же там? Джон Рокфеллер-отец, перечитав то место в Библии, где господь с Горы Синай через Моисея возвестил людям свои десять заповедей, позавидовал всевышнему. Он изрек и запечатлел на камне десять пунктов своего морального кодекса, которые должны были покорить американцев, а потом, очевидно, и все человечество. Свой кодекс Рокфеллер назвал «Я верую» и распорядился утвердить его в сердце собственной империи:

«Верую, что всякое право налагает ответственность, всякая возможность обязывает, а каждая собственность рождает чувство долга... Верую, что на земле не дано человечеству полного счастья — одна лишь остановка на пути к иной, прекрасной жизни... Верую, что воздержание обязательно для человека» и так далее.

Свои десять «верую» Рокфеллер возвестил, конечно, не затем, чтобы их читали прохожие. Он прекрасно понимал, что всякий, кто посетит его «империю», задумается, почему маленькие Рокфеллеры уже с пеленок миллионеры, а прочие получают горькую нужду в настоящем и безнадежность в будущем.

Обман в США имеет поистине вселенский масштаб, и его невозможно скрыть за ширмой улыбок и респектабельных вит-

рин. Когда, скажем, на рождество среди моря огней, веселья, улыбок появляются сотни дедов-морозов (санта-клаусов) и начинают собирать пожертвования, выясняется, что это для миллионов неимущих, сирот, страждущих и обремененных.

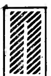
Люди создавали богов по собственному образу и подобию. Боги разнолики, многообразны, а суть их одна и та же. В Кувейте я слышал, как муэдзин призывал совершить молитву единому всемогущему Аллаху. Но совсем к другому призывали с амвонов католические падре Боливии и Мексики или буддистские монахи Таиланда, излагавшие мудрость их властителя. Нередко прихожане и понятия не имеют о том, кто их духовный пастырь. Некий епископ Бризгис, проживающий в Америке, выступает с мирными проповедями. Но если бы его нынешняя паства знала, что во времена фашистской оккупации этот ксендз помогал проводить в Литве геноцид? Сутана не мешала палачу расправляться с мирными жителями. Даже газета «Нью-Йорк таймс» не так давно признала, что епископ включен в списки военных преступников. Однако есть еще, к сожалению, силы, мешающие призвать палачей к ответу. Скажем, римско-католическая курия, Ватикан оставляют епископа в тени. Радио Ватикана не передает правды для своих слушателей, хотя чернит атеизм и свободомыслие.

Может быть, это касается только Бризгиса? Ватиканские проповедники нашли немало теплых слов о ксендзе Игнатавичусе, скрывавшемся в Бразилии. Он выступал перед латиноамериканцами с проповедями, разумеется, ничего не рассказывая о тех временах, когда совмещал функции гитлеровского капеллана с акциями предателя. Несколько лет назад мир потрясло злодеяние воздушных пиратов Бразинскасов. Турецкие власти переправили их в Рим к святым отцам и духовникам, откуда Бразинскасы переехали к католикам Венесуэлы, где находились ровно столько времени, сколько потребовалось для подготовки их приезда в США. Ныне эти бандиты среди прихожан костелов, «пострадавших от коммунистического режима».

Когда представителям различных религиозных конфессий приходится выступать против безверия, церковники всегда находят между собой общий язык. Но ход истории изменить нельзя. Неуклонно растет число священников, которые, еще не порвав традиционных связей, видят дальше, присоединяются к общему движению человечества к прогрессу. Сегодня все больше и больше число верующих, которые хотя еще и стоят на прежних позициях, но уже чувствуют принципиальные, разительные перемены. Жизнь постепенно учит их мыслить, бороться, переделывать окружающую действительность.

И. КИЧАНОВА,
доктор философских наук

ОСТРАЯ ГРАНЬ



очему мне вспомнился роман Киплинга «Ким»? Ассоциация? И кажется, довольно простая.

Ассоциацию с «певцом Востока» по-колонизаторски, с автором «Маугли», вызывает мой собеседник — англичанин. Мы оба участники симпозиума, проводимого ЮНЕСКО в Ташкенте. Необязательные темы... Обмен любезностями двух коллег, оказавшихся рядом в перерыве между заседаниями в просторной гостиной «Дома знаний». Мой коллега — специалист по искусству Центральной Азии конца прошлого тысячелетия — начала нынешнего, эпохи Кушанского царства. Особенно его интересует буддийское искусство, получившее в этом регионе своеобразную направленность и окраску.

Беседуем о новых материалах, полученных при раскопках буддистских ступ на территории Таджикистана, о реставрации памятника Тюрабек Ханум в кызылкумских песках, которым я интересуюсь уже давно.

— В самом деле? В семейных наших альбомах немало зарисовок мавзолея Тюрабек Ханум, их сделал мой дед, — откликается собеседник. — Ученый? Нет, ученым его не назовешь, хотя Восток знал неплохо. Он торговал с Востоком. — Собеседник мой избрал лирический аспект воспоминаний о своем предке. — Любил он Восток и знал. Не скрою, я поклонник Киплинга. В семье уже третье поколение перелистывает альбомы с зарисовками и фотографиями здешних мест. Изюм в семье и сейчас называют ура-тюбинским, а вина, тут дедушкой еще заведена традиция, в семье предпочитают сладкие. Лучший же виноград для вин этих среднеазиатский, ура-тюбинский.

Впрочем, усмехается он, вряд ли о таком городе известно московской жительнице.

Москвичке известно об этом городе с детства, московская участница симпозиума родом из Ташкента, Ура-Тюбе же в двухстах километрах оттуда. Да и по специальности мне надлежит быть знакомой с этим городом.

— Время позволяет. До конца перерыва далеко еще, расскажите, каков он, этот город. Сейчас. В Черемушки превратился, — не удержался он от злой интонации...

Холм в долине — по-таджикски «ура-тюбе». Так и называется этот город в отрогах Туркестанского хребта. Город с длинной историей — две с половиной тысячи лет, город на перекрестке древних караванных путей, связывавших некогда Среднюю Азию со странами Ближнего и Дальнего Востока.

Когда-то над долиной господствовали крепости и замки: развалины одного из них — Каллаи-Муг — сохранились и поныне, стоят они в самом центре города, иекогда бывшего крепостью. Против древнего Каллаи-Муг на другом холме возвышается вполне современное сооружение — трикотажная фабрика. На трехсменную работу приезжают из окрестных кишлаков и приходят из города девушки с сорока косичками, в ярких шелковых платьях с национальным орнаментом. Сооружения древние и новые стоят рядом и словно рассматривают — каждый со своей точки — сегодняшнюю жизнь долины.

...Этнографы считают район Ура-Тюбе сокровищницей. Здесь сохранились не только древние ремесла, вышивание, резьба по дереву и металлу. Сохранились черты уклада, обычаев, восходящих к доисламской еще истории, к эпохе, когда жители долины Истравшан были язычниками, огнепоклонниками. В народном искусстве — в узорах резных дверей и арочных колонн, в разрисовке тканей, в настенной живописи — следы истории. Обычные, казалось бы, детские игры дадут интереснейшие сведения и социологу и этнографу. Мальчишки квартала Богат, например, играют в войну... с царем Дарием, причем на том же самом месте, где почти три тысячи лет назад этот персидский царь основал крепость Вога! Шлемы и копья у ребят хоть в музей помещай. Истравшанцев мало затронули миграционные потоки, перемещавшие целые народы за тысячи километров от их исторической колыбели. У жителей ура-тюбинских холмов и долин издавна первейшей доблестью считается приверженность родной земле. Пожалуй, в этом секрет такой сохранности старины.

Древний Ура-Тюбе, разрастаясь вширь, стал в конце концов городом с пятнадцатитысячным населением, ныне в значительной мере состоящим из молодежи.

Коллега благодарен за ценную информацию, только, считает он, деликатно умолчала я о маленькой детали.

— Конечно, это пустяк для коммуниста, — сказал он с расстановкой и сопроводил вежливой улыбкой (не посетуйте, мол, идеологическая конфронтация). — «Пустяк» этот, — подчеркнул он значимость своей позиции, — поголовная атеизация населения. Безбожный курс, или курс на безбожие, что после него остается от культуры? От морали? Насильно отняли религию — насильно лишили и традиции, и национальности, и культуры...

Здесь мой собеседник сдержал себя, тон его был безупречно корректен, в нем сквозило некое даже сочувствие оппоненту.

— Но ведь не вызывает у вас, дорогой коллега, изумление и негодование всем известное положение — падение религиозности в той же Англии, в других странах. Кстати, я, будучи

в Англии, познакомилась с ныне покойиым Бредлоу Боинаром, главой организацни, объединяющей протнвннков релнгни, неверующнх, атеистов (Всемирный союз свободомыслящнх). Подобных иациоиальных органнзацнй множество в мнре, немало и изданий. Мне прнходнлось нх чнтать. Внднные деятели культуры в странах Запада причнсляют себя к этому движению не приемлющнх религию, в их чнсле Бертран Рассел, Соммерсет Моэм, Бериард Шоу.

— Да и сам я скептнцизма придерживаюсь. Но Запад — другое дело. Народы Россни, н русскнй народ прежде всего, религнозны исконно. Вам ли не знать это нз Достоевского, из Толстого. Мусульманские же народы тем более не допускают насаждення безбожия.

Мой коллега поглубже втиснулся в кресло, медленио раскурил трубку н поднял глаза. Между тем перерыв закончился, руководнтель секцнн, недавно ставшая академнком Академин наук Узбекистана, подошла к нам с очевндным намерением прнгласить в зал.

— Досточтнмый метр... — обратнлась она к буддологу.

— А мы вот спорнм! Ведем острую ндеологическую днскуссию, — шутлнво и с некоторым вызовом доложнл «досточтимый метр». — И вовсе я не склонен давать форы моей оппонентке. Если перенесем спор на завтра, она успеет «согласовать» свон реченя, пройдет «ндеологическую обработку», н пропадет самое ценное в беседе — нмпровнзация. Впрочем, если мой напор создает ей сложностн, давайте прекратнм, может подготовиться...

— Да нет же, спорьте, спорьте, раз интересно... — Академик взглянула на меия. — Это что же, вас нсповедуют отиосительио атензма?

— Исповедуют, да еще н подготовнться не дают.

Руководительннца секцни отправнлась проводить заседанне без нас, мы осталнсь в совершенно пустом холле.

— Прндется речь вам держать, иачальство санкционнровало, — нроннзнрует он.

— Раз уж речь, так по порядку...

Советское общество с полным основанием называют обществом распространення массового атензма. В подавляющем большинстве своем граждане Советского Союза — людн неверующне. В то же время нностранный журналист, турнст, деловой человек, посетившнй СССР, легко может увндеть и действующую церковь, н синагогу, и молнтвенный дом, и мечеть. Прнмерно с такой же картнной встретнтся он в любой нз соцналнстнческнх стран.

Шнроко нзвестно, что атеизм — мнровоззренческий принцип коммуинстическнх партнй. Однако в Советском Союзе, напри-

мер, регулярно издаются религиозные журналы, печатаются Библия, Коран, богослужебные издания различных конфессий.

Как все это согласуется друг с другом?

Тот, кто захотел бы получить ответ на вопрос, как коммунисты относятся к верующим, и обратился с этой целью к статьям, публикуемым на Западе, обнаружил бы удивительную разноголосицу: описания и оценки прямо противоположны.

Автору этих строк однажды довелось слушать в Риме лекцию на тему «Религия и коммунизм» дона Лояконо — католического прелата, известного своими резко антикоммунистическими статьями. Незадолго до этого он побывал в Советском Союзе. Недоверие паствы к его проповедям заставило прелата искать подкрепления своей позиции личными впечатлениями. О чем же шла речь в лекции? Пришлось констатировать наличие в Советском Союзе государственных институтов, обеспечивающих свободу совести, говорить о красоте церквей, реконструкции церковных зданий, об имущественном достатке и прихожан и священнослужителей. При всем том в лекции утверждалось, что атеизм насильственно навязан советскому человеку, обществу, а коммунисты — гонители верующих, поскольку коммунизм с религией борется.

Оба эти утверждения являются распространенными, «ходячими», так сказать, поэтому заслуживают внимания.

Искусственный феномен или знамение времени? В идеях, будто атеизм — неорганичное обществу явление, нет ничего нового. Мысль эта утверждалась одновременно с появлением религии. В XX веке атаки на атеизм усилились. Акцент теперь делается на широкое распространение атеизма в государствах, где к власти пришли коммунисты. Объяснения этому приводились разные, но лейтмотивом звучало: атеизм — политический феномен, принудительно внедренный в общественный организм Советского Союза и других стран социализма.

Сегодня подобные положения легче декларировать, чем доказывать. Ведь веком падения престижа религии называют двадцатый век сами руководители крупнейших церквей. Распространение различных форм неверия, атеизма составляет тревогу и заботу идеологов и руководителей всех религиозных направлений. Падение престижа религии, уменьшение религиозности стало неоспоримым фактом. Таким же фактом является усиление одной из фундаментальных прогрессивных тенденций общественного развития — секуляризации, то есть освобождения всех сфер жизни общества от влияния религии.

Атеизм, секуляризация, критика религии — явления, присущие отнюдь не только одним странам социализма. Вот уже более ста лет существует организованное движение свободомыслящих. Оно уже давно приняло международный характер. Два наиболее крупных объединения — Всемирный союз свобо-

домыслящих и Международный гуманистический и этический союз. Ватикан определяет их как «немарксистские формы воинствующего атеизма». Среди деятелей этих организаций всемирно известные ученые, философы, писатели, люди, которых отнюдь не причислишь к поборникам коммунизма. Они развивают в современных условиях традиции философов Просвещения и энциклопедистов, традиции антиклерикализма, обосновывают светское происхождение и земной характер морали. Утверждают достоинство нравственных ценностей. Ключ проблемы именно здесь. Сегодня атеизм строится на нравственной основе, утверждает высокую мораль. Речь идет не об утверждении какого-то «чистого», «голого» атеизма «самого по себе». Важно развитие и укоренение духовно-нравственных ценностей. Эти ценности имеют общечеловеческое достоинство и основу; они в то же время обогащены опытом строительства нового общества, обрели более высокий нравственно-гражданственный уровень и смысл.

Атеистические тенденции имеют различную степень проявления в различных социально- и культурно-исторических ситуациях (более того, они отнюдь не лишены противоречий), но одно несомненно — они приобретают глобальный масштаб и характер.

Значимость и силу этих тенденций — и не только в среде интеллигенции, но и широких масс — так или иначе признают важнейшие церковные документы нашего времени.

В энциклике папы Иоанна XXIII «Матер эт магистра», обнародованной в 1961 году, констатируется факт развития процесса секуляризации. В ней говорится, что «самым зловещим аспектом современной эпохи по-прежнему остается абсурдная попытка создать прочный и плодотворный светский строй без бога». В качестве важного признака эпохи энциклика называет утверждение и юридическое оформление «светского духа». Она отмечает рост светского правосознания, в частности, констатирует наличие в современном мире конституций, основанных на светском законодательстве и апеллирующих к светскому сознанию.

Такого рода признания церковь делает впервые. Теперь она уже не может умолчать о том, что выдвижение идеи сотрудничества всех религий на первый план в церковной политике означает прежде всего попытку объединить усилия всех религиозных организаций для разработки новой стратегии и тактики борьбы с секуляристскими принципами, атеизмом. Наибольшую опасность современного атеизма церковь усматривает в его гуманистической направленности. Именно гуманистический характер атеизма, становясь очевидным для простого человека, укрепляет престиж атеистических позиций, отмечается в фундаментальном издании «Атеизмо контемпоранео», выпущенном в свет Ватиканом.

Сами церковные лндеры н богословские авторитеты признают такнм образом, что релнгня теряет своих приверженцев во всем мире. В этой связн напрашнвается вопрос: «Можно ли считать процесс отхода верующих от религии в страиах социализма явлением, чуждым человеческому обществу, процессом искусственным?» Не вернее ли сказать, что марксисты, коммуннсты нанболее последовательно и полно выражают в теории и реализуют иа практнке глубннную тенденцию исторического, соцнальиого развнтня общества. Теиденцию, при всей ее противоречивости ставшую столь актуальиой в иаше время.

Программа строительства коммуиистического общества в качестве одной из задач предусматрнвает кропотливую и сложную работу во нмя реальиого утверждения человека в качестве всесторонне развитой, удовлетворяющей всевозрастающие духовные и материальные потребностн лнчности. Это принципиальная программа коммуннстов, она осуществлялась с разиой мерой полноты иа различных этапах развития Советского государства, иногда в весьма сложных и трудиых нсторических условиях. Коммуннсты основываются иа прннцнпах гуманнстнческой борьбы за человека. Они выступают за преодолеиие человеком превратных, ндлюзорных форм сознания.

Известно, что после свершеиня Великой Октябрьской социалнстической революцин руководителн церковиых оргаиизаций Россин встали на путь политнческой борьбы протнв Советской власти, прнмкиулн к контрреволюции, пытались всеми способамн, в том чнсле и ндейным воздействием иа верующнх, добиться реставрации царизма, буржуазно-помещнчьего строя.

Почему так произошло? Православиая церковь выступала в качестве одного из главиых устоев российского самодержавия. Она была крупнейшнм земельиым собственинком (нмела 2 мнллнона 850 тысяч гектаров земли), сосредоточнла огромные фнианcовые средства, ежегодно собирая с населения 90 миллиоиов рублей золотом. На священнослужителей возлагались функцнн контроля за благонадежиостью верующнх, тем самым они способствовалн политнческому закабалеиию масс. Православная церковь служила н орудием угнетеиия иерусских нацнй н иародностей России, поскольку она была поставлена в прнвилегированное положенне сравнительно с другими культами.

Революцня передала крестьянам многие сотни тысяч гектаров землн, прниадлежавшнх церкви. В изъятые у моиастырей помещения было переселеио свыше 1,5 мнллиона трудящнхся.

Свержение царнзма, буржуазио-помещичьей власти означало для церквн утрату ролн столпа общества. Неуднвнтельио поэтому, что вопросы, связанные с формированием взаимоотиошений церквн и нового государства, были одинмн нз самых первых, которые прншлось решать коммуиистам. Уже 23 января 1918 года был издан Декрет Совета Народных Комиссаров (так на-

зывалось тогда правительство Советской Республнки) об отделении церкви от государства и школы от церкви, который предоставлял гражданам возможность исповедовать любую религию или не нсповедовать никакой, исполнять религиозные обряды в той мере, в какой они не нарушали бы общественный порядок и не сопровождались посягательством на права граждан Советской Республики.

Декретом отменялись религиозные клятвы или присяги. Отделением школы от церкви устранялось неблагоприятное влияние духовенства на воспитание подрастающего поколения, обеспечивались светские принципы образования. Религиозное образование и воспитание граждан может осуществляться лишь в плане частной, индивидуальной деятельности. Не допускались произвольные и разорительные поборы, которые церковные организации взимали с населения России.

Национализация церковных земель и переход в народное достояние части церковных зданий не привели к упразднению церкви, как это пытаются утверждать некоторые необъективные историки и деятели церкви несоциалистического мира. Они забывают, что в бесплатное пользование религиозным общинам советские коммунисты передали церковные здания, помещения, а также принадлежавшие церкви утварь и предметы культа.

Итак, церковь лишалась экономического влияния, подрывались ее притязания на господство в сфере духовной жизни общества, ее возможности политического давления на верующих. Но ведь сами верующие оставались. Оставались бытовые, семейные традиции, основанные на религиозных обрядах, оставались веками воспитанные и передававшиеся от поколения к поколению религиозные потребности. Именно для удовлетворения этих потребностей, для соблюдения принципа свободы совести церковь получила признание в новом, социалистическом государстве определенный статус существования. Однако в первые годы после революции многие представители духовенства злоупотребили этим статусом, оказали поддержку свергнутым классам и иностранным интервентам. Советская власть оказалась вынужденной применять к ним различные меры пресечения, но тоже независимо от вероисповедания.

В некоторых изданиях, посвященных положению религии в СССР, искажается подлинная историческая картина. Репрессии, война с церковью, с церковными организациями, преследование верующих со стороны советских властей — такой предстает история под пером недругов коммунистов. Подобные заявления представляют своего рода экран, заслоняющий действительные события. Один пример. Во время страшной засухи, охватившей в 1921 году значительную часть Советской России, государство было вынуждено принять решение об изъятии определенной доли материальных ценностей, принадлежавших раз-

личным церковным организациям, чтобы закупить на них за границей хлеб. Церковь саботировала данное решение, объявив намеченную акцию грабительством и беспрецедентным явлением в истории взаимоотношений церкви и государства.

Однако для русской истории это было не внове. К секуляризации церковного имущества прибегали еще Петр I и Екатерина. Большое количество золота было взято царским правительством у церкви на нужды первой мировой войны. Когда же в ответ на обращение населения голодающих губерний с просьбой о помощи советская правительственная комиссия приступила к изъятию ценностей у церкви, она натолкнулась на явный саботаж.

Тем, кто однозначно, негативно представляет сложный процесс проведения в жизнь новых принципов в отношениях Советского государства с церковью, можно напомнить и о других реальных фактах. Провозгласив и осуществив равенство всех религиозных культов, отказавшись поддерживать преимущественное положение какой бы то ни было религиозной организации, Советское правительство положило конец льготам и засилью русской православной церкви, притеснявшей другие культы. В 1917 году оно вернуло мусульманам считающийся их святыней древний текст Корана (так называемый «Коран Османа»), отобранный у них царской властью. Пока не были подготовлены преподавательские кадры для школ, в медресе разрешалось преподавать муллам. В то же время в стране было запрещено несколько религиозных сект, обряды которых наносят ущерб достоинству личности и здоровью человека (хлысты, скопцы и некоторые другие).

Соответствующие государственные акты регулируют отношения между государством и церковью, а органы власти и специальный Комитет по делам религии, существующий при правительстве СССР, осуществляют контроль за их выполнением.

Религиозный вопрос вовсе не является лишенным противоречий и трудностей. И трудности эти обусловлены главным образом объективной сложностью, многоплановостью религиозных проявлений. Сфера бытовых и семейных традиций, передаваемых из поколения в поколение, это, так сказать, оплот влияния религии, и коммунисты вовсе не стремятся «взять его с боя». Воздействие культуры социалистического общества на все сферы жизнедеятельности происходит постепенно. Трудности тут подчас связаны с несоблюдением отдельными священнослужителями советского законодательства, попытками обхода ими законов и постановлений, регулирующих взаимоотношения церкви и государства.

Так, в одном из городов было устроено шествие в честь местного религиозного праздника, приведшее к дезорганизации интенсивного уличного движения, тогда как законодательством предусмотрено отправление культа на церковной территории.

В другом случае пытались открыть школы для обучения детей религии. В третьем — мать принуждала подростка к крещению. Но все это в общем не более чем эпизоды в деловой и довольно слаженной системе взаимоотношений Советского государства с религиозными организациями.

— Сколько, вы думаете, монастырей в нашей стране? — спрашиваю собеседника.

— Вы подвергаете меня испытаниям, — засмеялся он в ответ. — Религиозные центры, о них доводилось читать, а монастыри... Думаю, нет монастырей, а? Кстати, а синагоги, есть они у вас в стране, что-то много шума по поводу их полного отсутствия?

Припоминаю синагоги и миньяны в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Вильнюсе, Баку, Одессе, многих других городах и населенных пунктах. В них имеются и ритуальные бассейны для омовения (миквы), и маца выпекается, и птицерезки существуют. В Москве действует духовная школа нешибот. Каждая конфессия готовит кадры в учебных заведениях: 6 православных академиях и семинариях, 2 католических семинариях, мусульманской академии и медресе, нешиботе, академии армяно-грегорианской церкви, семинарии грузинской православной церкви, на курсах евангельских христиан-баптистов и т. п. Учатся верующие из Советского Союза в религиозных центрах ГДР, Франции, Польши, Иордании, Ливии, Непала, Сирии, Монголии.

Посмеиваясь не то иронически, не то смущенно, собеседник достает ручку и с профессиональным педантизмом в тоне вопрошает: «источники». Называю издание и обещаю принести книжку, а возможно, если успею достать в издательстве агентства печати «Новости», то и английское издание ее.

Коллега удовлетворен обещанием. Ожидающе поднимает седые брови, взгляд внимательный: «Что же дальше? Продолжим!»

Что же, продолжим...

Свобода вероисповедания и ее реальное осуществление — одна сторона вопроса. Не менее важна и другая — свобода атеизма.

Отделение церкви от государства, свобода совести неразрывно связаны со свободой атеистической пропаганды, с гарантиями свободы пропаганды материализма. На этой основе и ведется в социалистических странах атеистическая работа. В Советском Союзе, например, систему научно аргументированных идей, критикующих религиозное мировоззрение, выдвигает журнал «Наука и религия». Вопросы атеизма и критики религии разрабатывает серьезный исследовательский центр — Институт научного атеизма. С атеистическими лекциями перед населени-

ем выступают специалисты разных отраслей и знаний, учителя, рабочие, студенты. Атеизм вовсе не сводится к голому отрицанию религии и ее догм. И теоретическое опровержение религии, и противодействие ее влиянию в общественной жизни основываются на позитивных началах, на достижениях социализма в материальной и духовной сферах. Советские атеисты стремятся найти ответы на те вопросы, на сложности которых, можно сказать, основывает религия свое влияние. Это проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия, смысла социального служения. Это глубинные потребности человеческого духа, нравственные потребности личности в совершенствовании, достоинстве, в высших человеческих духовных и нравственных качествах. Советские атеисты раскрывают перед человеком путь такого совершенствования, который осуществляется самим человеком в благоприятных для него социальных условиях, а также условиях культурных и при этом без какой бы то ни было религиозной санкции.

Советские атеисты продолжают традицию гуманистического движения, для которого человек, его благо и духовная высота, его счастье и достоинство являются главной целью. Именно эти заветы Людвига Фейербаха, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, деятелей свободомыслия Германии вдохновляют наиболее прогрессивные круги атеистов во всем мире, гуманистическими заветами руководствуются в своей практической деятельности атеисты в Советском Союзе.

Религиозность в условиях социализма означает не только ненаучное, иллюзорное объяснение мироздания, общественной жизни. Ведь приверженец религии не использует всех возможностей для полнокровной, социально активной жизни, которые предоставляет ему новое общество. Правильно будет сказать и о другом — нравственную и физическую энергию тратит он на приготовление к жизни «будущей». В этом он видит свой нравственный долг. Но подлинная нравственность выражает себя в другом: все ли сделал человек, чтобы жизнь и окружающих и собственная здесь, сейчас стала лучше, духовно богаче, красивее.

Речь идет о создании условий для полноты, всесторонности самоосуществления, самореализации человека, об устранении самой потребности компенсации за скудость жизни. В то же время марксисты ясно понимают, что преобразование материальных условий, изменение бытия не ведет автоматически к отказу человека от религии. Религия имеет свою логику развития. Она тесно связана и переплетена — и объективно, и в сознании верующих — с культурным, этически-национальным фактором, с традициями в быту и т. д. Ф. Энгельс, непримиримый противник философского идеализма и религии, с большой точностью выразил смысл марксистского идейного преодоления религиозности, включающего критическое усвоение общезначи-

мых ценностей. «...Ведь дело идет тут отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, — писал он, — а о критике его, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы».

Нередко можно наблюдать удивление иностранных туристов, останавливающихся у афиш Московской консерватории с сообщениями об исполнении «Страстей по Матфею» Баха или «Всенощной» Рахманинова, рассматривающих в картинных галереях полотна на библейские сюжеты.

Приверженцы атеизма — и вдруг увлечены религиозной музыкой? Парадокс? Нисколько. Широта кругозора, умение проникаться красотой и отсутствие одиопланового религиозно ориентированного восприятия — в этом сказывается освоение культуры, вкус к ней, сформированный у самых широких слоев советского народа сегодня.

Утверждение в сознании людей материалистического мировоззрения, коммунистической нравственности предполагает высокий уровень образованности, знание истории развития общественной мысли. Именно на знании, на эрудиции, культуре, высоком уровне нравственного сознания базируются те аргументы, с которыми атеисты обращаются к верующим, выступают против религиозных идей.

Особенно важно подчеркнуть, что преодоление религиозной ориентации сознания и поведения происходит в условиях признания социального идеала коммунизма в равной мере как верующими, так и неверующими. И верующие и атеисты являются патриотами, совместно строят новое общество, на знамени которого написано: Свобода, Равенство, Братство, Счастье всех народов.

Соответствие коммунистического идеала самым глубоким чаяниям и потребностям человека обусловливает массовость, широту социальной базы коммунистов. Это отлично понимает духовенство, повседневно видя единение компартий и народа в странах социализма. Так, в докладе на конференции представителей всех религий в СССР «За сотрудничество и мир между народами» митрополит Ленинградский и Новгородский сказал о значимости коммунизма для паствы: «В результате Великой Октябрьской социалистической революции мир был поставлен перед фактом государства новой социальной формы, которое, пройдя путь испытаний, выработало новую демократическую структуру жизни, нравственный общественный порядок и стоит на пути постепенного осуществления все более и более справедливых человеческих отношений».

Чтобы скомпрометировать коммунистический идеал, уменьшить воздействие его на массы, наши критики нередко обвиняют марксизм в том, что ему-де свойственна ориентация на массу, что забота прежде всего о коллективе людей наносит ущерб

отдельной личности. Социальный идеал коммунизма они склонны изображать как идеал «муравейника», а практику утверждения его в жизнь — как работу «вообще», в отрыве от забот о нуждах, духовных потребностях каждого отдельного человека. Именно верующие при этом изображаются в качестве неких «жертв» данной схемы. Классовый подход трактуется как альтернатива простой человечности, забота о «дальних», народе в целом противопоставляется любви к живому человеку.

Если обратиться к фактам, то дело выглядит отнюдь не так. Даже в самые суровые годы жизни Советской страны человечность, забота о конкретных людях, отдельном человеке отличали коммунистов, отнюдь не противоречили их классовому революционному сознанию. Чрезвычайно интересен в этом отношении ответ В. И. Ленина на письмо военного комиссара Данилова. В обращении к Ленину Данилов писал о необходимости развивать чувства «любви, сострадания, взаимной помощи внутри класса, внутри лагеря трудящихся». И это писалось в годы острой классовой борьбы, когда люди переживали тяжелые лишения. В своем ответе Ленин подчеркнул: «И внутри класса» и к *трудящимся иных* классов развивать чувство «взаимной помощи» и т. д. безусловно *необходимо*». Не только «всем», не только «сумме», но и каждому трудящемуся адресованы, по ленинской мысли, забота, помощь, солидарность.

Марксисты вовсе не закрывают глаза на то, что существуют индивидуальные, сугубо личные, субъективные, а иногда и ситуационные мотивы и основания для обращения к религии. Недостаточная твердость жизненных позиций, убеждений при определенных коллизиях индивидуальной судьбы приводит подчас человека к поискам утешения в вере. Безутешна мать, потерявшая своего ребенка, — горе одиночества, состояние болезненной нелюдимости, отчаяние, тоска... Забота различных институтов социалистического общества о человеке является реальным фактом. Правда, ввиду индивидуального характера ситуации и судьбы она воздействует не всегда однозначно и эффективно.

Ценности, действительно помогающие жить полной, достойной человека жизнью, — это те гуманистические ценности, цели и идеалы, наиболее последовательными защитниками которых являются коммунисты, борющиеся за верующего. За то, чтобы судьба каждого человека состоялась здесь, на земле, как жизнь, достойная человека, гражданина, личности.

...Я перевела дух. Собеседник молчал, глядя в пол, трубка в руке его потухла.

Какие вопросы услышу я от своего сегодняшнего слушателя? Последовал только один, состоящий, впрочем, из восклицания и вопроса. Задан был этот вопрос с откровенными интонациями возмущения и обиды: «Вы нарочно это устроили?.. — Хотел ска-

зать «представление», но запнулся. — И для меня специально придумали такую модель атеизма?!»

Неясно мне, что вызвало недоумение досточтимого метра?

— Гуманизм! Получается, будто атеизм не противоречит моральности, гуманности, духовности. Однако известно, за что критикуют советскую идеологию, — за антигуманизм, а антигуманизм в сегодняшнем виде состоит в преследовании религии и в насильственном насаждении атеизма.

Мой оппонент едва сдерживается:

— Мистификация! Нет такой модели!

Привожу названия книг, статей о позитивном характере деятельности по атеистическому воспитанию, о нравственном содержании этой деятельности, называю авторов, издательства.

Добавляю еще аргумент:

— Только недавно Далай-лама, глава буддизма ламаистского толка, признал необходимым изучение гуманистического содержания марксизма. И привело его к этому, в частности, знакомство с достижениями родственного тибетскому монгольского народа в условиях социализма.

Коллега проворчал:

— Знаю, читал в одной из газет такое сообщение со ссылкой на какого-то корреспондента.

— Этот «какой-то корреспондент» — ваша покорная слуга.

Собеседник обрадовался. Он буддолог. На Всемирную конференцию организации «Буддисты за мир» попасть ему не удалось, он лишь читал книги Далай-ламы «Буддизм» и другие, но с самим главой ламаистской ветви буддизма не встречался. Каков он? Как был принят на конференции?

Разговор перешел в русло профессиональных интересов ученого. Соблюдались ли ритуалы, посетили ли конференцию буддистские святые? Пришлось рассказывать о своих впечатлениях.

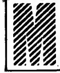
На заключительном заседании секции, где выступал английский ученый, он сказал, что, возвращаясь к своим научным занятиям из нашей страны, он расстается с темными очками. Слова свои сопроводил он изящным (впрочем, без театральности) жестом: снял коричнево-дымчатые и надел очки с бифокальными стеклами. Проделав это, он развел руками: предстоит размышлять о новых раскопках, о старых городах (он задумчиво улыбнулся, вспомнив, должно быть, Ура-Тюбе). И, возможно, об устаревших психологических моделях восприятия...

От уточнений и вопросов, вызванных загадочностью последней фразы, оратора избавила председательница-академик. Улыбнувшись, она плавно включила этот пассаж в заключительную свою речь: «В уточнении устаревших представлений, возможно, и состоит профессиональный долг ученого».

Закруглила, так сказать, острые углы...

Я — ВАШ ЧИТАТЕЛЬ!

Один из выдающихся в мире специалистов в области религии, итальянский ученый-коммунист Амброджо Донини, в своих книгах, анализируя богатейший фактический материал, убедительно раскрывает земные корни порожденного определенной исторической эпохой христианства, лишает его ореола исключительности, сверхъестественности.



не уже не раз приходилось писать, что марксизм не собирается уничтожать религию, как обычно — наивно или небескорыстно — утверждают в полемике на эту тему. Марксисты не отменяют ни религию, ни мораль, ни философию, считая, что не существует абстрактных «вечных истин», что при изменении условий жизни людей и их общественных отношений меняются представления, идеи, взгляды. Разумеется, старые идеи исчезнут окончательно только тогда, когда будут полностью изжиты все антагонистические классовые противоречия, их пережитки в сознании людей. Ясно, что такие изменения невозможно совершить административным путем, что они требуют длительного периода исторических и социальных преобразований.

Энгельс высмеял в «Анти-Дюринге» премудрого немецкого философа, который утверждал, что в новом обществе религия будто бы будет упразднена декретом. Полезно вспомнить одну из статей Ленина, написанную в период революции 1905 года. В ней подчеркивалось, что «единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе».

Мы видим, что произошло в Советском Союзе и других социалистических государствах, твердо стоящих на почве марксистского учения. Традиционные религии народов этих стран не только не упразднены, но церкви гарантирована полнейшая свобода. Новая Конституция СССР — убедительное тому подтверждение.

Я почти ровесник века. Разумеется, пришлось немало пережить, прежде чем прийти к определенным устойчивым взглядам на мир, на общество, на человека. Родился я в 1903 году близ Турина, в католической семье. Отец был генералом артиллерии и, естественно, мечтал сделать меня, первого сына, военным. Но судьба распорядилась по-иному. Во время игры мне, одиннадцатилетнему мальчишке, выбили правый глаз. Родители долго не могли смириться со случившимся, потом решили, что я смогу подготовиться, чтобы со временем стать священником. Тут уж воспротивился я сам. Хотя интерес к истории религии

появился у меня уже в юности, я понял, что для теологов, что бы они ни рассматривали, разграничительная линия всегда одна и та же: только моя религия истинна, все остальные ложны. Так рассуждают буддистский монах, толкователь Корана, священник-синтоист, протестантский проповедник, иезуитский наставник.

Мне бы хотелось подчеркнуть одно чрезвычайно важное обстоятельство, о котором я уже неоднократно писал. Несколько поколений миссионеров, собиравших разрозненные и противоречивые сведения о жизни и обычаях первобытных народов и толковавших их в свете своих апологетических представлений, создали некую книжную историю религиозного развития человечества. Желая во что бы то ни стало утвердить христианское понятие «откровения», они задались целью доказать, будто в самой основе цивилизации всех народов лежит вера в некое «высшее существо», которое лишь различно определяется в соответствии с тем или иным местом, языком и обстоятельствами. И только значительно позже, утверждают они, в связи с вырождением нравов возник культ идолов и поклонение небесным явлениям и животным. Монотеизм великих исторических религий, как они называют иудаизм, буддизм, христианство, ислам, является, следовательно, не чем иным, как возвращением к первоначальной вере.

Эта теория изложена — и не без претензий на эрудицию — в целой серии трудов известного католического этнографа профессора Вильгельма Шмидта, долгие годы преподававшего в Венском и Фрайбургском университетах и пользовавшегося славой крупнейшего представителя «историко-культурной школы» (целого моря фантазии!), которая исследовала происхождение идеи бога.

Эта теория совершенно не учитывает характера религиозной идеологии. Как известно, пытаясь объяснить «тайну» жизни и общества, люди всегда имели в своем распоряжении лишь те определенные средства, ту сумму знаний, которые соответствовали реальным условиям их существования. Когда человек еще недалеко ушел от животного состояния, он, конечно, не только не мог осмыслить свое место в природе, но и просто понять свою зависимость от нее. Никакое проявление религиозной жизни в ту эпоху не было возможно.

Потребовался длительный процесс развития общества, чтобы человек мог осознать и воплотить в определенных религиозных представлениях новые формы своей жизни. Многообразие сил природы, господствовавших над ним, породило изобилие богов. Иначе говоря, на этой древнейшей стадии религиозного развития господствовало то, что называют политеизмом. И лишь после образования первых рабовладельческих государств в Шумере и Ассирии, Вавилоне и Египте, в Мексике и Перу, в северном и восточном Средиземноморье началось постепенное

формирование первых монотеистических религиозных представлений.

Сами люди придали божествам именно те формы, которые соответствовали уровню их производства и общественного опыта. Идея об одном господине на небесах не могла возникнуть, прежде чем конкретно не утвердилась власть одного господина на земле.

Итак, политеизм, затем монотеизм. Почти все попытки разделить, классифицировать религии как-то иначе исходят из явно второстепенных признаков идеологического и морального порядка и не имеют существенного значения. Таково, например, деление религий на природные и исторические — свидетельство странного понимания отношений между историей и природой; или другое, внешне будто бы более научное деление на религии племенные (религии первобытных народов, кельтов, славян, германцев, латинян и др.), национальные (религии Персии, Египта, Вавилона, Греции, Рима, Индии, Китая, Мексики, Японии и др.) и мировые (иудаизм, буддизм, христианство и ислам). Более солидно выглядит деление на первобытные культы, «монархические» религии (Индии, Рима, Афин, Израиля), религии «спасения» (буддизм, мистические культы, мессианский мистицизм Павла) и «католические», то есть универсальные религии (римский культ времен империи, астрология, учение Филона Александрийского, католицизм, ислам, китайские религии). Но и это разделение весьма далеко от истины.

Подлинно научная классификация религий не может быть проведена без правильного понимания их истинных корней, реальных причин происхождения религиозной идеологии и ее развития в сменяющих друг друга фазах общества. Если исходить из такого понимания, то следует говорить о религиях первобытного общества, рабовладельческого, феодального и капиталистического обществ. Тот, кто отступает от данного критерия, неизбежно независимо от своей научной подготовки и знаний придет к вымышленной истории религии.

Религиозные учения всегда были основаны на приспособлении к классовым интересам.

Проблемами религии я серьезно заинтересовался еще студентом, учась в Римском университете. А когда в 23 года стал доцентом, начал преподавать историю христианства и историю апокалипсической литературы. Это были времена фашистской диктатуры в Италии. С 1926 года я член Итальянской коммунистической партии. Сразу же пришлось уйти в подполье, ибо все, даже самые куцые, свободы были отменены.

В один из дней 1928 года отец узнал, что меня должна арестовать секретная полиция. Он достал мне паспорт, по которому я, с согласия партии, уехал в Америку — стал политическим эмигрантом. Там я начал преподавать в Гарвардском университете, но больше занимался тем, что вел пропаганду среди

итальянских рабочих. Через три года Пальмиро Тольятти попросил меня вернуться в Европу и поработать в руководстве нашей партии в Париже. Я сотрудничал в газетах, основал в Брюсселе нелегальное издательство. Партия посылала меня и в Италию. Однажды мне пришлось приехать на родину с чужим, английским, паспортом в качестве пастора и вести «примерную» пасторскую службу довольно долгое время.

Мне достаточно рано стала ясна суть религиозной нетерпимости со всеми ее печальными и кровавыми последствиями, знакомая людям еще с древнейших времен.

Нетерпимость эта порождена классовым обществом и несовместима с обществом, не знающим гнета и эксплуатации.

В 30-е годы я колесил по всей Европе, затем был послан в Тунис, где трудились десятки тысяч итальянских эмигрантов. Я был представителем Италии на Первом международном конгрессе писателей в защиту культуры. Конгресс заседал в июне 1935 года в парижском Дворце солидарности. Это были незабываемые встречи с Горьким и Роменом Ролланом, Барбюсом и Эренбургом. Особенно врезалось в память мне выступление Алексея Толстого.

Помню его мысли о революции, о свободе. Есть две свободы, говорил с трибуны писатель, как две сестры — день и ночь, как жизнь и смерть. «Одна — вон впереди, открытая и уверенная. Другая — призраком бредет по выжженной пустыне, между покосившихся деревянных крестов. Мефистофельским противоречием этого мирового кладбища закончилась эта идеальная любовь к человеку. Я оборачиваюсь к этой, к ней, некогда вспоившей из кастальского ключа мое творчество. Вы ли это, печальная сестра? Вы невещественны, как мираж. В свое время вы разбудили во мне поэта. Вы нашептывали: «Творчество есть ощущение своей свободы — высший дар для избранника. Познай самого себя, будь Демиургом, будь Прометеем».

Алексей Толстой, затронув глубокий вопрос о свободе, указал на «ту, другую сестру, идущую впереди, открыто и уверенно, к неохватным для взора перспективам пышного расцвета земли, к голубым городам нашего близкого будущего. Цель всего дела Советского Союза — человек, его свобода, его счастье...». И писатель справедливо подчеркнул, что именно в человеке заложены безграничные источники творчества, иначе он не стал бы человеком. Нужно их освободить и вскрыть. И сделать это, не заламывая рук с молитвенной мольбою о справедливости, а ставя человека в подходящие общественные и материальные условия.

Следующий международный писательский конгресс проходил в Испании. Героическая борьба республиканцев, победы испанского народа имели огромное международное значение.

Когда в 1937 году партии удалось организовать в Париже легальную газету «Голос итальянцев», меня назначили ее глав-

ным редактором. И то, что сразу после войны Итальянская компартия получила более четырех миллионов голосов, не было делом случая, а явилось результатом многолетней кропотливой работы.

Мне приходилось встречаться со многими интересными людьми. Я близко знал Г. Димитрова, всегда поражался его неуемной энергии, воле. Совершенно исключительной личностью был Пальмиро Тольятти, человек глубочайшего ума и культуры. Он знал, что я специалист по проблемам религии, и всегда давал мне вести вопросы, связанные с католицизмом. В 1936 году меня избрали членом ЦК Компартии Италии и поручили заниматься всем, что касалось итальянских рабочих-католиков, включая и эмигрантов. Пленум ЦК 1936 года уполномочил меня написать обращение к итальянским католикам бороться против опасности войны, за демократические свободы.

Накануне второй мировой войны Тольятти направил ряд коммунистов в разные страны на нелегальную работу среди эмигрантов. Меня послали в США, предстояло организовать там газету для итальянских эмигрантов, в среде которых влияние фашистов было весьма сильным. В декабре 1941 года американская полиция посадила меня в тюрьму как коммунистического агента. Выйдя на свободу, я продолжал работать в качестве руководителя эмигрантских групп, с чрезвычайными трудностями провел более 700 митингов в разных городах Америки.

В 1945 году вернулся в Италию, был избран членом муниципалитета Рима. Меня послали чрезвычайным и полномочным послом в Польшу, а после возвращения оттуда для меня начался новый этап научной работы. Я стал писать книги по проблемам, связанным с религией, главным образом по истории христианства. Всю исследовательскую работу я вел параллельно с работой политической как директор Института Грамши, как сенатор-коммунист Итальянской республики, как заместитель и председатель Итальянского комитета мира и член Всемирного Совета Мира. Из своих работ хотел бы назвать «Очерки истории религии» (на русском языке книга вышла под названием «Люди, идолы и боги»), «История христианства», «У истоков христианства», «Энциклопедия религий». Последняя моя книга о модернизме. Не могу не сказать, что если я до сих пор успешно и плодотворно работаю, то прежде всего благодаря советской медицине. Ваша страна дала мне здоровье, надежду, полнокровное ощущение действительности.

Касаясь советских атеистических изданий, думаю, следует глубже разрабатывать рубрику «За рубежом», шире освещать проблемы освобождения мира, имеющие также важные религиозные аспекты, например, деятельность революционных католических групп в Южной Америке. Считаю, что следует больше заниматься католической церковью, серьезней и глубже

изучать ислам, его роль в современной политической жизни развивающихся стран. Наконец, стараться установить контакты с движением свободомыслящих. В Италии есть Общество Джордано Бруно — часть всемирного движения свободомыслящих. Я рад отметить, что это общество активно защищает свои взгляды на всех конгрессах в разных частях мира. На последнем конгрессе в Риме я сделал доклад «Атеизм и всемирное движение свободомыслящих», который был опубликован в журнале «Раджоне».

Несколько лет назад в Италии перевели и выпустили известную книгу Емельяна Ярославского «Библия для верующих и неверующих». Я написал к ней предисловие. Это талантливая работа, хотя сегодня что-то в ней и устарело. Но в главном она очень хорошее лекарство для тех, кто еще верует в библейские мифы. Ведь надо сказать, что католики, как правило, Библию не читают. Церковь предпочитает сама интерпретировать ее тексты.

Историческая обреченность религии в том, что она старается перевести все проблемы в иллюзорное будущее, увести от реальной действительности. А ведь только в этой, единственной, реальной, земной жизни человек может и должен дождаться своего звездного часа, сделать свое существование по-настоящему творческим, разумным, справедливым.

ЮНОСТИ — АТЕИСТИЧЕСКУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ

В «круглом столе», который проводила латвийская республиканская газета «Советская молодежь», участвовали Густав Густавович Бушманис, доцент кафедры философии историко-философского факультета Латвийского государственного университета, кандидат философских наук; Иван Комов, бригадир треста Промтехмонтаж, делегат XIX съезда ВЛКСМ; Михаил Медведев, второй секретарь Кировского райкома ЛКСМ Латвии; Эйнар Семанис, секретарь комитета комсомола Латвийского государственного университета; Айвар Силиньш, студент инженерно-строительного факультета Рижского политехнического института, член бюро ЦК ЛКСМ Латвии; Модрис Юнкерс, мастер энергоучастка рижского завода «Старс», секретарь комитета комсомола, и корреспондент «СМ» Юрий Заболевич.

орр. «СМ»: Идеологи империализма делают ставку на эрозию идейной убежденности советских людей. Ежедневно ведут передачи на нашу республику радиостанции «Голос Америки», «Немецкая волна», «Свобода», «Голос Ватикана». Значительную часть в их программах занимают передачи для молодежи.

Вроде бы ненавязчиво расхваливая западный образ жизни, идеи, спекулируя на некоторых наших трудностях, восторженно рекламируя «возрождение религии», они пытаются отвлечь, увести молодежь с активных жизненных коммунистических позиций. Нельзя забывать, что они ведут, как сами говорят, «психологическую войну» против нас. Войну, ни больше и ни меньше. Основательные надежды в этой войне возлагаются на религию. И один из самых оголтелых, самых воинственных отрядов империализма — клерикальный антикоммунизм.

Миссии, институты, центры, общества, комитеты, фонды, братства... Все эти группировки действуют заодно с крайне реакционными кругами, ратуют за ухудшение отношений между СССР и странами Запада. С таких же позиций выступают и реакционные представители некоторых протестантских церквей, ислама, иудаизма.

Они встревожены влиянием советской действительности на своих приверженцев. Вот, к примеру, журнал «Пробудись!», издаваемый руководящим центром «Свидетелей Иеговы» (Нью-Йорк), пишет: «Люди в Советском Союзе покидают религию. Младшие поколения набираются понятий, которые отдаляют их от религии. В сознании большинства религия вытесняется безбожием, материализмом, наукой... спортом, культурой...»

Да и как же иначе! Сама наша жизнь — бодрая, светлая,

творческая — несовместима с религиозными догмами. И как обидно бывает встретить ровесника, выросшего в наши дни, ходившего вместе с нами в школу, а сегодня совсем другого, отчужденного. Вот бы комсомольцам поактивнее побороться за таких ребят и девушек!

М. Медведев: Нас не могут не тревожить даже единичные случаи проявления религиозности среди молодежи. Известны факты участия в религиозных праздниках и обрядах молодых людей. Среди них и студенты рижских вузов. Комсомольские организации дали принципиальную оценку этим случаям.

Спрашиваешь о мотивах этих поступков, говорят: «А что такого... нравится... в церкви так торжественно, красиво. Но в бога я не верю. Что вы!»

И. Комов: Что касается студентов, очень важно помнить о том, что им предстоит быть руководителями трудовых коллективов, воспитывать людей. Пока они к этому явно не готовы.

Э. Семанис: Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов влияние семьи. Многим любопытен ритуал. Свою роль играет эмоциональность церковной службы, ведь «сценарий» отрабатывался веками.

А сегодня к тому же священнослужители, стараясь идти, как говорится, в ногу со временем, не забывают в своих проповедях злободневные проблемы.

И как тут не вспомнить иные наши мероприятия — унылые, сухие, проходящие в спешке. Мы в университете много думаем об эмоциональном наполнении привычных комсомольских мероприятий. Деловой стиль — это хорошо, но еще лучше, когда он поддержан эмоционально.

М. Юнкерс: Да, много есть таких комсомольских мероприятий, в которых заключены большие идеологические резервы. Давняя проблема — дискотеки. Видим: привлекают они молодежь. Но их подготовку пускаем порой на самотек.

Э. Семанис: Могу, кстати, отметить еще одну разновидность эстетической неразборчивости. Среди студентов, особенно среди девушек, одно время был популярен диск западной группы «Манфред мэнс эз бэнд». Что же исполняла эта группа? В частности, религиозные песни в современной обработке.

М. Юнкерс: Молодежь, особенно подростки, обычно не интересуется словами, содержанием «заморских» дисков. Для них главное — ритм, мелодия.

Э. Семанис: Но это же студенты, хорошо владеющие иностранным языком. Название песни, скажем, «Станция ангелов» или «Ворота в рай». Да и начинаются они с явно религиозных мотивов. И что говорят? Музыка хорошая, а смысл неважен...

Г. Бушманис: Уместно вспомнить один из методов «психологической войны», в котором используется интерес молодежи к музыке. Перед выступлением известного ансамбля передается коротенькая беседа на такую, скажем, тему: «Был ли Маркс

марксистом?» И что же? Парень, желающий записать на магнитофоне или послушать музыку, чтобы не пропустить начало, вынужден слушать и беседу.

Расчет таков. Прослушает юноша несколько таких «бесед», и не исключено, что в подсознании у него что-то отложится, что-то «выпадет в осадок». Может быть, сомнение. Хорошо, если он искушен в философии, в истории, в атеизме, если воспитан верно. А если нет?..

Вот одна из разновидностей идеологического крючка с музыкальной приманкой. Кстати, стоит отметить, что, к сожалению, нет еще практики профессионального разбора западных музыкальных произведений, популярных у молодежи, как светских, так и религиозного содержания, как исполнительского, так и текстового. Порой молодежь, не ведая того, танцует под пошлейшие западные песенки.

Э. Семанис: Конечно же, такие семинары необходимы. И прежде всего для комсомольского актива. Именно тогда мы сможем давать квалифицированную оценку интересующим молодежь произведениям.

В университете есть школа комсомольского актива. Попытаемся эту идею в ней осуществить.

Г. Бушманис: Задумаемся о причинах беспринципности иных молодых людей, участвующих в религиозных обрядах. Бывает, конечно, что молодежь идет на это под нажимом верующих родителей, родственников. Оказывают давление материальными способами: не прописывают в квартире, например, в случае отказа венчаться в церкви. Или благочестивая бабушка не желает иметь дело с некрещеным внуком.

Безусловно, если человек принципиален, если убеждения его цельны, у него хватит доводов против участия в религиозных обрядах или праздниках.

Я не помню случая, чтобы неверующие устраивали какие-то гонения против своих верующих родителей, родственников. А наоборот множество. Недавно был случай — фанатически верующие родители-сектанты выгнали из дома сына-подростка, отказавшегося следовать их вере.

Да, молодежь все больше отворачивается от религии. Поэтому в попытках привлечь молодых деятели от религии идут даже на «обмирщение».

В Огре, например, одна из религиозных общин наняла на время вокально-инструментальный ансамбль с обычным репертуаром. Молодые люди стали приходить на концерты. Ансамбль уехал, а некоторые молодые люди в молельный дом ходят по-прежнему.

В Риге в двух приходах организованы молодежные кружки музыки, пения, даже настольных игр, проводятся «вечера творчества» для молодежи.

Значит, это мы кого-то не заметили, кого-то недослушали,

кому-то недоговорили... Вот и договаривают за нас «ловцы душ».

И. Комов: Густав Густавович, церковь модернизирует свои проповеди, приспосабливается к современности. В чем это проявляется наиболее характерно?

Г. Бушманис: Церковники в последние годы придают большое значение проблемам труда.

Что же есть труд для верующего? Какова его главная цель? Труд на земле для него не главное, потому что цель его — спасение души. Согласно церковным догмам верующий не имеет права больше думать о земной жизни, чем о загробной, и поэтому вся его жизнь на земле — это подготовка к «той жизни».

Религиозная идеология максимально используется для привлечения верующих. Реакционные клерикалы пишут о том, что в мире сегодня кризис во всех областях. Они драматизируют факты, предрекая человечеству катастрофу. Человечество, дескать, будет наказано богом за грехи. Ужасы ада уже не изображаются по старинке в виде сковород, котлов, чертей и прочего, а на уровне современной физики.

Но все, оказывается, не так страшно, утешают иные церковники. Все закончится хорошо, если люди обратятся к богу. Ведь цель религиозных идеологов — евангелизация всего мира. И наше коммунистическое мировоззрение им в этом преграда.

Все больше пропагандируются клерикалами «воинствующие верующие», которые активно, настойчиво, изощренно борются за свои убеждения, привлекают к церкви новых верующих. Проповедники об этом постоянно напоминают. В этих целях используется даже военный психоз, нагнетаемый империализмом. Это, собственно, обыкновенная спекуляция на международной напряженности.

Еще церковники усиленно пропагандируют «усовершенствование» нравственной жизни. Мы совершенствуем ее, пропагандируя коммунистическую мораль. Церковники же не хотят видеть классового пути для решения проблем современности.

Итак, выход, считают они, в религии. Но позвольте, вправе сказать мы, не так давно все население Европы было верующим. В средние века церковь господствовала. И нравственны ли были люди? Да такой бездны безнравственности мир еще не видел!..

Для поддержки религии сегодня используются мораль и искусство. Что это значит? В любой проповеди поднимаются нравственные вопросы. Почему так настойчиво это делается? Разгадка в том, что мораль имеет самостоятельную ценность для человеческой жизни. Поэтому религия делает ставку на мораль, якобы поднимая ее престиж в глазах верующих и неверующих. Ну и, как мы уже говорили, играет большую роль эмоциональная режиссура служб и ритуалов.

Корр. «СМ»: Итак, по мысли церковников, причина всех трудностей — отход людей от бога, атеизм. Ведь не зря в 1977 году в Риме основан Институт по изучению атеизма. Создан он, конечно, не для научных исследований, а для изучения позиций, которые могут стать объектом идеологических атак клерикалов.

Если принимаются такие серьезные меры, значит, наша атеистическая работа тревожит их?

Г. Бушманис: Могу смело утверждать: церковники в знающих атеистах видят опасных противников. Но в проповедях бывают и насмешки по адресу неумелых атеистов.

Вообще в связи с ожесточением идеологической борьбы атеистическая работа нуждается в совершенствовании. Одна из эффективных мер — привлечение к этой работе молодежи. 13 лет действовал «Клуб для верующих и неверующих». Интерес к клубу был велик. Молодые студенты-философы из нашего университета участвовали в подготовке встреч, читали лекции. Их буквально засыпали вопросами — и наивными и труднейшими. Очень полезно это было для них — ведь никакая книжка не заменит живого человеческого общения.

Это благодарное дело — они и сами стали знать больше, и людям помогали разобраться. Они учились отстаивать наши принципы, наши ценности. А ведь приходили на лекции посмотреть на нас и порасспросить даже старые священники.

Корр. «СМ»: Вы говорите о клубе в прошедшем времени...

Г. Бушманис: Да, ушли активисты, и клуба не стало. Но в ближайшее время, думаю, с помощью Эйнара Семаниса и его комсомольцев с историко-философского факультета мы клуб восстановим.

Э. Семанис: Надеемся, что клуб, который мы организуем в университете, станет своеобразным научным атеистическим центром.

А. Силиньш: Комсомольская работа — это и атеистическая работа. Ведь наша главная цель — формирование активной жизненной позиции. Но вот направленности специальной, квалифицированной еще не хватает.

У нас в политехническом институте совершенствуется план по преподаванию научного атеизма. В учебных группах будут назначены комсомольцы, ответственные за атеистическую работу. Они будут участвовать в специальных семинарах. Смогут при необходимости разобраться в сложных религиозных вопросах.

М. Медведев: Есть такое мнение: «Я атеист, в бога не верю, чего же еще...» Такой пассивный атеизм не лучшая позиция для комсомольца. Мало считать себя атеистом, им надо быть. Уметь отстаивать свои убеждения, свою точку зрения. Думаю, каждый комсомолец должен стремиться к атеистическим знаниям.

И. Комов: Комсомольским организациям нельзя забывать об атеистической работе при разработке своих планов.

М. Медведев: Да, самоуспокоенность вредна. Вроде бы в целом все в порядке, так и нечего волноваться...

На одном из пленумов Рижского горкома комсомола были рассмотрены и вопросы атеистической пропаганды. Комсомольским организациям в ходе отчетов и выборов рекомендовано при обсуждении идеологической работы уделять больше внимания атеистическому воспитанию молодежи. Это предстоит учесть и при разработке планов.

Г. Бушманис: Совершенствуется атеистическое воспитание в вузах. Мы уже слышали об опыте работы Рижского политехнического института. В университете внедряется метод, который частично используется в Рижском медицинском институте — атеистическое воспитание через предмет. Не только общественные науки, но и специальные предметы — физика, химия, биология и так далее — имеют большой атеистический потенциал. От этого метода можно ожидать больших результатов.

А. Силиньш: Многое в деле атеистического воспитания могут сделать наши библиотеки. Были бы полезны, например, тематические выставки.

М. Юнкерс: Мы сейчас много говорили об организационном обеспечении атеистической работы. Но никак нельзя забывать об условиях, приводящих молодых людей в церковь или молельный дом. Ведь бывает, мы не замечаем, что товарищ загрустил, задумался, не всегда находим возможность помочь или даже время, чтобы дать ему выговориться, обсудить дела, настроение. Особенно в таких ситуациях трудно бывает подросткам, которые выросли без отца. Мы, комсомольцы, должны найти путь к сердцу человека, убедить его, помочь ему.

Г. Бушманис: Согласен с вами. Все это чрезвычайно важно. Бывают случаи, когда человек остается в одиночестве и попадает в общину, становится верующим. И здесь нельзя не сказать об основных мотивах «заботливости» большинства верующих, привлекающих такого человека в свой круг. Главная цель верующего — спасти свою душу. Он должен заслужить это делами, привлекая к религии как можно большее число других душ, других «овец». Таково средство, чтобы спасти себя. Корыстное средство.

Иногда неверно понимают роль атеистов. Она не в стремлении во что бы то ни стало отвратить человека от религии. Она в борьбе за человека, борьбе во имя разума, во имя его торжества и счастья. Не иллюзорного счастья в «загробном мире», а действительного счастья на земле, среди людей.

«РАСКРЫТ ПРЕД НАМИ МИР...»

М. ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР

ДОБРО ВХОДЯЩЕМУ...

колько великих творцов прекрасного в разные времена и в разных странах говорили, думали, писали о детях! «Любите детство, — восклицал Руссо, — поощряйте его игры, его забавы, его милый инстинкт. Кто из вас не сожалел иногда об этом возрасте, когда на губах вечно смех, а на душе всегда мир!»

«Если ты хочешь, — предупреждал Гёте, — чтобы твои наставления влияли действительно благотворно на твоих учеников, предостерегай их от бесполезных знаний и ложных правил, потому что отделываться от бесполезного столь же трудно, как и менять неправильно взятое направление».

Глубоко и мудро заметил Чехов: «Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью».

Мои детские годы прошли до революции, оставив воспоминания о трудностях, лишениях, нужде. Случилось так, что, учась в гимназии, я некоторое время жила на территории женского монастыря в Александрове. «Картинки» монастырского уклада, поразительные, нередко трагически изломанные судьбы девушек, у которых религия безжалостно зачеркнула лучшие годы их жизни, — все это не прошло для меня бесследно.

Атеистическое миропонимание становится таковым после того, как многое осмыслено, пережито, прочувствовано. Я стала атеисткой, увидев своими глазами безжалостность религии. Мне исполнилось 18 лет, когда в 1921 году я снова оказалась теперь уже в бывшем монастыре, где устроили детский дом. Прекрасно помню, как сюда пришел первый эшелон из голодающего Поволжья. Советская власть объявила тогда: «Спасать детей!» Мы, несколько человек персонала детдома, выносили на руках из вагонов полуживых ребятишек. Сколько бессонных ночей, сколько сил и труда отдавали все, чтобы накормить, выходить, отогреть душой этих худых, большеглазых, лишенных радостей детства мальчишек и девчонок!

В прямом и переносном смысле детей эпохи величайшей из революций страна спасла и поставила на ноги.

В моем писательском творчестве историко-революционная тема не случайно стала самой важной. Два года я учительствовала в селе Петрищеве. В версте с небольшим находилась соседняя деревня — Переяславские Горки, куда приезжал В. И. Ленин. Там я познакомилась с А. А. Ганшиным, отпечатавшим на гектографе ленинскую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Сейчас в тех Горках ме-

мориальный ленинский музей. Много спустя, приезжая сюда, я всегда вспоминала рассказы Ганшина о вожде.

В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, признавался знаменитый фантаст Герберт Уэллс, я не могу видеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава.

И держава эта вызвала к жизни не виданную нигде и никогда ранее детскую литературу. Буквально каждый большой советский писатель создавал для юных. Маяковский, Маршак, Чуковский, Барто, Михалков, Носов — список имен детских писателей можно продолжить и разнообразить, называя мастеров слова разных поколений. По мысли родоначальника литературы социалистического реализма М. Горького, дети — завтрашние судьи наши, критики наших воззрений, деяний, это люди, которые идут в мир на великую работу строительства новых форм жизни. Одна из многочисленных горьковских статей названа «Литературу — детям». Многие ее положения настолько актуальны, будто написаны сегодня. Дети должны знать, подчеркивал Горький в другой статье, уродливо-смешную жизнь миллионера, забавную жизнь чиновников церкви, служителей бога. Разумеется, дети посмеются над забавной историей пропажи и поисков генерала и над историей о том, что новые петры амьенские в цилиндрах и тиарах организуют «крестовый поход» против отцов и старших братьев советских детей.

И, конечно же, не случайно вместе с сугубо антиклерикальными Горький сформулировал темы книг о самых различных областях знаний, имеющих, так сказать, широчайшие атеистические возможности: что такое белок? Что такое философия? и т. д.

Скупыми, точными, емкими мазками набросана программа для писателей, имеющих самую благодарную, внимательную, отзывчивую аудиторию. Дети смотрят на мир широко раскрытыми глазами, они верят искренне, смеются от души, плачут настоящими слезами. Поэтому и книги для них должны быть умными, глубокими, занимательными.

Хочу привести один пример. Издательство «Малыш» выпустило книжку С. В. Образцова «Так нельзя, а так можно и нужно». Нигде в ней не сказано, что ее автор — народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда. Кукольный театр и Образцов — понятия знакомые, привычные, неразъединимые. Те, кто несколько десятилетий назад, сидя в зрительном зале, не доставал ногами до пола, сегодня приводят в этот знаменитый театр своих детей и внуков.

Но Сергей Владнмирович Образцов еще и прекрасный писатель. Книжка написана для детворы дошкольного возраста. От-

крывается она коротеньким рассказом «Воробей». Автор вспоминает, как в далеком детстве, когда было ему лет восемь, кинул он однажды, прицелившись, тоненькую палочку с металлическим стержнем в мирно клевавших зерна птиц.

«Дома, — пишет Образцов, — меня встретила старая няня. Я ей рассказал, что случилось. Она нахмурила брови и сказала мне: «Это очень нехорошо. Это большой грех. Тебя боженька накажет». Я не очень знал, что такое боженька, — продолжает писатель, — потому что мои родители не были религиозными людьми, но в комнате няни висела старая икона. Перед ней горела лампадка, а из темноты смотрели чьи-то нарисованные глаза. Няня сказала, что это и есть боженька, и я его очень боялся. Вечером пришла с работы мама, и я ей все рассказал.

«Боженька тебя не накажет, — сказала мама, — потому что его нет. Но то, что ты сделал, — это грех, настоящий грех, только не перед богом, а перед всем, что живет на земле, значит, и перед воробьем. Нельзя так делать».

Наша литература всегда воспитывала и воспитывает детей в духе гуманизма, доброты, интернационализма. Никто из советских писателей никогда не пропагандировал войну, насилие, угнетение человека человеком.

Немало событий, больших и малых, сменяется за один год. И масса незаметных на первый взгляд перемен происходит за это же время в каждой юной душе. Входящий в реальный, земной мир человек должен не растеряться, а приумножить добытое цивилизацией до него. И как важно научить детей уважению, такту, бережному отношению и к новому и к старине.

«Несмотря на всю свою занятость, — вспоминал о Ленине Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов. Так, когда белогвардейцы артиллерийским огнем разрушили Ярославль, он принимал самое горячее участие в восстановлении этого старинного русского города. Была организована специальная комиссия, которая приводила Владимира Ильича в отчаяние своей медлительностью. Он хотел, чтобы во что бы то ни стало были восстановлены ярославские древние церкви, которые представляли собой памятники нашего старинного зодчества».

Писатели призваны привлечь внимание мировой общественности к тем миллионам детей в разных частях света, которые умирают от голода, не имеют крова, которым не дают учиться. Еще немало предстоит сделать, чтобы решить проблемы по борьбе с детской преступностью в странах капитала, чтобы юные граждане не влачили жалкое существование в «земной юдоли», надеясь на небесные «райские кущи», которые сулят им все без исключения религии. В этом смысле трудно переоценить возможности передовых детских писателей планеты, на каком бы языке они ни писали.

К. ЯШЕН,
Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР

«РАСКРЫТ ПРЕД НАМИ МИР...»

ак-то на просмотре фильма о дореволюционном прошлом Туркестана мой молодой сосед недовольно произнес:

— Зачем сгущены краски? Неужели так было?

— Было, — ответил я ему, — только пострашнее...

Вспомнилось детство. Мальчишкой я попал в национальный ансамбль, выступавший перед красноармейцами. Шла гражданская война. Ансамбль, часто с большими трудностями, передвигался по железной дороге. И в мой детский мир врезались, потрясли душу пепелища, оставленные басмачами в Ферганской долине, дутовцами — под Актюбинском, англичанами — в Закаспии.

Прошло не очень много времени, когда я понял, что даже эти руины и разрушения, пожарища и жертвы не шли ни в какое сравнение с тем, что оставили нам феодальный строй и колонизация, — омач, допотопный деревянный плуг, нищету, темноту, религиозный фанатизм. Царизм считал Туркестан сырьевым придатком империи. Самодержавию было выгодно укреплять крепостные стены, разделявшие дехкан-узбеков и таджиков, туркмен, казахов, киргизов, кочевников-каракалпакцев и русских, сеять рознь, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Революция провозгласила другую национальную политику по отношению к угнетенным прежде народам.

Когда перебираешь основные положения гениального ленинского решения национального вопроса, поражаешься его простоте, понятности и в то же время его глубокой диалектичности, всеохватности.

Здесь все учтено, все связано, сцеплено. Продуманы взаимоотношения национального и социального, суть социалистической демократии, форма государственного правления, пути обогащения национального сознания интернациональным содержанием.

Осмысливая опыт узбекской, да и всей советской многонациональной литературы, можно заметить, как благотворно влияние партии на наиболее существенные процессы в развитии не только национальных литератур в целом — оно формирует каждую творческую личность в отдельности, обогащая ее духовно, направляя идейно, воспитывая нравственно. Об этом говорят творческие биографии талантливых мастеров узбекской литературы нового времени.

В своей автобиографической повести «Детство» узбекский пи-

сатель Айбек поставил важные вопросы формирования нравственного облика героя, его внутреннего роста, становления идеалов. Муса Ташмухамедов, родившийся в 1905 году и взявший впоследствии псевдоним Айбек-Лунный, получил первые скудные знания в мусульманской школе.

«...Поклонившись, дедушка положил перед учителем узел с лепешками, сунул мне в руку несколько монеток.

— Мясо этого мальчика — ваше, кости — наши. Делайте с ним, что хотите: учите, бейте, только сделайте грамотным. Пусть хоть один грамотный будет в семье.

И каждый день стал удивительным.

Радость открытий оказалась ярче, сильнее всего, что наполняло жизнь: домашние невзгоды, озабоченность взрослых, палка учителя.

Вот заучена азбука, и можно из букв складывать слова.

Маленький Муса без запинки, не глядя на дощечку, произносит буквы. Учитель решает, что пора перейти к одному из учебников мусульманской школы.

— Тогда завтра вместе с «Хафтияком» неси сдобных коржей и рубль деньгами».

Но ни «Хафтияк», ни другие религиозные учебники не могли заглушить звонкие строки Машраба, Физули и особенно Алишера Навои, поразившего будущего писателя.

В каждой строке произведений основоположника узбекской советской литературы, мыслителя и художника, талантливого композитора и педагога, выдающегося поэта и драматурга Хамзы Хаким-заде Ниязи (1889—1929) бьется пламенное сердце мудреца, патриота, верного ленинца. Активный участник революционных событий, пламенный борец за новую жизнь, непримиримый враг мракобесия, Хамза был и остается символом несокрушимой воли и мужества, страстным певцом большевистской правды.

Я много писал о Хамзе статей, очерков. Написал пьесу «Хамза», киносценарий. Его удивительная жизнь — сама по себе богатейший источник для творческого вдохновения.

С малых лет Хамза видел страдания униженных и обездоленных, сталкивался с невежеством и бесправием трудового люда. После окончания мектеба — начальной школы при мечети — отец определил его в медресе. Однако схоластика и религиозный фанатизм не удовлетворили юношу, который самостоятельно изучал литературу и историю, философию и восточные языки, жадно читал творения Фирдоуси, Саади, Хафиза, Бедили, Джами, Лутфи, Навои, Мукуми, Фурката... Будущий писатель восхищался великим культурным наследием народов Востока, чей творческий гений не погиб под кривыми саблями завоевателей, не увял под гнетом баев, помещиков, царских чиновников.

Хамза-просветитель был страшен царскому правительству и местным угнетателям. Ишаны и улемы обвинили Хамзу в без-

божни. Предлогом для этого обвиниеиия послужила... его жеиитьба иа русской девушке. Были закрыты оргаиизованные Хамзой школы в Кокаиде и Маргилаие.

В его творчестве проявился страстиый протест против феодального гиета, против произвола власть имущих. Хамза подиял свой голос в защиту приниженной, задавлеииой шариатом женщииы. Достаточио иазвать его пьесу «Отравленная жизнь», иапнсаиную до революции.

Героиия пьесы юиая Мариамхои, упрятанная, как и другие жеищииы, в паранджу и чачваи, протестует, ие хочет смнриться с тем, что ее продают в рабство старику ишану, и прииимает яд.

Великий Октябрь открыл иовую страннцу в творчестве Хамзы. Ои работиик просвещеиия и агитатор, руководитель драматической труппы, выступающей перед фроитовиками, и пламенный поэт-песеиик, деятель музыкальной культуры, актнвиый борец за установление Советской власти.

Предлагаемый отрывок из ромаиа «Хамза» рассказывает о приезде табиба — простого лекаря со свонм малеиьким сыном в своеобразиую Мекку — старейшнй кишлак Шахнмардаи, расположенный в живописном ущелье, на берегах реки.

В отрывке есть фраза: «Не мог зиать Хаким-табиб в тот день, что привел он сыиа имеиио туда, где его Хамза будет убит».

Эти события разыгрались лишь через 30 с лишним лет.

— Поеду в Шахнмардан, — говорил больиой туберкулезом Хамза перед отъездом из Ташкента, — там иужно проделать большую работу — очистнть кишлак от шейхов и мулл... И мне будет легче, может быть, поправлюсь...

В Шахимардаие Хамза помог дехканам оргаиизовать артель, открыть читальню, клуб, красную чайхану. По его почину в кншлаке поставили памятник Лениику, тем самым отметнв пятую годовщину со дня смертн вождя.

Вечером 18 марта 1929 года толпа релнгиозиых фанатиков, иаправляемая шейхами, учиинла над Хамзой чудовищный самосуд.

Фанатнки ислама, буржуазные националисты расправились с человеком, которому партия и Советское правнтельство первому присвоили почетиое зваиие иародиого поэта.

Хамза был и навечио остался подлнпно народным поэтом, певцом дум, чаяиий, тревог, радостей иародиых.

Народу славные победы
суждены, —
Теперь учнться мы
старательно должны...
Учнтесь грамоте, ловите
знанья свет.
Раскрыт пред нами мнр,
в котором рабства нет.

ХАМЗА

небу.

Двести пятьдесят три ступеии.

Двести пятьдесят три шага вверх по склону священиой горы Букан.

И вот иаконец она перед вами — гробница святого Али.

Мавзолей-усыпальница святого Али-Шахимардаиа.

Последиее пристаиище святого Али, сподвижиика пророка Мухаммеда.

Место успокоения Али-Шахимардана.

Священный мазар.

О мусульмаиии! Беда привела тебя к святому Али, большая беда...

Ты слеп от рождения...

Горбат, хром, парализоваи.

Тебя прииесли сюда на иосилках... Или ты сам прииес иа себе своего отца или мать...

Привел за руку больное дитя свое....

Твоя жена не рожает, а ты хочешь иметь сына или дочь...

Твои дети умирают грудными один за другим, одии за другим...

О мусульмаиии!

Кем бы ты ии был, ты пришел к святому Али за помощью и сострадаиием, ты просишь у гробницы милости для себя, ты веришь, что священиый мазар пошлет исцеление твоим близким.

И поэтому медленно подиимаешься к иебу, укрепляя словами молитвы свою веру.

Двести пятьдесят три ступеии, спотыкаясь и тяжело дыша, шепча молитву.

Двести пятьдесят три шага вверх по склоиу священиой горы Букаи после долгой, многодиевиой дороги через пустыни и степи, шепча молитву.

Слизывая солеиый пот с губ, шепча молитву.

Шепча молитву, шепча молитву...

Никто не знал, когда она появилась здесь.

Оиа взялась ниоткуда.

Скала над рекой была пустынна.

Всегда.

Печальный утес одиноко чернел на фоне высокого горного неба.

Река выбегала из-под камней.

Река вытекала из тысячелетий.

Но скала над рекой была пустынна.

Всегда.

Потом на вершине утеса стали замечать груду камней, похожую на небольшую пирамиду.

Кто первым увидел ее — осталось неизвестным.

Возник слух: в ущелье горной реки Шахимардан на вершине печальной скалы похоронен паломник из Мекки.

Никто не знал о нем ничего — ни роду его, ни племени.

Никто не посмел проверить могилу.

Никто не решался прикоснуться к загадочным камням, укрывшим собой останки побывавшего в Мекке.

Нарушить его покой.

Прервать святой сон.

Тайна обрастала подробностями, время добавляло к ней новые страницы и главы.

Безвестного покойника возвели в ранг страдальца и мученика, несуществующая жизнь его наполнялась великими деяниями.

Тайна увеличивалась, сгущалась, раздвигала свои пределы.

Но тайна требует разгадки.

И родилась легенда.

Передаваемая из уст в уста, из десятилетия в десятилетие, она постепенно возвысилась до уровня божественного откровения и окончательно сложилась к началу прошлого века.

Легенда гласила: нет, не паломник из Мекки похоронен в ущелье Шахимардана.

Там, на вершине одинокого утеса, покоится под каменной пирамидой прах святого Али, сподвижника пророка Мухаммеда.

В легенду поверили сразу.

Ее ждали.

Она разрешила сомнения и все поставила на свои места — только божественный промысел мог перенести на вершину скалы прах святого Али.

Только неведомые силы могли воздвигнуть на утесе каменную пирамиду.

Так утвердилась она — гробница на скале.

Усердием и стараниями верующих и мусульманского духовенства Коканда и Маргилана над каменной пирамидой было сооружено деревянное строение — мазар.

Так была явлена миру усыпальница святого Али — одна из главных мусульманских святынь Средней Азии прошлого века.

Так возник мавзолей Али-Шахимардана.

Он много раз перестраивался и обновлялся, обрастая новыми стенами, кровлей, пристройками.

Свой окончательный вид мазар приобрел в конце прошлого века — к началу нашего повествования.

И сейчас, в начале нашего повествования, мы видим его таким, каким он был тогда — в конце прошлого века.

Прямоугольное деревянное строение высотой около тридцати метров, напоминающее своими очертаниями классическую мечеть.

Мечеть без минарета.

Входная передняя часть мазара украшена традиционной мусульманской резьбой и инкрустированными изречениями из Корана.

Внизу, у подножия скалы, на которой стояла гробница, лепились домишки кишлака Шахимардан, возникшего здесь одновременно с рождением легенды.

Иногда по ночам до слуха жителей кишлака будто доносился с вершины скалы чей-то протяжный и жалобный голос, словно кто-то неведомый, неземной и далекий оплакивал с неба нелегкую и туманную судьбу праха двоюродного брата пророка Мухаммеда.

Двести пятьдесят три ступени позади...

На пыльной площадке перед мазаром, вытоптанной ногами десятков тысяч верующих, поднимавшихся сюда за милостями святого Али в разные годы, почтительно согбенные спины в полосатых халатах. Молитвенно опущены вниз чалмы и бороды. Отдельно, в стороне, как прокаженные, стоят женщины, лица и фигуры их скрыты от взоров посторонних длинными паранджами, похожими на широкие грубые колья из темного дерева.

Все неподвижны и молчаливы. Все ждут высокой минуты начала божественного откровения.

С громким натруженным скрипом медленно открываются тяжелые створки ворот гробницы. Никого нет. Только из темной глубины усыпальницы звучит громкий, надрывный, леденящий душу гортанный голос хафиза — чтеца Корана, повествующего мусульманам о деяниях и подвигах святого Али.

Голос хафиза дрожит и рыдает в таинственном сумраке гробницы. Чтец близок к истерике, он кричит, он обливается невидимыми слезами, рассказывая о страданиях и мучениях святого Али, принятых за веру. И уже кажется, что это не земной человек читает священную книгу, а сам Али, святой Али-Шахимардан спустился с неба, чтобы поведать правоверным о своей возвышенной жизни, проведенной в молитвах и бдениях о счастье других людей.

Хафиз умолкает внезапно, словно кто-то резко обрывает властной рукой натянутую до предела струну его пронзительного голоса.

Долгая пауза. Только эхо рыданий чтеца — строки Корана — глухо повторяют ущелье и горы.

Долгая пауза.

И вот наконец из темной глубины гробницы медленно выходит высокий стройный человек лет пятидесяти в огромной белоснежной чалме, напоминающей величественную снежную вершину, в строгом черном камзоле, поверх которого надет шелковый халат — чапан.

Одной рукой человек опирается на тяжелый массивный посох, осыпанный драгоценными камнями, другой — перебирает висящие на поясе янтарные четки. Лучезарно, до боли в глазах, сверкают изумрудами и сапфирами перстни на пальцах руки, перебирающей четки.

Человек прекрасен, великолепен, ослепителен. В черной как смоль бороде серебрятся благородные седины, орлиный нос и могучие кустистые брови украшают мужественное чело. Угли крупных глаз пылают непотухающим пламенем веры. Жарким горением духа, испепеляющим все мелкие земные страсти, охвачен лик человека.

Это Миян Кудрат — глава религиозных шейхов Шахимардана, наследный смотритель гробницы.

Высшее духовное лицо Коканда и Маргилана.

Местоблюститель мавзолея-усыпальницы.

Хранитель и оберегатель мусульманской святыни.

Отец его, достопочтимый Ак-ишан, первый в летописи гробницы религиозный шейх Шахимардана, далекие предки которого, по преданию, состояли в родстве с двоюродным братом Мухаммеда, многое сделал для славы святого места. Немалые личные средства потратил Ак-ишан, умножая посмертные богатства святого Али.

Тысячи батманов вакуфной земли (наподобие церковных угодий при католических и православных монастырях) принадлежат сейчас гробнице.

Триста семей дехкан-чайрикеров из окрестных кишлаков (их можно было бы назвать монастырскими крестьянами) приписаны к вакуфным землям и обязаны обрабатывать их — пахать, сеять, собирать урожаи пшеницы, кукурузы, винограда.

Всю жизнь, не щадя себя, заботился Ак-ишан о том, чтобы распространить власть святого Али на многочисленные стада овец и крупного рогатого скота, на сотни верблюдов, на многие табуны лошадей. Несколько тысяч вооруженных человек мог посадить на коней первый шейх Шахимардана, чтобы, встав во главе их, защитить гробницу от угрозы нападения неверных.

Заслуги высокочтимого Ак-ишана перед святыней не остались неоцененными. В результате своей доблестной и праведной жизни он был причислен к лику святых.

Наследственное право быть смотрителем, хранителем и оберегателем усыпальницы-мавзолея, как и всю полноту духовной

власти над мусульманами Коканда и Маргилана, как и место главы религиозных шейхов при гробнице, Ак-ишан передал своему сыну, Мияну Кудрату, завещав ему и дальше приумножать во славу Аллаха стада и земли сподвижника пророка Мухаммеда.

Медленно, степенно, держась очень прямо, обходит Миян Кудрат площадку перед мазаром. Движения его плавны, значительны, полны достоинства, подобающего высокому сану, огромная белоснежная чалма величественно плывет над сгорбленными полосатыми спинами склонившихся перед духовным пастырем верующих. Большие черные глаза шейха внимательно оглядывают пришедших к святому Али паломников. Все ли почтительны и смиренны? Все ли укротили земные свои страсти, прежде чем предстать перед всевышним? Не оскорбит ли чья-нибудь дерзкая гордость праха святого Али?

Из темной глубины гробницы выходят еще два человека. Одеты они не менее красиво и пышно, чем местоблюститель усыпальницы, — каждый в такой же белой чалме, в суконном камзоле и халате — чапане.

Это родственники Мияна Кудрата — тоже шейхи гробницы, не имеющие, правда, столь громких титулов, как их старший двоюродный брат, но отнюдь не отстающие от него в своих усилиях по умножению имущества и славы святого Али, — шейх Исмаил Хурумбай и шейх Бузрук Ходжа.

В двух шагах за ними, держа в вытянутых на уровне глаз руках священную книгу, следует деревянной походкой хафиз. И как только почтенные шейхи подходят к первым паломникам, хафиз громким, гортанным и плачущим голосом возобновляет чтение притчи о жизни и замечательных деяниях святого Али.

Замыкает вышедшую из гробницы процессию самый молодой шейх Шахимардана и самый дальний родственник смотрителя мавзолея Исмаил Махсум. По своему возрасту и положению он еще не заслужил у Аллаха такого богатого облачения, как старшие шейхи, но зато даже простая одежда не может скрыть физической силы шейха Махсума — широты его плеч и груди, мускулистости шеи и рук. Тяжеловато, но уверенно идет он сзади, как бы прикрывая шествие шейхов от всех неожиданностей и случайностей, которые могут уронить достоинство и святость усыпальницы.

Вернувшись к воротам мазара, шейх Миян Кудрат останавливается, закрывает глаза, шепчет слова молитвы, сопровождая их ритуальными движениями рук. Хафиз, не умолкая ни на секунду, продолжает свое громкое чтение. Шейх Хурумбай, шейх Бузрук и шейх Махсум, обступив главного шейха с трех сторон, почтительно склоняются перед ним.

Неожиданно шейх Миян Кудрат резко выбрасывает вперед и вверх руки. Хафиз умолкает.

— Куф-суф! Куф-суф! Куф-суф! — резко выкрикивает смотритель гробницы ритуальное заклинание, которое должно оградить прах Али-Шахимардана от козней шайтана и злых духов. — Куф-ф-суф-ф!! Куф-ф-суф-ф!!!

Вступительная часть божественного откровения закончена. Злые духи отогнаны. Паломники робко приближаются к воротам мазара.

— Лик времени плох! — печальным, дрожащим, проникновенным голосом обращается Миян Кудрат к народу. — Вглядитесь в него, мусульмане! Что увидите вы?.. Близко светопреставление!.. Плачьте, мусульмане!

Он словно гипнотизирует своими огромными, жаркими черными зрачками стоящих вокруг него людей — у многих на глазах показались слезы. Но первыми и громче всех заплакали шейхи Бузрук и Хурумбай. Рыдания их искренни и чистосердечны — конец света отнимает у них возможность бескорыстно и праведно, не щадя себя, служить святому Али, увеличивать его славу и земли, его отары овец и табуны лошадей.

Грусть о близком светопреставлении наполняет скорбью лицо и самого Мияна Кудрата — он смахивает со щеки слезу. И, в точности повторяя его движение, угрюмо вытирает скупую слезу и шейх Махсум, хотя ему, молодому и мужественному, должна быть присуща особая твердость духа и стойкость перед испытаниями судьбы.

Всеобщим плачем охвачена площадка перед мазаром — слышны приглушенные стоны, громкие всхлипывания. Рыдающий голос чтеца — хафиза рвет сердца верующих на части.

— Но велик Аллах!! — громоподобно, словно неожиданно прозрев, восклицает вдруг шейх Миян Кудрат, покрывая внезапной мощью своего голоса все звуки. — Бесконечна его власть, неиссякаема его сила! Он отведет все наши беды, он защитит нас, если мы только будем достойны его!

Тишина, полная тишина воцаряется перед мазаром.

— Дело отважного — всегда терпение! — страстно продолжает Миян Кудрат. — Все помыслы отважного о светопреставлении! Он думает только о всевышнем! Только о всевышнем думает он, молясь денно и нощно!..

Все лица в немом молитвенном бдении обращены в сторону говорящего. Главный шейх гробницы владеет сейчас душами всех склонившихся перед священным мазаром мусульман. Да и как же может быть иначе! Ведь только он, Миян Кудрат, только он один знает сейчас, как можно заслужить милость Аллаха и отдалить конец света. Только он, Миян Кудрат, хранитель и оберегатель праха святого Али, в силу своей наследственной личной святости и особой родственной близости к духу двоюродного брата пророка Мухаммеда может позаботиться сейчас

о пришедших к святому Алн мусульмаиах, только он одии может спасти всех и даровать всем спасеиие н избавлеиие от бед н иесчастий.

— Если кто-иибудь причииит тебе вред, — напорнсто продолжал вещать Мияи Кудрат, — если ои ударнт тебя ножом, сделай ему хорошее, обнhми его!.. Всегда, когда тебе делают плохое, отвечай только хорошнм!.. Делай хорошее, делай хорошее, всегда и везде делай только хорошее!.. И тогда всевышний придет тебе иа помощь, тогда ои спасет тебя, излечнт твон раиы и утолит твою боль, тогда он наполннт твое сердце радостью!..

В тот день в толпе паломинков, пришедших просить милости у святого Али, стоял перед священиым мазаром и нби Ямнн Абджадхои, известиый в Кокаиде под нменем Хакнм-табнб, Хакимлекарь.

Винмая иеземному голосу Мияна Кудрата, взывая сам к великодушию и щедрости Аллаха, ибн Ямни, как ему нн хотелось делать это во время общеиия с божеством, тем не менее думал в ту миииуту прежде всего о своих житейскнх, земных делах — о доме, жеие, дочерн, сыие...

Нет, ие надо было Хакиму-лекарю слншком прнстально вглядываться в лик временн, чтобы уясннть для себя его смысл. Лик времеии действительио был плох н неясеи для нбн Ямииа. Дела табибскне шли неважио — людн редко приходнлн лечиться, уповая в своих болезиях больше на милосердие Аллаха, чем иа его, Хакима, лекарское нскусство. Заработок стаиовился все скудиее и скудиее, а хлопот прнбавлялось все больше н больше. Подрастали дети, и надо было думать о том, как устраивать их в будущем — дочери присматривать жеииха, сыиа определять в учеиие.

Собствеино говоря, именно заботы о сыие н прнвелн нбн Ямина сегодия сюда, в Шахнмардан.

Сыи стоял рядом с ним, отец крепко держал его за руку.

Мальчику шел восьмой год.

Имя его было Хамза...

Далекий путь проделал Хакнм-табиб к усыпальннце святого Али. Сиачала ехали поездом из Кокаида до Маргнлаиа. Потом на большой повозке от Маргилана до Вадила — одиого нз самых большнх и богатых кишлаков иа юге Фергаиской долииы. Здесь задержались на целый день, проведя его иа тесном, но очень ожнвлеиом базаре, бродя между торговымн рядами и двухэтажными лавкамн-магазиичнками. Переиочевав в каравансарае, утром отправились дальше иа малеиькой арбе по берегу реки — сая Шахимардаи. И там, где сай белопеииым потоком с шумом вырывался из ущелья, слезли с арбы, расплатились с возницей н двииулись в горы пешком, как этого н требовал обычай от паломииков, идущих к святому Али.

Ущелье Шахимардаиа то раздвигалось в обе стороиы иебольшими зелеными полямн н пестрыми фруктовыми садами,

в которых стояли приземистые желтые глинобитные домики местных жителей — киргизов, то превращалось в узкий, темный и мрачный коридор, грохочущий камнями по дну бурной реки. Над головой зловеще нависали выступы белых скал, отполированные ветрами и временем, похожие на голые оскаленные человеческие черепа. (Когда становилось особенно страшно, Хамза прижимался к отцу, и Хаким, обняв мальчика, успокаивал его, гладя рукой по плечу.) Иногда попадались огромные каменные глыбы, напоминающие издали диких зверей — львов, тигров, медведей, волков. Изломанные очертания дальних отрогов на горизонте вдруг превращались в шеренги каких-то косматых чудовищ — злых дивов и дьяволов, которые, будто взявшись за руки, бешено и неподвижно плясали в своем окаменелом неистовстве, вытягиваясь нескончаемыми хороводами за край неба.

Уже к вечеру с трудом дотащились до первых домов кишлака Шахимардан, прилепившегося к подножию горы Букан, на вершине которой покоился прах святого Али. Дальше дороги не было. Дальше стояли необитаемые хребты. По их обрывистым склонам вилась одна-единственная, еле приметная среди скал тропа. Рассказывали, что по этой почти непроходимой тропинке некоторым смельчакам удавалось добираться до Афганистана.

Спать без ужина легли во дворе чайханы — не хотелось ни есть, ни пить.

А с рассветом начали медленно подниматься на вершину утеса. Двести пятьдесят три ступени. Двести пятьдесят три шага вверх, к небу.

И вот теперь они оба, Хаким-табиб и Хамза, отец и сын, стояли в толпе паломников перед воротами усыпальницы сподвижника пророка Мухаммеда, слушая поучения Мияна Кудрата и гортанное чтение хафиза.

В далекий путь из родного города до Шахимардана ибн Ямин взял с собой сына отнюдь не случайно. Дальняя эта дорога была намечена лекарем из Коканда давно. С четырех лет отращивал маленький Хамза ритуальную косичку на голове в честь святого Али. За этот первый в его жизни подвиг во славу мусульманской религии святой Али, как сказал отец, всегда будет защищать лекарского сына от всех наговоров и наветов, всегда будет изгонять с его жизненного пути всех дьяволов и злых дивов.

Семь лет назад, слава Аллаху за то, что получил от него в подарок сына, ибн Ямин дал себе зарок — воспитать мальчика в истинно мусульманском духе. И сейчас здесь, у ворот священного мазара, должен был произойти один из главных обрядов. Принеся соответствующие пожертвования, лекарь Хаким хотел просить шейха Мияна Кудрата — смотрителя гробницы, хранителя и оберегателя святости духа двоюродного брата пророка Мухаммеда — срезать с головы сына ритуальную косичку.

И тем самым как бы получить от гробницы благословенне судьбы сына на всю его дальнейшую жизнь. Навсегда связать с именем святого Алн, сделать его покровнтелем, укрепить будущее сына силою духа и святостью праха Али-Шахимардана.

Так все оно н получнлось, как это задумывал и намечал в конце прошлого века в день своего прихода к священному мазару лекарь нз Коканда ибн Ямнн Абджадхон.

Судьба сына его Хамзы оказалась навсегда связанной с гробнницей Алн-Шахимардана.

Так все оно и получнлось.

Как думал об этом в тот день Хакнм-табиб.

Словно он обладал чудодейственной силой предвидения судьбы своего сына.

И в то же время все получилось совсем не так, совсем не так...

Не мог знать лекарь Хаким, что в тот день он своею собственной рукой привел сына к месту его будущей гибели.

Не мог знать Хакнм-табиб в тот день, что привел он сына именно туда, где его Хамза будет убнт.

Убит по прнказанию Мияна Кудрата...

— Делай хорошее, делай хорошее, делай только хорошее! — наставлял слушавших его мусульман шейх Миян Кудрат. — И тогда всевышний не оставнт тебя своим милосердием! Тогда он утолит твою боль и излечнт твон раны! Тогда он наполнит сердце твое радостью!

Плакали от полноты религиозных чувств мусульмане, стоявшие перед священным мазаром вокруг шейха.

Глотал слезы лекарь из Коканда ибн Ямин Абджадхон, крепко держа за руку сына, перебирая в памяти свои житейские дела, хлопоты и невзгоды.

А маленький Хамза, заглядевшись на Мияна Кудрата, словно ничего и не замечал вокруг. Высокий чернобородый человек в огромной белой чалме, со сверкающим посохом полностью завладел его вниманнем. Этот загадочный н необычный человек с лучезарным лнцом и слепящимн глаза камнями на руках был похож сразу на всех мудрецов и волшебников из тех сказок, которые часто рассказывал отец. Это была ожившая сказка.

Своимн таннственными движениями, своим постоянно меняющнмся голосом — то сердитым и громким, то тихим и ласковым — смотрнтель гробннцы завораживал мальчика, вызывая у него какое-то необыкновенно теплое отношение к себе. Он нравился Хамзе все больше и больше. И этот человек, призывающий всех делать только хорошее, и должен был срезать у него ритуальную косичку. Значит, он не зря отращивал ее, не зря так долго и терпеливо ждал этого дня. Человек в большой белой чалме срежет косичку для святого Али... А может быть, он сам и есть святой Али, оживший и вышедший из своей усыпальницы,

чтобы встретить его, Хамзу, чтобы познакомиться с ним и подружиться, чтобы стать его покровителем?

Нет, это, конечно, не святой Али. Двоюродный брат пророка Мухаммеда умер очень давно. Об этом часто рассказывал отец. А этот красивый и стройный человек со своими горящими черными глазами, которые зовут к себе, втягивают в себя, этот человек просто самый главный волшебник здесь. Он все сделает так, как это сделал бы сам святой Али, — возьмет косичку и прогонит злых духов. Этот хороший и добрый человек станет для него самым лучшим другом на всю жизнь. И тогда ему не нужно будет никого бояться, тогда все будут любить его, потому что увидят — он, Хамза, оказался послушным сыном, он соблюдал все правила, которые просил выполнять отец.

Обуреваемый этими возвышенными и, может быть, даже слишком сложными для детской души переживаниями и как бы желая поделиться ими с отцом, Хамза доверчиво прижался щекой к халату Хакима-лекаря чуть ниже его пояса и посмотрел на отца снизу вверх.

По лицу ибн Ямина текли слезы. Он целиком, весь без остатка, был сейчас во власти голоса и слов Мияна Кудрата.

Хамза всхлипнул.

— Ты тоже плачешь, сынок? — улыбнулся сквозь слезы и наклонился к сыну Хаким-табиб, радуясь отзывчивости мальчика религиозному чувству и его непосредственной, живой восприимчивости всей возвышенной атмосферы общения людей с духом святого Али. — Это очень хорошо, очень хорошо!.. Иди, сынок, иди и поклонись святому шейху, отдай ему своими руками дары — пожертвования для гробницы. Иди и удостойся его высокого благословения...

И он протянул Хамзе мешочек — кисет с серебряными монетами.

Мальчик взял из рук отца кисет и сделал несколько шагов вперед.

— Иди, сынок, иди и не бойся! — шептал сзади лекарь Хаким. — Дедушка Миян любит тебя!

Хамза подошел к шейху и неожиданно для самого себя опустился перед ним на колени.

— Поцелуй землю у его ног! — крикнул сыну Хаким-табиб.

Маленький Хамза прижался губами к земле около мягких лакированных сапог шейха, потом поднял голову и, все так же стоя на коленях, протянул смотрителю гробницы мешочек с серебром.

Шейх Исмаил Махсум, выйдя из-за спины Мияна Кудрата, принял дары и спрятал кисет в карман своего халата. Потом он подал главному шейху небольшой металлический поднос, на котором лежал ритуальный кинжал.

— Хвала тебе, сынок, — строго глядя на Хамзу сверху вниз большими черными глазами, сказал Миян Кудрат. — Да под-

держит тебя престол всевышнего, да укрепит он твой стан!.. Аллах акбар! Велнк Аллах!.. Да будет святой Али-Шахимардан вечным спутником твоей достойной жизни! Да благословит святой Али твою судьбу своим прахом н духом!

Левой рукой приподнял Миян Кудрат и слегка натянул косичку над тонкой мальчишеской шеей...

Сверкнул в правой руке шейха нож над головой Хамзы.

Свершилось!

Косичка — знак верности и преданности святому Али — отделилась от головы мальчика и упала на металлический поднос. Али-Шахимардан, взяв себе волосы и душу Хамзы, простер над его судьбой отныне и до скончания его жизни свое святое благословенне.

Свершилось!!

Теперь уже не капли, а потоки счастливых слез ручьями текли по щекам ибн Ямина.

Свершилось!

«О Али! — молитвенно н благодарно сложив ладони, шептал лекарь Хаким. — Да будет крепок стан сына моего Хамзы! Да сохранится его вера от наговоров шайтана! Да продлятся во славу Аллаха дни мои до той поры, когда взойдет на небе звезда моего сына!»

Хамза не помнил, как он снова очутился возле отца. Он опять ничего не слышал и не видел из того, что происходило вокруг. Он только ощущал в ногах и в груди какую-то необыкновенную легкость. Что-то очень тяжелое и очень трудное, стеснявшее душу мальчика долгим ожиданием, осталось позади. Теперь пришло освобождение, и Хамза, будучи не в силах сдержать охватившей его радости, снова прижался щекой к отцовскому халату, от которого так хорошо и знакомо пахло далеким родным домом.

Да, приобщение к духу и праху Алн-Шахимардана состоялось, все обошлось как нельзя лучше, н в то же время что-то неловкое и стыдное продолжало смущать мальчика. Ему было неудобно от того, что столько людей смотрели на него.

— Пойдем вниз, — тихо сказал он отцу.

— Нет, этого делать не следует, — тоже тихо ответил Хаким. — Нельзя сразу уходить от Али, получив его благословенне. Сейчас милости святого будут дарованы другим. Смотри и молись за них, как и они молились за тебя, когда Али осенил твое посвящение своим милосердием.

Несколько фигур, занавешенных черными паранджами, отделились от общей женской группы. Напряженно, словно нехотя приблизившись к Мияну Кудрату, женщины торопливо сложили свои приношения у его ног и быстро вернулись назад.

Шейх Махсум, сильный и ловкий, сноровисто присел перед

пожертвованиями, быстро связал их в один общий узел и унес в темную глубину усыпальницы.

Оберегатель гробницы резко вскинул вверх руки, раскрыл небу ладони.

— Безгранична доброта престола всевышнего к Шахимардану! — запел Миян Кудрат. — Негасимы лучи его сердца, освящающие пристанище Али!.. Чтобы еще более возвысить силу и славу святого места, Аллах подарил чудодейственное свойство вот этому дереву!

И Миян Кудрат вытянул руку в сторону развесистой чинары, росшей чуть сбоку от мазара, которую некогда, много-много лет назад, выкопав в долине, привез на арбе снизу и посадил здесь его отец, достопочтенный Ак-ишан.

— Женщины!! — громким голосом, внушающим веру в исполнение всех тайных молитв и заветных женских чаяний, прокричал главный шейх. — Те из вас, кто слабы чревом, но жаждут иметь детей, подойдите к священному дереву и обнимите его! Оставьте на его ветках символы вашей беды и знаки своей благодарности всевышнему! И чинара поделится с вами силой своих ветвей и соком своего плодородия! Она наполнит ваше чрево будущей жизнью на радость вашим родным и близким, во умножение беспримерной славы и небывалой силы престола всевышнего!

Женщины заспешили к чинаре. Сначала они вешали на ветки цветные лоскутки, отрывая их от своей одежды, потом привязывали — каждая к своей ветке — еще мешочек с монетами, не считая положенного раньше к ногам смотрителя гробницы. После этого каждая обнимала двумя руками ствол дерева, припадала к нему и, отбросив на секунду паранджу, прижималась лицом к стволу, шепча молитвы, вытирая слезы, и, поцеловав напоследок чинару, отходила в сторону, уступая место следующей бесплодной.

Так продолжалось довольно долго — женщины поочередными группами подходили сначала к шейху, потом к дереву и возвращались обратно, туда, где они неподвижно стояли до начала божественного откровения, похожие на забор из черных досок, скрывающий их лица и фигуры, каждая — привязанная к своей доске, каждая — траурно перечеркнутая паранджой сверху вниз, каждая — словно пригвожденная паранджой к земле ударом какой-то неизбежной и непреодолимой силы.

Когда паломничество женщин закончилось, к чинаре приблизились шейх Исмаил Хурумбай и шейх Бузрук Ходжа. В четыре руки, как опытные сборщики хлопка, снимали они с веток мешочки с серебром, складывая их к себе за пазуху.

Шейхи и правда были похожи в ту минуту на трудолюбивых дехкан на хлопковом поле: коробочку — кисет с деньгами — они аккуратно срывали, а цветные лоскутки — листья коробочек — оставляли неповрежденными. И делали все это

обеими руками, как очень опытные и умелые сборщики хлопка.

Хамза, успокоившийся и затихший, стоял около отца, молча иаблюдая за всем происходящим. Ему были непонятны слова смотрителя усыпальницы, обращенные к женщинам, а действия их возле чинары неведомы. Его интересовало только одно — зачем надо привязывать мешочки с пожертвованиями к веткам, если их все равно тут же снимают? Не проще ли было бы сразу отдавать деньги шейхам? Он даже хотел спросить об этом у отца, но Хаким-табиб, закрывший глаза и что-то быстро шептавший, был, по-видимому, снова погружен в благодарственную молитву, и Хамза, зная, что отец ие любит, когда кто-нибудь, даже самые близкие, прерывают его разговор с Аллахом, оставил свой вопрос при себе.

Ему было уже скучно стоять здесь, перед мазаром, без всякого дела. Он устал от подъема иа гору — ступени, вырубленные в скале, были рассчитаны по своей высоте на взрослых, он хотел спать — ночью во дворе чайханы они спали прямо иа земле и совсем мало. Одиим словом, требовалось изменить обстаиовку — спуститься вниз и там подвигаться, походить, попрыгать, а может быть, несмотря на торжественность только что пережитых минут, даже немного побегать и побросать камешки.

Но тут перед священным мазаром произошло событие, которое вошло в душу мальчика и запомнилось иа долгие годы гораздо сильнее, чем приобщение к духу святого Али-Шахимардана.

Два человека проиесли через расступившуюся толпу носилки, на которых, скорчившись, неподвижио лежал на боку человек, покрытый цветастой накидкой.

За носилками шел высокий худой старик лет семидесяти с кизиловым посохом в руке. По одежде это, несомненно, был мусульманин, но смуглое скуластое лицо его выдавало уроженца очень далекой местности. Все манеры и повадки старика говорили о том, что он не принадлежит к разряду простых людей. Было что-то независимое в его походке. Это был гордый, уверенный в себе человек. Глаза его смотрели прямо и твердо — ни тени смирения и обычной униженной почтительности не было в них. И в то же время в глазах незиакомца угадывались какая-то затаенная тоска, усталость, надломлениость, какое-то тщательно скрываемое отчаяние. Он шел, тяжело опираясь иа посох: подъем в гору, очевидно, стоил ему немалых усилий. Старик был на пределе своих физических возможиостей, хотя и старался не показывать этого.

Носилки опустили на землю перед Мияном Кудратом. Старик отвесил смотрителю усыпальницы низкий, подобающий духовному сану поклон.

Мияи Кудрат пристально, молча, изучающе смотрел на при-

шельца. По обеим сторонам от него уже встали родственники — шейхи Бузрук и Хурумбай. Из гробницы торопливо вышел шейх Махсум и присоединился к старшим шейхам.

— Да возвеличит вас всевышний, мой князь! — с торжественным достоинством обратился к Мияну Кудрату старик. — Да воздаст он должное вашей святости и учености! Да вознаградит вас Аллах за вашу заботу о больных и убогих людях!

Пришелец говорил напряженно, скованно, пытаясь унять и смирить свою врожденную независимость и гордость.

Святой Миян Кудрат, не отвечая, в упор сверлил незнакомца жарким огнем своих больших черных зрачков.

— Во многих землях и странах известно ваше великое искусство исцелять самые тяжелые человеческие недуги, — продолжал старик. — Ваша слава идет по земле, опережая эхо ваших шагов...

— Вы преувеличиваете, почтенный, — холодно оборвал старика Миян Кудрат, — я не лекарь. Я только повергаю к праху Али-Шахимардана молитвы правоверных. Дух святого Али исцеляет тех, кого он находит достойными этого.

— Нет, нет! — вытянув вперед ладонь, быстро заговорил незнакомец. — Не уменьшайте моей надежды...

Неожиданно с ним произошло что-то странное. Голос его дрогнул. Он вдруг как-то обмяк и надломился. Из старика словно вынули стержень. И ничего не осталось от той самостоятельности и уверенности, с которыми он ступил на площадку перед мазаром. Сгорбленный и поникший, стоял перед главным шейхом старый, уставший, близкий к отчаянию человек.

— Я принес к вам моего сына, — поникшим голосом сказал старик и показал на носилки.

(Вглядевшись, Хамза увидел, что на носилках лежит мальчик, может быть, всего лишь на несколько лет старше его самого.)

— Это мое единственное дитя, — проникновенно и горько продолжал старик. — Неизвестная миру болезнь вот уже несколько лет истязает его — он не может стоять на ногах. Я побывал с ним во многих местах. Медицина бессильна. Остается последняя надежда — милосердие святого Али...

— Как ваше имя? — строго спросил Миян Кудрат.

— Мебува.

— Кто вы?

— Торговец.

— Пророк Мухаммед всегда хорошо относился к торговле, — назидательно сказал главный шейх гробницы, — считая ее одним из самых достойных занятий для мусульманина.

Старик выпрямился. В глазах его снова засветились гордость и независимость. Он опустил руку в карман и достал большой желтый кошелек.

Шейх Махсум привычно вышел вперед, чтобы принять по-

жертвование, но смотритель гробницы движеиием руки остановил джигита, сам взял кошелек и открыл его.

— Не миого ли здесь? — прищурился Мияи Кудрат. — Вы слишком щедры...

— Жизнь сына для меия бесцениа, — твердо сказал Мебува, — а милосердие святого Али иеоцеиимо.

— Достойный ответ, почтеииый Мебува, — согласился смотритель и передал кошелек Махсуму.

Медленно подойдя к лежащему иа иосилках мальчику, главиый шейх долго смотрел иа больиого. Потом откииул цветастую иакидку и начал щупать скрючеииые ноги, тело, руки, плечи. Положил руку иа лоб.

— У иего жар, — сразу определил шейх.

— Да, да, ои держится вот уже несколько месяцев, — поспешно подтвердил Мебува.

— Вы упустили время, — выпрямился Мияи Кудрат, — болезнь задела суставы, а жар ослабил сердце.

Лицо оберегателя усыпальиицы было равиодушно, непроиицаемо. Весь его вид говорил о том, что старик сам вииоват в тяжелом состояиии своего сыиа.

— Но есть иадежда, — иачал Мияи Кудрат, — что святой Али...

Мебува рухиул иа колеии.

— Я умоляю вас, великий человек! — жалобно взмолился старик. — Спасите моего сыиа!.. Я не пожалею иичего, чтобы возблагодарить святого Али-Шахимардаиа.

— Нужио сильное средство, — холодио произиес главиый шейх, — очеиь сильное, чтобы встряхиуть весь организм вашего сыиа.

— Я согласен, я согласеи иа все, — горестно закивал головой Мебува.

Смотритель гробницы подозвал к себе шейха Махсума.

— Где дервиши?

— Божьи люди сидят там, за мазаром, — показал рукой Махсум. — Оии вкушают пищу, котоpvю иисполал им святой Али.

— Позови их.

Чем больше всматривался Хамза в лежащего иа носилках больного мальчика, тем сильнее охватывала его сердце жалость к нему. Но еще больше жалел ои старика отца, стоявшего иа колеиях перед иосилками. Мебува был самым старым человеком иа площадке перед мазаром. Но вместо того чтобы прииимать на склоне лет заботу и виимаиие от сыиа, наслаждаться его послушаиием и почтительиостью, старик выиуждеи был возить больиого по городам в поисках излечеиия. Если даже ему, Хамзе, было так тяжело карабкаться сюда, иа гору, то каково же

было подниматься по этим высоким ступеням старому Мебуве? Да еще следить за носильщиками, чтобы аккуратно несли сына, не причиняя ему лишних страданий на крутом подъеме.

Хамза посмотрел вниз, в долину реки. Как красиво было вокруг! Как ярко и приветливо светило солнце, серебря снежные верхушки гор! Как весело и молодо зеленели вдали луга, покрытые цветастой накидкой тюльпанов и маков! Как таинственно и загадочно плыло на фоне черных скал белое облако, похожее на большого лебедя или скорее на сказочный ковер-самолет, на котором летали волшебники из «Тысячи и одной ночи»!

А больной мальчик на носилках не видит ничего этого, потому что он не может даже приподнять голову. И старик Мебува тоже не видит, потому что глаза его залиты слезами.

Почему же должны мучиться эти люди, если все так хорошо и красиво вокруг — солнце, небо, горы, луга, цветы, облака?

Грустно сделалось на душе у Хамзы. Ему вдруг очень захотелось чем-нибудь помочь мальчику и старику Мебуве.

— Ата, — позвал Хамза отца, трогая рукав его халата, — а ты не можешь вылечить его мальчика?

— Нет, сынок, не могу, — вздохнул Хаким. — Я всего лишь обыкновенный табиб. А ему не сумели помочь даже ученые доктора.

...Из-за угла мазара показалась толпа дервишей, одетых в разноцветное тряпье и острые конусообразные шапки. С шумом и гвалтом окружили они носилки, звеня висящей на поясах медной посудой и самым разнообразным железным хламом.

— Эй, божьи люди! — зычно крикнул Миян Кудрат. — Довольны ли вы пищей, которую послал вам Али-Шахимардан?

— Довольны! Рахмат! — кривляясь и гримасничая, закричали в ответ дервиши. — Святой Али — хороший хозяин! У него всегда вкусный, сытный плов!

— Тогда устройте нам радение, но только настоящее радение! — двинулся к дервишам главный шейх. — К нам прибыл смиренный мусульманин, у его сына в сердце поселились злые дивы и дьяволы! Только вы одни, самые честные и праведные мусульмане, можете изгнать их. Начинайте! Ло иллохо! Илло оллоху!

— Е-хув! Е-хак! — завопили дервиши. — Ло иллохо! Илло оллоху! Е-хув! Е-хак!..

Что тут началось! Даже много дней и недель спустя не мог забыть маленький Хамза этого жуткого зрелища.

Напутствуемые высшим духовным лицом Коканда и Маргилана (а это разрешало им полную свободу действий), дервиши начали топтаться на месте, качаться из стороны в сторону, трястись, прыгать, подскакивать, приплясывать, то и дело вскидывая вверх руки, задирая ноги, запрокидывая головы. Они запричитали, заплакали, заголосили, завыли так, как не смогла бы сделать это тысяча отборных злых дивов и дьяволов. Желез-

ный хлам и медная посуда, привязанные к их поясам, издавали неимоверный шум — никакая горная лавина и камнепад не смогли бы сравниться с какофонией этих звуков.

— Е-хуа! Е-хак! Ло иллохо! Илло оллоху! Е-хуа! Е-хак!

Дервиши паясничали, гримасничали, падали на колени, катались по земле, вскакивали, кидались друг на друга, снова падали, дрыгали ногами, скребли землю руками, засовывали пальцы себе в рот, царапали лица, полосовали свои рубища и лохмотья... Это было действительно фанатичное радение! Вид людей, беснующихся, неистовствующих, рвущих на себе длинные, грязные, свалявшиеся волосы и бороды, выворачивающих руки и ноги, наносящих себе раны, был воистину страшен и отвратителен.

Но все было правильно — дервиши изображали злых дивов и дьяволов. Они и должны были быть похожими на самых диких и ужасных чудовищ, поселившихся в сердце больного. А нанося себе раны, они тем самым пугали этих дивов, убивали их в себе, грозили им, изгоняли их из сердца больного.

Хамза только несколько минут мог смотреть на радение. Потом он спрятался за спину отца. Мальчика бил нервный озноб, он дрожал от ненависти и отвращения к дервишам.

— Ата, ата! — звал Хамза отца. — Уйдем отсюда!

Но Хаким не двигался с места. Он знал, что с радения уходить нельзя — в своем фанатичном ослеплении впавшие в безумие дервиши могли догнать уходящего и убить на месте.

Мебува, отпрянувший в первые секунды от дикой толпы радетелей, пришедших лечить его сына, от пыли, поднятой их ногами, от летящей из их ртов слюны, от их непереносимой вони, теперь неподвижно лежал на земле лицом вниз возле носилок, обхватив руками голову. Он не в силах был видеть и слышать того, что происходило около его сына, но ничего уже нельзя было изменить.

— Е-хуа! Е-хак! Ло иллохо! Илло иллоху! Е-хуа! Е-хак!..

Один из дервишей — карлик с тонкой змеиной шеей и огромной уродливой головой, с изуродоваными ушами и отвислыми губами, с вывернутыми красными веками гнойных трахомных глаз — самый неистовый и безумный, раскровянив лицо, сбросил верхнюю часть одежды и бил себя в покрытую струпьями грудь острым куском железа, терзал косыми длинными, крест-накрест ударами свою тщедушную плоть, оставляя каждый раз на теле широкие кровавые полосы. Он весь уже был забрызган собственной кровью, и казалось, тот дьявол, которого он изображал и который сидел внутри больного, должен был бы уже давно упасть бездыханным, но шайтан был живуч и упорно сопротивлялся.

И тогда карлик, отбросив железку и завизжав, будто придавленный упавшим на него сверху куском скалы, бешено завертелся волчком на месте. Его примеру последовали осталь-

ные дервиши, все они стали похожи на маленькие пыльные смерчи, кружившиеся около носилок.

— Е-хуа! Е-хак! — вопили дервиши. — Ло иллохо! Илло иллоху!.. Е-хуа! Е-хак!..

Неожиданно карлик прыгнул через носилки...

За ним прыгнул второй дервиш...

Третий!

Четвертый!

Пятый!

Шестой!

Седьмой!

........!

........!

........!

И снова завертелись волчками вокруг себя, снова закружились около носилок маленькими и неистовыми пыльными смерчами.

— Е-хуа! Е-хак! — неслось из клубов пыли. — Е-хуа! Е-хак!..

Выглядывая из-за спины отца, Хамза видел, как с самого начала радения больной мальчик на носилках как бы весь подобрался — сжался и скрючился еще сильнее. Он явно боялся дервишей: они действительно были похожи на дьяволов и могли запугать кого угодно. Несколько раз мальчик вроде бы даже пытался поднять руки, загораживаясь от них, но руки не слушались его.

Когда же начались прыжки, больного словно подменили. Он завозился, задергался и вдруг сел на носилках.

— Ата! Ата! — заплакал мальчик, зовя Мебуву. — Мне страшно.

— Чудо! Чудо! — закричал Миян Кудрат, обращаясь к толпе паломников и зрителей, которые непрерывно стали прибывать снизу, когда началось радение. — Он двигается! Святой Али услышал нас! Всевышний посылает нам свое милосердие!

Мебува поднял голову от земли. Он не верил своим глазам — его сын, неподвижный столько дней, сидел на носилках.

Карлик, оскалясь и испустив душераздирающий вопль, неожиданно упал на землю и пополз как ящерица к носилкам, гримасничая и кривляясь...

И свершилось!

— Я боюсь! Я боюсь! — забился в истерике мальчик.

И вдруг он вскочил на ноги...

— Исцелен! Исцелен! — вскинув вверх руки, загремел во всю мощь своего раскатистого голоса Миян Кудрат, опускаясь на колени. — Смотри, Мебува, твой сын стоит на ногах! Все-

вышний вернул ему силы!.. Смотрите, мусульмане, как безгранична власть святого Али над нами!

Шейхи Бузрук, Хурумбай и Махсум (и вместе с ними все, кто находился в ту минуту перед мазаром — не менее двух сотен человек, мужчины и женщины, Хаким и Хамза тоже) почти одновременно опустились на колени.

Шатаясь и перешагивая через распростершихся на земле дервишей, замерших неподвижно там, где каждого застало исполнение воли всевышнего, Мебува нетвердой походкой приблизился к сыну и обнял его.

— Козленок мой! Неужели ты встал? — захлебывался рыданиями Мебува. — Неужели так щедр ко мне Али-Шахимардан... О небо, чем же отблагодарить тебя? Возьми все, что у меня есть!.. Козленок мой, сделай же хотя бы один шаг, чтобы всевышний увидел плоды своего труда!

Мальчик, прижавшись к отцу, затравленно смотрел на окружавших его людей, нетерпеливо и жадно протягивавших руки, чтобы дотронуться до удостоенного милости святого Али-Шахимардана и унести с собой крупицу дарованной ему божественной силы или хотя бы прикосновение к ней.

Но всех опередил карлик, лежавший в двух шагах от носилок. Считая, наверное, что ему одному принадлежит заслуга изгнания дьявола, он, как только прошло первое оцепенение, вызванное чудом исцеления, рывком прямо с земли кинулся к отцу и сыну и, широко раскинув перед ними свои корявые, похожие на клешни руки, запрокинув огромную волосато-обезьянью голову, весь в крови и грязи, неправдоподобно чудовищный, нечеловечески уродливый, закричал торжествующе и исступленно черной дырой распахнутого настежь и перекошенного рта:

— А-а-а-а-а-а-а!

И горы, словно на каждой вершине сидело по тысяче злых духов, многократно повторили гулкое эхо этого дьявольского, этого потустороннего крика:

— А-а-а-а-а-а-а-а!!

...Они упали почти одновременно.

Сначала карлик, схватившись рукой за сердце.

Потом мальчик.

Судорога исказила лицо больного, он дернулся в отцовских руках, метнулся, захрипел, обмяк и, уронив безжизненную голову, рухнул к ногам ошеломленного Мебувы.

Жизнь, испуганная дервишами, встрепенулась на мгновение, вспыхнула мимолетной искрой и тут же погасла перед новым страхом.

— Он умер, он умер! — в ужасе бормотал Мебува, пытаясь приподнять голову сына. — Люди, неужели он умер?!

Миян Кудрат, быстро подойдя к носилкам, нагнулся, открыл пальцами веко мальчика, потом второе — мальчик был мертв,

глаза его остывали, стеклеиея от пережитого иепосильиого потрясения.

Рядом корчился в конвульсиях карлик...

Ужас охватил площадку перед мазаром. Люди стояли ие шелохнувшись, потеряв дыхание. Воля Аллаха безмолвно громыхала иад головами зигзагообразной белой молнией. Сверкиула — подарила жизнь. Еще раз сверкиула — отняла.

Утратив иа какое-то время контроль иад собой, угрюмо смотрел иа умершего оберегатель гробиицы. Шейхи Бузрук, Хурумбай и Махсум растеряино топтались возле иосилок. Гурьбой сбились вокруг карлика дервиши, не смея вмешиваться в дела того, чьим дыханием теперь управлял всевышний.

А Мебува, кажется, только иачииал до конца понимать, что произошло. Ои медлеиио распрямился, ие отрывая взгляда от мертвого сыиа. В глазах у старика полыхало отчаяиие.

— Что же ты сделал, сынок? — пустыми зрачками обведя толпу вокруг себя, тихо спросил старик. — Как мне стерпеть такое горе?.. Что стаиет с твоей матерью, когда до иее дойдет эта страшная весть?.. С какой молитвой, с какими надеждами оиа провожала нас сюда!.. Что я привезу ей обратио, как взгляиу в лицо, что отвечу ей?.. О горе мне, горе!.. Почему я не умер вместо тебя, сыиок?

Что-то оборвалось виутри у Мебувы, что-то сломалось, и слова неуправляемо хлынули из растерзанной мраком души, как воды арыка сквозь пробитую брешь в плотиие...

Мебува рваиул иа груди халат.

— О боже, как ты мог допустить такое? Всевышиий, куда ты смотрел, если младший умирает раньше старшего? Будь у тебя хоть капля справедливости, ты бы никогда ие позволил этого... Ребенок ие должеи уходить из жизни раиьше отца!.. Аллах, как молиться теперь тебе, если так слепо распоряжаешься ты судьбами людей? Разве ие видишь ты с высоты своей, с иеба, что это нелепо, когда старики хороият молодых...

— Не богохульствуй! Не предавайся еретическим речениям, грешиый человек! — оборвал Мебуву грозиый голос Мияна Кудрата.

Смотритель гробницы уже справился с мииутной слабостью, он снова был главным шейхом усыпальиицы-мавзолея, высшим духовиым лицом мусульманского мира Кокаида и Маргилана, наставииком и хозяином мусульманских душ.

— Не богохульствуй, — смягчая гиев, повторил Миян Кудрат, — ие то святой Али заиесет свой острый меч и иад твоей головой...

Мебува поиик.

Оберегатель гробиицы повериулся к толпе. Ои поиимал, что сейчас нужны слова, которые уменьшили бы впечатление от

смерти больного, объяснили ее, повернули бы настроение толпы, оставив неизменно великой славу Али-Шахимардана. Надо было срочно восстановить силу святого Али, поколебленную смертью мальчика и словами Мебувы.

— Человеку не дано знать суть дел небесных, — начал Миян Кудрат, — и если исчерпана его земная доля, дни его сочтены. Так написано на скрижалях судьбы каждого, и никто не может изменить этого предначертания... Вечная бренность одной человеческой жизни дает всевышнему возможность поддерживать вечное бессмертие всего человечества... Мудрец говорил: когда приходит посланник смерти, мы хотим убежать в цветущий сад; но, даже убежав в цветник, человек не избавляется от смерти, ибо у всех один удел — кладбище... Смерть — конечная доля каждого. Смерть — это воля божья. Ее нельзя изменить или оспорить. Человек должен подчиниться воле божьей, чтобы не вызвать гнева Аллаха... В священном шариате, на страже которого всегда стоял Али-Шахимардан, сказано: если человек должен умереть или уже умер, плач и стоны бесполезны. Они равны сопротивлению воле божьей и поэтому являются величайшим грехом. Мы все рабы божьи, а у раба божьего нет другого выхода, кроме смирения перед волей божьей и в жизни и в смерти. Поэтому не надо плакать над мертвыми, не надо стонать и убиваться над ними. Если к человеку пришла смерть, значит, ковер его судьбы соткан из черных ниток, а черные нитки еще никому не удавалось отмыть добела ни живой, ни райской водой!..

Никогда еще не испытывал маленький Хамза одновременно столько волнений, как в тот день.

Это были даже не просто волнения, а глубочайшее потрясение всех его немногих тогда еще представлений и понятий о жизни, всех его только еще начинавших складываться детских чувствований и ощущений.

Несколько лет подряд соблюдал Хамза запреты и ограничения шариата, готовясь принять покровительство Али-Шахимардана. И все эти годы окружавшая мальчика жизнь полностью соответствовала толкованиям шариата, не вызывая никаких сомнений в своей справедливости.

Радость приобщения к духу святого Али была велика. Она как бы подводила итог долгим месяцам ограничений и запретов, подтверждала их правильность. Душа Хамзы вознеслась необычно высоко, все действительно было хорошо и справедливо вокруг — как и говорилось об этом в шариате, как это и обещал отец за послушание и соблюдение верности уложениям шариата. Душа Хамзы летала в небесах, она была почти рядом с духом Али-Шахимардана, а может быть, даже рядом с духом самого пророка Мухаммеда.

Одним словом, по детскому своему разумению, Хамза уже ощущал себя настоящим мусульманином. Он чуть ли не видел

себя сидящим на ступеньках престола всевышнего — около большого и пышного кресла с четырьмя ножками и большой спинкой, на котором восседал величественный старец в белой чалме с огромными черными глазами — точная копия Мияна Кудрата.

Еще бы немного — и Хамза увидел себя сидящим на коленях у самого Аллаха.

Но тут появились Мебува и носильщики с неподвижным мальчиком...

И вся устойчивая картина справедливости окружающего мира искривилась в глазах Хамзы, заколебалась, дала трещину и в конце концов рухнула.

И Хамза закувыркался с коленей Аллаха, с высоты ступеней престола всевышнего обратно на землю.

И первые сомнения (нет, не в справедливости окружающего мира, а в необходимости соблюдения тех ограничений и запретов, которые заставлял выполнять отец) слабо шевельнулись в неокрепшем еще, но уже крепнущем благодаря этим сомнениям сознании мальчика.

И первый счет несоответствий того, что должно было быть вокруг по шариату, и того, что было на самом деле, что произошло на глазах у Хамзы, начал складываться в его рождающемся сознании.

Выяснилось, что копия всевышнего — Миян Кудрат водит знакомство с такими отвратительными существами, как дервиши, и что они говорят почти на одном языке (ло иллохо, илло оллоху). Такое знакомство не делало чести всевышнему и сразу сильно уронило его во мнении Хамзы.

Потом Аллах допустил явную несправедливость, наказав неподвижностью мальчика, у которого было совсем еще мало грехов — он их просто не успел набрать по сравнению со взрослыми.

Аллах также упустил и ту минуту, когда дервиши начали изображать из себя дьяволов, тогда как Коран строжайше запрещает изображать живые существа. (Хамзе, например, иногда очень хотелось нарисовать кого-нибудь, но, по шариату, делать это было нельзя.)

И наконец, зачем — ну зачем Али-Шахимардан дал больному мальчику силы сесть на носилках перед смертью? Зачем святой Али, а вместе с ним и всевышний подняли мальчика на ноги, когда ковер его судьбы был все равно выткан черными нитками? А уж кому, как не всевышнему, ведающему судьбами всех людей, было не знать, что именно написано на скрижалях судьбы мальчика.

...Когда сын Мебувы дернулся в руках отца, когда лицо больного искривила предсмертная судорога, когда он упал на носилки и стало ясно, что мальчик умер, Хамза почувствовал, как внутри у него что-то мелко-мелко задрожало, затрепетало

и быстро-быстро забилось сердце, словно оно захотело повторить последнее движение сердца больного мальчика.

Все окружающее неузнаваемо изменилось перед Хамзой. Мир потускнел и померк. Потухло солнце.

Впервые видел он смерть человека...

Впервые наблюдал собственными глазами, как человека не стало...

Впервые перед ним исчезла живая жизнь...

Маленькое сердце Хамзы превратилось в комок страха. Рушились горы вокруг, и осколки скал летели прямо в грудь мальчика. Душа была залита болью. Птица страха рвалась наружу, сердце не могло больше выдержать напряжения. Хамза чувствовал, что теряет сознание, он ничего не слышал и ничего не видел перед собой, он умирал вместе с сыном Мебувы.

— Не надо, не надо, не надо! — шептал Хамза, заливаясь слезами и прижимаясь к отцу.

Но что-то большое, широкое и сильное, как течение могучей полноводной реки, уже вливалось в душу мальчика, что-то неподвластное разуму, рожденное только сердцем, неостановимо входило в его существо, чтобы остаться там навсегда.

Неутолимое сочувствие живой человеческой плоти, обрывающей земную нить своего бытия, вспыхнуло ярким пламенем в сердце Хамзы, ожгло душу нестерпимо, невыносимо...

Сильнейший нервный разряд — сострадание ближнему — потряс весь его организм.

Хамза пошатнулся и начал сползать к ногам отца. Хаким-табиб испуганно подхватил сына...

И вдруг что-то незримо и резко изменилось на площадке перед гробницей.

— Вы убийца моего сына!..

Мебува, растерзанный и страшный, с размотавшейся чалмой, сверкая глазами и сжав кулаки, медленно шел на Мияна Кудрата.

— Вы убили моего сына!.. — дико закричал Мебува и вытянул руку в сторону главного шейха.

Смотритель гробницы, бледнея, отступил перед стариком.

— Убийца! Убийца! Убийца! — пронзительно, как помешанный, кричал Мебува. — Если бы я не был таким простаком и не доверился вам, мой сын был бы жив!.. Вы и ваши злодеи-дервиши отняли жизнь у моего сына!

Лицо Мияна Кудрата покрылось испариной. Он не ожидал ничего подобного. Небывалый по своему ожесточению гнев старика будто парализовал его волю. Краем глаза косился Миян Кудрат на родственников, но шейхи Бузрук и Хурумбай растерянно пятились вместе с ним от Мебувы, а шейха Махсума вообще не было видно.

— О, будь проклят тот день, когда я решился ехать сюда, в Шахимардан, в это гнездо обманщиков и убийц! — рвал на себе халат Мебува. — Будьте прокляты вы все, ненасытные шейхи, кормящиеся от горя и слез человеческих!.. Сын мой, козленок мой, почему ты упал зеленым ростком в мой гроб? Не распустился, не расцвел тюльпан твоего сердца на этой земле! О святой Али, зачем тебе это безгрешное сердце? Зачем, зачем — ну зачем ты взял его, этот беззащитный кусочек моей плоти? Ты не любишь людей, святой Али, ты позволил убить мое единственное дитя, ты убийца, как и они, Али-Шахимардан!.. Убийца, убийца, убийца!.. Будь же и ты проклят вместе с ними со всеми, дервишами и шейхами, будь проклят!..

Миян Кудрат вздрогнул. Первый толчок ответного гнева всколыхнулся в нем. Опять богохульство?.. Старик обезумел, проклиная Али... Надо остановить его... Но где же Махсум с его плечами и кулаками?

Смотритель бросил взгляд на толпу. Она была неподвижна. Люди безмолвствовали, в ужасе глядя на обезумевшего Мебуву. Еще бы! Такого здесь не случалось никогда. Простой мусульманин посылал проклятия на святую гробницу.

— Закрой свой рот, Мебува, — начал было Миян Кудрат,— ты потерял рассудок от горя...

— Я разорву тебя на части, наемник дьявола! — завизжал старик, бросаясь на оберегателя усыпальницы. — Я сброшу со скалы твои кости, чтобы ты не мог больше никогда убивать невинных людей!

И тут как из-под земли перед Мебувой вырос шейх Исмаил Махсум и загородил собой смотрителя гробницы.

И еще несколько человек вышли из толпы паломников, заслоняя главного шейха.

Махсум наклонился и поднял с земли камень.

И к шейху Мияну Кудрату вернулась его святость, к нему пришло решение...

— Заткнись, презренный! — как бы проснувшись и очнувшись от собственного бессилия, вызванного отчаянным и яростным напором Мебувы, заорал Миян Кудрат, напрягая всю силу своего голоса. — Как ты посмел надругаться над святым местом?! Как мог повернуться твой жалкий язык, посылая хулу на Али-Шахимардана? Ты ослеплен невежеством и злобой.. Ты задумал гнусное дело!.. Но пристанище святых не потерпит твоих еретических слов!.. Всевышний воздает каждому по его заслугам! Вот он и послал тебе смерть твоего сына, зная, что ты в глубине своей мерзкой души богохульник!.. Да будет проклят твой род на двадцать колен вперед!..

Ярясь все сильнее и сильнее, оберегатель усыпальницы тем не менее зорко следил за настроением толпы. Он уже ловил сочувствующие, одобрительные взгляды многих паломников. Да и как могло быть иначе! Главный шейх встал на защиту

святыни Али-Шахимардана, которую оскорбил обыкновенный смертный, обуянный гордыней и дерзостью.

— Правоверные! — возопил Миян Кудрат, задирая вверх растрепанную черную бороду. — Аллах вкладывает в мои уста свои слова, свой приказ!

Шорох прошел по толпе. Люди продвинулись вперед. Все слушали смотрителя мавзолея теперь уже с прежним вниманием и привычной почтительностью.

— Этот человек, — яростно показал Миян Кудрат на Мебуву, — на ваших глазах погряз в величайших грехах! За это он должен быть побит камнями! За каждый камень, который вы бросите в него, всевышний простит вам один грех, излечит один ваш недуг. За каждый бросок воздастся вам всем вместе и каждому в отдельности на том и на этом свете!

Толпа глухо заволновалась, пришла в движение. Кто-то поднял с земли булыжник. Его примеру последовали и другие. Велико было искушение всего за один камень избавиться от целого греха, всего за один бросок излечиться от мучительной болезни.

— Бросайте, мусульмане! — неистовствовал оберегатель мавзолея. — Аллах направляет вашу руку! Святой Али шлет вам свое благословение! Да свершится воля всевышнего, да грянет суд божий!

Гипноз религиозного фанатизма постепенно овладевал толпой. Слепой тяжелый психоз безнаказанного исступления заволакивал головы ядовитым туманом. Микроб возбуждаемого чужой волей коллективного действия жег и кусал руки.

Кто первый?!

Уже прицеливался в голову Мебуве высокий, худой, изможденный человек с огромной гнойной болячкой на шее...

Уже зажал в руке осколок скалы паломник с дергающимся лицом, изъеденным шевелящимися язвами...

Уже начали снова завывать и пританцовывать дервиши, набирая полные горсти камней...

— Не надо! Не надо! Не надо! Не надо!

Истошный пронзительно-жалобный детский крик, исторгнутый из небывалых, невообразимых глубин отчаяния души, повис над площадкой перед мазаром.

Хамза — взъерошенный, заплаканный, маленький — вырвался из толпы паломников и метнулся к Мебуве.

Раскинув в стороны руки, доставая старику головой только до пояса, он прижался спиной к коленям Мебувы, загораживая его от толпы.

— Нет! Нет! — кричал Хамза. — Не бросайте камни в этого деда!

Ему показалось, что камни уже летят в него, он резко повернулся к толпе спиной и обнял Мебуву за колени.

Обессиленный всем пережитым, лишенный смертью сына

способности отчетливо воспринимать что-либо, старик в немом изумлении смотрел на Хамзу сверху вниз своим полубезумным, уже помутившимся взором.

— Сынок, ты вернулся ко мне? — улыбнувшись, спросил Мебува во внезапно наступившей тишине. — Здравствуй, сынок...

Ибн Ямин Абджадхон не помнил, как он выскочил из толпы. Чалма упала с его головы и волочилась за ним.

— Хамза, вернись! — испуганно закричал лекарь Хаким.— Назад, Хамза! Тебя убьют!

Он споткнулся и упал в пыль...

Казалось, он слышал свист камней над головой...

Загребая ногами пыль, пополз ибн Ямин к сыну...

И в эту минуту на площадке перед мазаром снова произошло невероятное. В который раз за один день!

— Стойте, люди!! — вдруг загремел в тишине голос Мияна Кудрата. — Остановитесь! Не надо бросать камни!..

Гулкое эхо многократно повторилось над ущельем.

— Внимайте мне, люди! — напрягаясь еще сильнее, взывал главный шейх. — Слушайте меня, мусульмане!.. Аллах снова озарил мою душу!.. Произошло диво дивное! На престоле всевышнего принята просьба этого мальчика!.. Только сегодня на ваших глазах была отрезана его ритуальная косичка... Только сегодня принял святой Али этого мальчика под свое покровительство!.. И вот он уже посылает ему свою первую милость, свою первую помощь, свое благословение!.. Этот мальчик, этот невинный и безгрешный младенец просил не бросать камни в грешника Мебуву! Святой Али-Шахимардан не заставляет долго ждать достойных!.. Святой Али выполняет просьбу мальчика, святой Али прощает Мебуву, как бы ни велики были его грехи перед нашей гробницей... Иди, Мебува, ты избавлен, ты спасен, ты прощен... Али-Шахимардан дарует тебе твою жизнь... Аллах акбар! Велик Аллах и велики дела его! Да сбудется воля всевышнего над всеми нами. Аминь!

И смотритель гробницы, как и подобает мусульманину, молитвенно провел ладонями по лицу.

— Аминь! — глухо отозвалась толпа, повторяя ритуальное движение главного шейха.

Величественным, медленным жестом, вновь обретая всю свою значительность и важность, Миян Кудрат вытянул обе руки в ту сторону, где стояли Хамза и Хаким.

— Чело этого мальчика, — торжественно, почти рыдая, возвысил голос Миян Кудрат, показывая на Хамзу, — было позлащено сегодня вниманием всевышнего... Да будет долгой жизнь этого мальчика! Да будет высокой его доля! Аминь!..

— Аминь! — повторила толпа.

Нет, не случайно носил Миян Кудрат титул высшего духовного лица Коканда и Маргилана. Высокий сан хранителя и

оберегателя гробницы Али-Шахимардана был возложен на него по праву. Вряд ли нашелся бы на всем белом свете человек, который сумел бы так вовремя «услышать» голос всевышнего.

Богохульство Мебувы лишило Мияна Кудрата его всегдашней осторожности и выдержки. Ослепленный ненавистью к старику, в припадке неуправляемого гнева он дал волю своим чувствам, приказав забросать Мебуву камнями.

И сразу же пожалел об этом.

Два трупа перед святой гробницей в один день — это было бы много. Тем более трупы отца и сына. Святой Али должен дарить исцеление во славу усыпальницы-мавзолея, а не сеять смерть. Тем более близких родственников, отца и сына, почти целой семьи. Известие о таком событии, как ни объясняй его волей самого Аллаха, разошлось бы худой молвой по всей округе, по всей Ферганской долине.

Но было уже поздно. Камни уже были подняты. Жизнь Мебувы повисла на волоске — еще мгновение, и он упал бы сраженным на тело мертвого сына.

И тут совершенно неожиданно пришла помощь. От этого странного мальчугана.

Только несколько секунд было дано главному шейху на размышление. Он бы мог, конечно, приказать шейхам или дервишам оттащить мальчика, и Мебува все равно был бы побит камнями.

Но недаром считался Миян Кудрат лучшим и самым быстрым толкователем воли Али-Шахимардана в таких обстоятельствах, когда острая ситуация требовала защитить не только славу гробницы, но и всю мусульманскую веру.

Увидев, что Хамза бросился к Мебуве, Миян Кудрат сразу почувствовал жаркий и сладкий озноб во всем теле. Он напряг всю свою волю, весь свой ум, окинул мгновенным взглядом весь свой предыдущий опыт.

И его осенило.

Он любил такие напряженные моменты, когда нужно было выходить на поединок с неизвестным решением и лихорадочно искать его, чтобы переломить настроение большого количества людей, сломать волю толпы, навязать ей свою волю и позвать людей за собой, повести их туда, куда было нужно ему.

Собственно говоря, это и было его профессией — умение увлекать людей за собою, умение склонять их на свою сторону, способность сурово и властно пасти мусульманские души, лишая их хозяев возможности думать и чувствовать самостоятельно, вгоняя все разнообразие и богатство духовных человеческих проявлений в уложения Корана и шариата.

И он преуспевал в этой нелегкой профессии, шейх Миян Кудрат, оберегатель духа двоюродного брата пророка Мухаммеда, местоблюститель гробницы Шахимардана, почти всегда

выходя победителем из поединков с настроениями паломников, дервишей, фанатиков и вообще любой религиозной толпы.

...Носильщики подняли на плечи носилки с телом мертвого сына Мебувы и двинулись к спуску со скалы. Шейхи Бузрук и Хурумбай вели за ними старика, поддерживая его с двух сторон под руки. Паломники расходились. Несколько человек из них вызвались проводить Мебуву до выхода из ущелья и дальше — до кишлака Вадил, где он смог бы нанять повозку.

Около Мияна Кудрата остался только шейх Махсум.

— Позови ко мне отца этого мальчишки... Хамзы, — приказал смотритель гробницы.

Махсум привел ибн Ямина.

Низко склонив голову, стоял перед Мияном Кудратом лекарь Хаким.

— На твоем сыне грех, — тихо, чтобы не слышали окружающие, сказал смотритель гробницы, — но ты сам, видно, благочестивый и праведный мусульманин, и поэтому я прощаю твоего сына...

— Да быть мне вашей жертвой, мой князь, — пробормотал ибн Ямин, — мой сын не понимает, что делает, он еще совсем несмышленыш...

— Вернешься домой — собери почтенных людей и молитвами выгоняй из мальчишки злой дух дерзости, — посоветовал Миян Кудрат. — И почаще дери его за уши. Если он вырастет таким, каков уже сейчас, не оберешься бед и хлопот от него. Уж очень он самостоятельный и нахальный парень, твой Хамза.

— Ваши наказы будут исполнены, мой пир, — закивал головой Хаким. — Ваше святое дыхание коснулось моего сына, и, если Аллах и моя вера позволят мне, я постараюсь вырастить из Хамзы верного проповедника нашей великой религии, Корана и шариата.

— Аминь, — одобрил Миян Кудрат программу воспитания Хамзы. — Да помогут тебе в твоем святом деле дух Шахимардана и твердая воля Аллаха.

Ибн Ямин поклонился, достал из кармана мешочек с серебром (последний, отложенный на обратную дорогу) и протянул его оберегателю праха святого Али-Шахимардана.

Стоявший рядом с Мияном Кудратом шейх Махсум, даже не взглянув на главного шейха, взял мешочек с деньгами и сунул его к себе в карман.

...Спустившись с горы Букан в кишлак Шахимардан и расположившись на отдых и ночлег во дворе чайханы, в которой он с сыном провел предыдущую ночь, почтенный ибн Ямин Абджадхон, лекарь-табиб из Коканда, узнал вечером, что карлик-дервиш, главный виновник смерти сына Мебувы, тоже умер в тот день от сердечного приступа наверху, на скале, под стенами священного мазара — гробницы святого Али-Шахимардана.

Перевел с узбекского В. ОСИПОВ

В. ПЕСКОВ

ТАЕЖНЫЙ ТУПИК

РАССКАЗ НИКОЛАЯ УСТИНОВИЧА

феврале этого года мне позвонил, возвращаясь с юга в Сибирь, красноярский краевед Николай Устинович Журавлев. Он спросил: не заинтересует ли газету одна исключительная человеческая история?.. Через час я уже был в гостинице и внимательно слушал сибирского гостя.

Суть истории была в том, что в горной Хакасии, в глухом малодоступном районе Западного Саяна обнаружены люди, более сорока лет совершенно оторванные от мира. Небольшая семья. В ней выросли дети, с рождения не видавшие никого, кроме родителей, и имеющие представление о человеческом мире только по их рассказам.

Я сразу спросил: знает ли это Николай Устинович по разговорам или видел «отшельников» сам? Краевед сказал, что сначала прочел о случайной «находке» геологов в одной служебной бумаге, а летом сумел добраться в далекий таежный угол. «Был у них в хижине. Говорил, как вот сейчас с вами. Ощущение? Допетровские времена вперемежку с каменным веком! Огонь добывают кресалом... Лучина... Летом босые, зимой обувка из бересты. Жили без соли. Не знают хлеба. Язык не утратили. Но младших в семье понимаешь с трудом... Контакт имеют сейчас с геологической группой и, кажется, рады хотя бы коротким встречам с людьми. Но по-прежнему держатся настороженно, в быту и укладе жизни мало что изменили. Причина отшельничества — крайняя форма религиозного фанатизма, корнями уходящего аж в допетровские времена. При слове «Никон» плюются и осеняют себя «двуперстием», о Петре I говорят как о личном враге. События жизни недавней были им неизвестны — ничего не слышали о войне; электричество, радио, спутники — за гранью их понимания».

Обнаружили «робинзонов» летом 1978 года. Воздушной геологической съемкой в самом верховье реки Абакан были открыты железорудные залежи. Для их разведки готовились высадить группу геологов и с воздуха подбирали место посадки. Работа была кропотливой. Летчики много раз пролетали над глубоким каньоном, прикидывая, какая из галечных кос годится для приземления.

В один из заходов на склоне горы пилоты увидели что-то

явно походившее на огород. Решили сначала, что показалось. Какой огород, если район известен как нежилой?! Белое пятно в полном смысле — до ближайшего населенного пункта вниз по реке 350 километров... И все-таки огород! Поперек склона темнели линейки борозд — скорее всего картошка. Да и прогалина в темном массиве лиственниц и кедровника не могла сама по себе появиться. Вырубка. И давнишняя.

Снизившись, сколько было возможно, над вершинами гор, летчики разглядели у огорода что-то похожее на жилье. Еще один круг заложили — жилье! Вон и тропка к ручью. И сушатся плахи расколотых бревен. Людей, однако, не было видно. Загадка! На карте пилотов в таких безлюдных местах любая жилая точка, даже пустующее летом зимовье охотника, обязательно помечается. А тут огород!

Поставили летчики крестик на карте и, продолжая поиск площадки для приземления, нашли ее наконец у реки в пятнадцати километрах от загадочного местечка. Когда сообщали геологам о результатах разведки, особо обратили внимание на находку.

Геологов, приступивших к работе у Волковской рудной залежи, было четверо. Трое мужчин и одна женщина — Галина Письменская, руководившая группой. Оставшись с тайгою наедине, они уже ни на минуту не упускали из виду, что где-то рядом таинственный «огород». В тайге безопаснее встретить зверя, чем незнакомого человека. И, чтобы не теряться в догадках, геологи решили без промедления прояснить обстановку. И тут уместней всего привести запись рассказа самой Галины Письменской.

«Выбрав погожий день, мы положили в рюкзак гостинцы возможным друзьям, однако на всякий случай я проверила пистолет, висевший у меня на боку.

Обозначенное летчиками место лежало на километровой примерно отметке вверх по склону горы. Поднимаясь, мы вышли вдруг на тропу. Вид ее, даже глазу неопытному, мог бы сказать: тропою пользуются уже много лет, и чьи-то ноги ступали по ней совсем недавно. В одном месте стоял у тропы прислоненный к дереву посошок. Потом мы увидели два лабаза. В этих стоявших на высоких столбах постройках обнаружили берестяные короба с нарезанной ломтиками сухой картошкой. Эта находка почему-то нас успокоила, и мы уже уверенно пошли по тропе. Следы присутствия тут людей попадались теперь все время — брошенный покоробленный туесок, бревно, мостком лежащее над ручьем, следы костра...

И вот жилище возле ручья. Почерневшая от времени и дождей хижина со всех сторон обставлена каким-то таежным хламом, корьем, жердями, тесинами. Если бы не окошко размером с карман моего рюкзака, трудно бы было поверить, что тут обитают люди. Но они, несомненно, тут обитали — рядом с

хижиной зеленел ухоженный огород с картошкой, луком и репой. У края лежала мотыга с прилипшей свежей землей.

Наш приход был, как видно, замечен. Скрипнула низкая дверь. И на свет божий, как в сказке, появилась фигура древнего старика. Босой. На теле латаная-перелатаная рубаха из мешковины. Из нее же портки и тоже в заплатах. Нечесаная борода. Всклоченные волосы на голове. Испуганный, очень внимательный взгляд. И нерешительность. Переминаясь с ноги на ногу, как будто земля сделалась вдруг горячей, старик молча глядел на нас. Мы тоже молчали. Так продолжалось с минуту. Надо было что-нибудь говорить. Я сказала:

— Здравствуйте, дедушка! Мы к вам в гости...

Старик ответил не тотчас. Потоптался, оглянулся, потрогал рукой ремешок на стене, и наконец мы услышали тихий нерешительный голос:

— Ну проходите, коли пришли...

Старик открыл дверь, и мы оказались в затхлых липких потемках. Опять возникло тягостное молчание, которое вдруг прорвалось всхлипыванием, причитаниями. И только тут мы увидели силуэты двух женщин. Одна билась в истерике и молилась: «Это нам за грехи, за грехи...» Другая, держась за столб, подпиравший провисшую матицу, медленно оседала на пол. Свет оконца упал на ее расширенные, смертельно испуганные глаза, и мы поняли: надо скорее выйти наружу. Старик вышел за нами следом. И тоже, немало смущенный, сказал, что это две его дочери и что они в первый раз в жизни видят людей.

Давая новым своим знакомым прийти в себя, мы разложили в сторонке костер и достали кое-что из еды.

Через полчаса примерно из-под навеса избенки к костру приблизились три фигуры — дед и две его дочери. Следов истерики уже не было — испуг и открытое любопытство на лицах.

От угощения консервами, чаем и хлебом подошедшие решительно отказались: «Нам это неможно!» На каменный очаг возле хижины они поставили чугунок с вымытой в ручье картошкой, накрыли посуду каменной плиткой и стали ждать. На вопрос, ели они когда-нибудь хлеб, старик сказал: «Я-то едал. А они нет. Даже не видели».

Одеты дочери были так же, как и старик, в домотканую конопляную мешковину. Мешковатым был и покрой всей одежды: дырки для головы, поясная веревочка. И все — сплошные заплаты.

Разговор поначалу не клеился. И не только из-за смущения. Речь дочерей мы понимали с трудом. В ней было много старинных слов, значение которых надо было угадывать. Манера говорить тоже была очень своеобразной — глуховатый

речитатив с произношением в нос. Когда сестры говорили между собой, звуки их голоса напоминали замедленное, приглушенное воркование.

К вечеру знакомство продвинулось достаточно далеко, и мы уже знали: старика зовут Карп Осипович, а дочерей — Наталья и Агафья. Фамилия — Лыковы.

Младшая Агафья во время беседы вдруг с явной гордостью заявила, что умеет читать. Спросив разрешение у отца, Агафья шмыгнула в жилище и вернулась с тяжелой закопченной книгой. Раскрыв ее на коленях, она нараспев, так же, как говорила, прочла молитву. Потом, желая показать, что Наталья тоже может прочесть, положила книгу ей на колени. И все значительно после этого помолчали. Чувствовалось: умение читать высоко у этих людей ценилось и было предметом, возможно, самой большой их гордости.

«А ты умеешь читать?» — спросила меня Агафья. Все трое с любопытством глядели, что я отвечу. Я сказала, что умею читать и писать. Это, нам показалось, несколько разочаровало старика и сестер, считавших, как видно, умение читать и писать исключительным даром. Но умение есть умение, и меня принимали теперь как равную.

Дед посчитал, однако, нужным тут же спросить: девка ли я? «По голосу и в остальном вроде девка, а вот одежа...» Это позабавило и меня, и троих моих спутников, объяснивших Карпу Осиповичу, что я умею не только писать, читать, но и являюсь в группе начальником. «Неисповедимы дела твои, господи!» — сказал старик, перекрестившись. И дочери тоже начали молиться.

Молитвою собеседники наши прерывали долго тянувшийся разговор. Вопросов с обеих сторон было много. И пришло время задать главный для нас вопрос: каким образом они оказались так далеко от людей? Не теряя осторожности в разговоре, старик сказал, что ушли они с женой от людей по доброй воле. Так-де требовала их «старинная вера». «Нам неможно жить с миром. Мы должны жить отдельно».

Принесенные нами подарки — клок полотна, нитки, иголки, крючки рыболовные — тут были приняты с благодарностью. Материю сестры, переглядываясь, гладили руками, рассматривали на свет.

На этом первая встреча окончилась. Расставание было почти уже дружеским. И мы почувствовали, — сообщает Галина Письменская, — в лесной избушке нас будут теперь уже ждать».

Можно понять любопытство четырех молодых людей, нежданно-негаданно повстречавших осколок почти «ископаемой» жизни. В каждый погожий свободный день они спешили к таежному тайнику. «Казалось, мы все уже знаем в судьбе добровольных изгнанников, вызывавших одновременно любопытство,

удивление и жалость, как вдруг обнаружилось: мы знакомы еще не со всеми в семье».

В четвертый или пятый приход геологи не застали в избушке хозяина. Сестры на их расспросы отвечали уклончиво: «Скоро придет». Старик пришел, но не один. Он появился на тропке в сопровождении двух мужчин. В руках посошки. Одежда все та же — латаная мешковина. Босые. Бородатые. Немолодые уже, хотя о возрасте трудно было судить. Смотрели оба с любопытством и настороженно. Несомненно, от старика они уже знали о визитах людей к тайнику. Они были уже подготовлены к встрече. И все же один не сдержался при виде той, кто больше всего возбуждал у них любопытство. Шедший первым обернулся к другому с возгласом: «Дмитрий, девка! Девка стоит!» Старик спутников урезонил. И представил как своих сыновей.

— Это старший — Савин. А это — Дмитрий, родился тут. Люди ему неведомы были...

При этом представлении братья стояли, потупившись, опираясь на посошки. Оказалось, жили они по какой-то причине отдельно. В шести километрах вблизи реки стояла их хижина с огородом и погребом. Это был мужской «филиал» поселения. Обе таежные хижины соединяла тропа, по которой туда и сюда ходили почти ежедневно.

Стали ходить по тропе и геологи. Галина Письменская: «Дружелюбие было искренним, обоюдным. И все же мы не питали надежды, что «отшельники» согласятся посетить наш базовый лагерь, расположенный в пятнадцати километрах вниз по реке. Уж больно часто мы слышали фразу: «Нам это неможно». И каково же было удивление наше, когда у палаток появился однажды целый отряд. Во главе сам старик, и за ним «детвора» — Дмитрий, Наталья, Агафья, Савин. Старик в высокой шапке из камуса кабарги, сыновья в клобуках, сшитых из мешковины. Одеты все пятеро в мешковину. Босые. В руках посошки. За плечами на лямках мешки с картошкой и кедровыми орехами, принесенными нам в гостинцы...

Разговор был общим и оживленным. А ели опять врозь: «Нам вашу еду неможно!» Сели поодаль под кедром, развязали мешки, жуют картофельный «хлеб», по виду более черный, чем земли у Абакана, запивают водою из туесков. Потом погрызли орехов — и за молитву.

В отведенной для них палатке гости долго пробовали, мяли ладонями раскладушки. Дмитрий, не раздеваясь, лег на постель. Савин не решился. Сел рядом с кроватью и так, сидя, спал. Я позже узнала: он и в хижине приспособился сидя спать — «едак богу угодней».

Практичный глава семейства долго мял в руках край палатки, пробовал растягивать полотно и цокал языком: «Ох, крепка, хороша! На портки бы — износа не будет...»

В сентябре, когда на гольцах лежал уже снег, пришла пора

геологам улетать. Сходили они к таежным избушкам проститься. «А что, если с нами? — полушутливо сказала «девка-начальник». — Поселитесь, где захотите, избу поможем поставить, огород заведете...» — «Нет, нам неможно!» — замахали руками все пятеро. «Нам неможно!» — твердо сказал старик.

Вертолет, улетая, сделал два круга над горой с «огородом». У вороха выкопанной картошки, подняв головы кверху, стояли пятеро босоногих людей. Они не махали руками, не шевелились. Только кто-то один из пяти упал на колени — молился.

«В миру» рассказ геологов о находке в тайге, понятное дело, вызвал множество толков, пересудов, предположений. Что за люди? Старожилы реки Абакан уверенно говорили: это фанатики-староверы, такое бывало и раньше. Но появился слух, что в тайгу в 20-х годах удалился поручик-белогвардеец, убивший будто бы старшего брата из-за жены и скрывшийся вместе с нею.

Николай Устинович Журавлев отчасти по службе, отчасти по краеведческой страсти ко всему необычному решил добраться в таежный угол. И это ему удалось. С проводником-охотником и сержантом милиции из райцентра Таштып он добрался к таежному «огороду» и застал там картину, уже описанную. Пятеро людей по-прежнему жили в двух хижинах, убежденные, что так и следует жить «истинным христианам».

Пришедших встретили настороженно. Все же удалось выяснить: это семья староверов крайнего фанатичного толка, известного под названием «странники», «бегуны». В тайгу семья удалилась по собственной воле, вернее, так поступили мать и отец, дети родились и выросли тут.

Старику Лыкову Карпу Осиповичу было 83 года, Савину — 56, Наталье — 46, Дмитрию — 40, Агафье — 39-й пошел.

Житье и быт убоги до крайности. Молитвы, чтение богослужебных книг и подлинная борьба за существование в условиях первобытных.

Вопросов пришедшим не задавали. Рассказ о нынешней жизни и о важнейших событиях в ней «слушали как марсиане». О войне узнали Лыковы от геологов. «Ведь это что же такое, германец повторно полез!» — удивился старик.

Николай Устинович был у Лыковых менее суток. Узнал: геологи теперь уже из расширенной партии бывают «на огороде» сравнительно часто, одни из понятного любопытства, другие — помочь «старикам» строить новую избу, копать картошку. Лыковы тоже изредка ходят в поселок. Идут, как и прежде, босые, но в одежде появилось кое-что из дареного. Деду пришлась по душе войлочная шляпа с небольшими полями, дочери носят темного цвета платки. Савин и Дмитрий сменили портки домотканые на сшитые из палаточной ткани...

Рассказ Николая Устиновича был для меня до крайности интересным, но вызвал много вопросов, на которые полных ответов у рассказчика не было. Не вполне ясен был путь четы Лыковых в крайнюю точку удаления от людей. Интересно на примере конкретных жизней увидеть следы раскола, о котором так много было в свое время написано. Но более важным для меня, чем вопросы религии, был вопрос: а как жили?

Как могли люди выжить не в тропиках возле бананов, а в сибирской тайге со снегами по пояс и с морозом под пятьдесят? Еда, одежда, бытовой инвентарь, огонь, свет в жилище, поддержание огорода, борьба с болезнями, счет времени — как все это осуществлялось и добывалось, каких усилий и умения требовало? Не тянуло ли к людям? И каким представляется окружающий мир младшим Лыковым, для которых родильным домом была тайга? В каких отношениях они были с отцом и матерью, между собой? Что знали о тайге и ее обитателях? Как представляют себе «мирскую жизнь»? Они ведь знали: где-то есть эта жизнь.

Существуют же еще вопросы пола, инстинкта продолжения жизни. Как мать с отцом, знавшие, что такое любовь, могли лишить детей своих этой радости, дарованной жизнью всему сущему в ней? Наконец, встреча с людьми. Для младших в семье она, несомненно, была потрясением. Что принесла она Лыковым — радость или, может быть, сожаление, что тайна их жизни открыта?

Сидя в московской гостинице, мы с Николаем Устиновичем выписали на листок целый столбец вопросов. И решили: как только наступит лето и затерянный край станет доступным для экспедиции, мы посетим Лыковых.

ТОТ КРАЙ

Сейчас, когда я сижу над бумагами в подмосковном жилье с электричеством, телефоном, с телевизором, на экране которого плавают в невесомости и, улыбаясь, посылают на Землю приветы четыре мужчины и одна женщина, все, что я видел в июле, представляется нереальным. Так вспоминаешь обычно явственный длинный сон. Но все это было! Вот четыре блокнота с дождевыми потеками, кедровой хвоей и размятыми меж страниц комарами. Вот карта с маршрутом. Вот, наконец, разрезанная, разложенная по конвертам пленка с ее цветной, недоступной для памяти убедительностью, воскрешающая все подробности путешествия.

Окиньте на карте взглядом середину Сибири — пространство, лежащее у реки Енисей. Этот край, именуемый Красноярским, имеет много природных зон. На юге, где в Енисей вли-

вается Абакан, не хуже, чем в астраханских степях, вызревают арбузы, дыни, томаты. «Сибирская Италия», — говорят иногда об этих местах. На севере, где Енисей превращается уже в море, олени добывают под снегом скудную пищу и люди живут исключительно тем, что может дать разведение оленей. Тысячи километров с юга на север — степь, лесостепь, широченный пояс тайги, лесотундра, полярная зона. Мы много пишем об освоении этого края. И он освоен уже изрядно. Но мудрено ли, что есть тут еще и «медвежьи углы», и «белые пятна», места неезженые и нехоженые!

Место нашего интереса лежит на юге Сибири — в Хакасии, где Горный Алтай встречает хребты Саяна. Отыщите начальный хвостик реки Абакан, поставьте на правом его берегу отметку на память — это и есть место, куда мы стремились и откуда с трудом потом выбирались.

В свои молодые годы Земле угодно было так смешать, перепутать тут горные кряжи, что место сделалось исключительно недоступным. «Тут нет никакой проезжей дороги и даже сносной тропы. Едва приметный, скрытый тайгою след пригоден для сообщения людей сильных, выносливых и то с некоторым риском» — из отчета геологической экспедиции. «Для проникновения сюда надо преодолеть несколько барьеров, каждый из которых по мере продвижения вглубь становится выше и круче», — читаем в другом отчете.

В Сибири реки всегда служили самым надежным путем для людей. Но Абакан, рождаемый в этих краях, так норовист и так опасен, что лишь две-три сорвиголовы — старожилы-охотники на лодках, длинных, как щуки, подымаются вверх по реке близко к истоку. И река совершенно безлюдна. Первый из населенных пунктов — село-городок Абаза лежит от поставленной нами точки в трехстах пятидесяти километрах.

Забегу вперед, расскажу. Возвращаясь с таежного «огорода», мы попали в полосу непогоды и надолго засели в поселке геологов в ожидании вертолета. Все, чем можно было заняться в дождь при безделье, было испытано. Четыре раза парились в бане, несколько раз ходили в тайгу к бурильным станкам, собирали чернику, снимали бурундуков, ловили хариусов, стреляли из пистолета в консервную банку, рассказали все байки. И когда стало уже невмочь, заикнулись о лодке, на приколе стоявшей в заводи Абакана. «Лодка?.. — сказал геолог, начальник разведки. — А если кончится путешествие траурной рамкой и подписью «Группа товарищей»? Вам-то что, а меня к прокурору потянут». Мы с Николаем Устиновичем смущенно ретировались. Но на десятый, кажется, очень дождливый день слово «лодка» опять потихонечку всплыло. «Ладно, — сказал начальник, — рискнем! Но я поплыву вместе с вами».

И мы поплыли. Шесть человек, 300 килограммов груза:

фотографический сундучок, бочка с бензином, мотор запасной, шесты, топор, спасательные пояса, плащи, ведро соленого хариуса, хлеб, сахар, чай — все вместила видавшая виды абазинская лодка. На корме у мотора сел Васька Денисов, бурильщик, ловкий, бывалый парень, но пока еще лишь кандидат в то считанное число молодцов, уверенно проходящих весь Абакан.

У страха глаза большие, и, возможно, опасность была не так велика, как кажется новичкам. Но ей-ей, небо не раз виделось нам с овчинку в прямом и образном смысле. В тесном таежном каньоне Абакан несется, дробясь на протоки, создавая завалы из смытых деревьев, вскипая на каменных шиверах. Наша лодка для этой реки была деревянной игрушкой, которую можно швырнуть на скалы, опрокинуть на быстрине, затянуть под завалы из бревен. Вода в реке не текла — летела! Временами падение потока было настолько крутым, что казалось: лодка несется вниз по пенному эскалатору. В такие минуты мы все молчали, вспоминая родных и близких.

Но хвала кормчему — ничего не случилось! Васька нигде не дал маху, знал, в какую из проток и в какую секунду свернуть, где скорость держать на пределе, где сбавить, где вовсе идти на шестах; знал поименно скрытые под водой валуны, на которых летели щепы от многих лодок... Как транспортный путь верховье реки Абакан опасно и ненадежно. Но кто однажды этой дорогой в верховьях прошел, тот будет иметь особый отсчет в понимании дикой, нетронутой красоты, которой люди коснулись пока лишь глазом.

Природа нам улыбнулась. Половину пути мы плыли при солнце. Обступавшие реку горы источали запах июльской хвои, скалистый сиреневый берег пестрел цветами, небо было пронзительно синим. Повороты реки то прятали, то открывали глазам череду таинственных сопок, и в любую минуту река могла подарить нам таежную тайну — на каменистую косу мог выйти медведь, марал, лось, мог пролететь над водою глухарь... Все переменчиво в жизни. Больше недели мы кляли погоду, не пускавшую к нам вертолет. Теперь же мы благодарны были ненастью, толкнувшему нас в объятия Абакана.

Два дня с ночевкой в таежном зимовье заняло путешествие. Но оно показалось нам более долгим. 350 километров — и ни единого человеческого жилья! Когда мы с воды увидели первый дым над трубой, то все заорали как по команде: «Абаза!!!» Первый поселок на Абакане в эту минуту нам показался центром вселенной.

Таким было наше возвращение из тайги после свидания с Лыковыми. Небольшую повесть о встрече с людьми необычайной судьбы я начал с конца, чтобы можно было почувствовать и представить, как далеко от людей они удалились и почему лишь случайно их обнаружили.

В Абазе мы заночевали и как-то совершенно по-новому воспринимали теперь этот пограничный с тайгою село-городок. Он действительно был столицей этого края. У пристани на приколе стояло несколько сотен лодок, подобных той, на которой мы прибыли из тайги. На них возят тут сено, дрова, грибы, ягоды, кедровые орехи, уплывают охотиться и рыбачить. На берегу плотники строили новые лодки. Старушки выходили сюда посидеть на скамейках, тут вечером прогуливались парочки, сновали у лодок мальчишки, парни опробовали и чинили моторы или вот так же, как мы, вернувшись с реки, рассказывали, кто что видел, в какую переделку попал.

Прямо к пристани выходили палисадники и огороды уютных добротных сибирских построек. Зрели яблоки возле домов. Огороды источали запах нагретого солнцем укропа, подсолнухов. Шел от домов смоляной аромат аккуратно уложенных дров. Была суббота, и подле каждого дома курилась банька. На широких опрятных улицах городка траву и асфальт мирно делили телята и «Жигули». Афиши извещали о предстоящем приезде известного киноартиста. А на щите объявлений мы без всякого удивления прочитали: «Меняю жилье в Ленинграде на жилье в Абазе». Тут живут горняки, лесорубы, геологи и охотники. Все они преданно любят уютную, живописную Абазу. Таков село-городок у края тайги.

Мы тут искали кого-нибудь из тех смельчаков, кто ходил к верховью реки: расспросить о природе тех мест, обо всем, что не успели и упустили узнать у Лыковых и геологов. Застали дома мы охотника Юрия Моганакова. И просидели с ним целый вечер. «Тайга там небедная! Много всего растет, много чего бегает, — сказал охотник. — Но все же это тайга. В горах снег выпадает уже в сентябре и лежит до самого мая. Может выпасть и лечь на несколько дней в июне. Зимой снег по пояс, а морозы под пятьдесят. Сибирь!»

О Лыковых Юрий слышал. А в прошлом году любопытства ради поднялся до их «норы». На вопрос, что он думает об их таежном житье-бытье, охотник сказал, что любит тайгу, всегда отправляется в нее с радостью, «но еще с большей радостью возвращаюсь сюда, в Абазу». «Замуровать свою жизнь в тайге без людей, без соли, без хлеба — это большая промашка. Сам старик Лыков, я думаю, понял эту промашку. Но легко ли признать, что жизнь изношена наизнанку?!»

Еще мы спросили, как смогли Лыковы так далеко подняться по Абакану, если сегодня, имея на лодке два очень сильных мотора, лишь единицы отважутся состязаться с рекой? «Они лодку вели бечевою и на шестах. Раньше все так ходили, правда, недалеко. Но Карп Лыков, я понял, особой закваски «кержак». Прошел! Недель восемь, наверное, ушло на то, что сегодня я пробегаю в два дня».

...А вертолет до «таежной норы» шел всего два часа. В де-

сять утра поднялись, а в двенадцать уже искали глазами место посадки.

Дальнейший рассказ о том, какой была встреча с людьми, «износившими жизнь наизнанку».

ВСТРЕЧА

Два часа летели мы над тайгою, забираясь все выше и выше в небо. К этому принуждала возраставшая высота гор. Пологие и спокойные в окрестностях Абазы горы постепенно становились суровыми и тревожными. Залитые солнцем зеленые приветливые долины постепенно стали сужаться и в конце пути превратились в темные обрывистые провалы с серебристыми нитками рек и ручьев.

— Выходим на точку! — прокричал мне на ухо командир вертолета.

Как стекляшки на солнце, сверкнула в темном провале река, и пошел над ней вертолет вниз, вниз... Опустились на гальку возле поселка геологов. До лыковского жилища, мы знали, отсюда пятнадцать километров вверх по реке и потом в гору. Но нужен был проводник. С ним был у нас уговор по радио до отлета из Абазы. И вот уже дюжий мастер-бурильщик, потомственный сибиряк Седов Ерофей Сазонтьевич «со товарищи» кидают в открытую дверь вертолета болотные сапоги, рюкзаки, обернутую мешковиной пилу. И мы опять в воздухе, несемся над Абаканом, повторяя в узком ущелье изгибы реки.

Сесть у хижины Лыковых невозможно. Она стоит на склоне горы. И нет, кроме их огорода, ни единой плешины в тайге. Есть, однако, где-то вблизи верховое болотце, на которое сесть нельзя, но можно низко зависнуть. Осторожные летчики делают круг за кругом, примеряясь к полянке, на которой в траве опасно сверкает водица. Во время этих заходов мы видим внизу тот самый обнаруженный с воздуха огород.

Огород! Поперек склона линейки борозд картошки, еще какая-то зелень. И рядом почерневшая хижина. На втором заходе у хижины увидели две фигурки — мужчину и женщину. Заслонившись руками от солнца, наблюдают за вертолетом. Появление этой машины означает для них появление людей.

Зависли мы над болотцем, покидали в траву поклажу, спрыгнули сами на подушки сырого мха. Через минуту, не замочив в болоте колес, вертолет упруго поднялся и сразу же скрылся за лесистым плечом горы.

Тишина... Оглушительная тишина, хорошо знакомая всем, кто вот так, в полминуты, подобно десантникам, покидал вертолет. И тут, в тишине, меняя мокрые носки на сухие и надевая болотные сапоги, мы поняли, что печальная весть, о которой уже слышали в Абазе, подтвердилась: в семье Лыковых оста-

лось лишь два человека — дед и младшая дочь Агафья. Трое — Дмитрий, Савин и Наталья — скоропостижно один за другим скончались в минувшую осень.

— Раньше, бывало, впятером выходили, если слышали вертолет. Теперь видели сами — двое...

Обсуждая с нами причины неожиданной смерти, проводник оплошно взял с болотца неверное направление, и мы два часа блуждали в тайге, полагая, что движемся к хижине, а оказалось — шли как раз от нее. Когда поняли ошибку, сочли за благо вернуться опять на болото и отсюда уже «танцевать».

Час ходьбы по тропе, уже известной нам по рассказам геологов, и вот она, цель путешествия, — избушка, по оконце вросшая в землю, черная от времени и дождей, обставленная со всех сторон жердями, по самую крышу заваленная каким-то хозяйственным хламом, коробами и туесами из бересты, дровами, долблеными кадками и корытами и еще чем-то, не сразу понятным свежему глазу. В жилом мире эту постройку под большим кедром приняли бы за баню. Но это было жилье, простоявшее тут в одиночестве более сорока лет.

Картофельные борозды, лесенкой бегущие в гору, темно-зеленый островок конопли на картошке и поле ржи размером с площадку для волейбола придавали отвоеванному, наверное, немалым трудом у тайги месту мирный обитаемый вид.

Людей, однако, не было видно. Не слышно было ни собачьего лая, ни квохтанья кур, ни других звуков, обычных для человеческого жилья. Диковатого вида кот, подозрительно изучавший нас с крыши избушки, прыгнул и пулей кинулся в коноплю. Ни воробья, ни еще какого-нибудь спутника человека.

— Карп Осипович! Жив ли? — позвал Ерофей, подойдя к двери, верхний косяк которой был ему ниже плеча.

В избушке что-то зашевелилось. Дверь скрипнула, и мы увидели старика, вынырнувшего на солнце. Мы его разбудили. Он протирал глаза, щурился, проводил пятерней по всклокоченной бороде и наконец воскликнул:

— Господи, Ерофей!..

Старик явно был встрече рад, но руки никому не подал. Подойдя, он сложил ладони возле груди и поклонился каждому из стоявших.

— А мы ждали, ждали. Решили, что пожарный был вертолет. И в печали уснули.

Узнал старик и Николая Устиновича, побывавшего тут год назад.

— А это гость из Москвы. Мой друг. Интересуется вашей жизнью, — сказал Ерофей.

Старик настороженно сделал поклон в мою сторону.

— Милости просим, милости просим...

Пока Ерофей объяснял, где мы сели и как по-глупому заблудились, я мог как следует рассмотреть старика. Он уже не

был таким «домоткано-замшелым», каким был открыт и описан геологами. Даренная кем-то войлочная шляпа делала его похожим на пасечника. Одет в штаны и рубаху фабричной ткани. На ногах валенки, под шляпой черный платок — защита от комаров. Слегка сгорблен, но для своих восьми с половиной десятков лет достаточно тверд и подвижен. Речь внятная, без малейших огрехов, свойственных возрасту. Часто говорит, соглашаясь: «едак-едак...», что означает «так-так». Слегка глуховат, то и дело поправляет платок возле уха и наклоняется к собеседнику. Но взгляд внимательный, цепкий.

В момент, когда обсуждались огородные виды на урожай, дверь в хижине приоткрылась и оттуда мышкой выбежала Агафья, не скрывавшая детской радости оттого, что видит людей. Тоже соединенные вместе ладони, поклоны в пояс.

— Летала, летала машинка... А добрых людей все нету и нету... — проговорила она нараспев, сильно растягивая слова. Так говорят блаженные люди. И надо было немного привыкнуть, чтобы не сбиться на тон, каким обычно с блаженными говорят.

По виду о возрасте этой женщины судить никак невозможно. Черты лица человека до тридцати лет, но цвет кожи какой-то неестественно белый и нездоровый, вызывавший в памяти ростки картошки, долго лежавшей в теплой сырой темноте. Одета Агафья была в мешковатую черного цвета рубаху до пят. Ноги босые. На голове черный полотняный платок.

Стоявшие перед нами люди были в угольных пятнах, как будто только что чистили трубы. Оказалось, перед нашим приходом они четыре дня непрерывно тушили таежный пожар, подступивший к самому их жилищу. Старик провел нас по тропке за огород, и мы увидели, где проходила два дня назад страшная «линия фронта». Деревья стояли обугленные, хрустел под ногами сгоревший черничник. И все это в «трех бросках камнем» от огорода.

Июнь этого года, затопивший Москву дождями, в здешних лесах был сух и жарок. Когда начались грозы, пожары возникли во многих местах. Тут молния «вдарила в старую кедру, и она занялась, аки свечка». К счастью, не было ветра, возникший пожар подбирался к жилью по земле.

— Огонь мы с тятенькой заливали водой, захлестывали ветками, копали землю. А он все ближе и ближе... — сказала Агафья.

Они уверены: это «господь» послал им спасительный дождик. И вертолет сегодня крутился тоже по его указанию.

— Машинка нас разбудила. Когда улетела, а вы не пришли, опять улеглись. Много сил потеряли, — сказал старик.

Наступило время развязать рюкзаки. Подарки — этот древнейший способ показать дружелюбие — были встречены расторопно. Старик благодарно подставил руки, принимая рабо-

чий костюм, суконную куртку, коробочку с инструментом, сверток свечей. Сказав какое полагается слово и вежливо все оглядев, он обернул каждый дар куском бересты и сунул под навес крыши. Позже мы обнаружили там много изделий нашей швейной и резиновой промышленности и целый склад скобяного товара — всяк сюда приходящий что-нибудь приносил.

Агафье мы подарили чулки, материю, швейные принадлежности. («Наперстник!..» — радостно показала она отцу металлический колпачок.) Еще большую радость вызвали у нее сшитые опытной женской рукой фартук из ситца, платок и красные варежки. Платок, желая доставить нам удовольствие, Агафья надела поверх того, в котором спала и тушила пожар. И так ходила весь день.

К нашему удивлению, были отвергнуты мыло и спички: «Нам это неможно». То же самое мы услыхали, когда я открыл картонный короб с едой, доставленной из Москвы. Всего понемногу — печенье, хлеб, сухари, изюм, финики, шоколад, масло, консервы, чай, сахар, мед, сгущенное молоко. И все было вежливо остановлено двумя вперед выставленными ладонями. Лишь банку сгущенного молока старик взял в руки и, поколебавшись, поставил на завалинку — «кошкам...».

С большим трудом мы убедили их взять лимоны: «Вам обязательно сейчас это нужно». После расспросов: «А где же это растет?» — старик подставил подол рубахи, но сказал Агафье, чтобы снесла лимоны в ручей: «Пусть там до вечера полежат». (На другой день мы видели, как старик с дочерью по нашей инструкции выжимали лимоны в кружку и с любопытством нюхали корки.)

Потом и мы получили подарки. Агафья обошла нас с мешочком, насыпая в карманы кедровые орехи; принесла берестяной короб с картошкой. Старик показал место, где можно разжечь костер, и, вежливо сказав «нам неможно» на предложение закусить вместе, удалился с Агафьей в хижину — помолиться.

Пока варилась картошка, я обошел «лыковское поместье». Расположилось оно в тщательно и, наверное, не тотчас выбранной точке. В стороне от реки и достаточно высоко на горе усадьба надежно была упрятана от любого случайного глаза. От ветра место уберегалось складками гор и тайгою. Рядом с жилищем — холодный и чистый ручей. Лиственничный, еловый, кедровый и березовый древостой дает людям все, что они были в силах тут взять. Зверь не пуган никем. Черничники и малинники рядом, дрова под боком, кедровые шишки падают прямо на крышу жилья. Вот разве что неудобство для огорода — не слишком пологий склон. Но вон как густо зеленеет картошка! И рожь уже налилась, стручки на горохе припухли... Я вдруг остановился от мысли, что взираю на этот очажок жизни глазами дачника. Но тут ведь нет электрички! До ближайшего огонька, до человеческого рукопожатия не час пути,

а больше трехсот километров непроходимой тайги. И не сорок дней пребывает тут человек, а уже сорок лет! Какими трудами доставались тут хлеб и тепло? Не появлялось ли вдруг желание обрести крылья и полететь, полететь, куда-нибудь улететь?..

Возле дома я внимательно пригляделся к отслужившему хламу. Копье с лиственничным древком и самодельным кованым наконечником... Стертый почти до обуха топорищко... Самодельный топор, им разве что сучья обрубишь... Лыжи, подбитые камусом... Мотыга... Детали ткацкого стана... Веретенце с каменным пряслицем... Сейчас все это свалено без надобности. Коноплю посеяли скорее всего по привычке. Тканей сюда нанесли — долго не износить. И много всего другого понатыкано под крышей и лежит под навесом возле ручья: моток проволоки, пять пар сапог, кеды, эмалированная кастрюля, лопата, пила, прорезиненные штаны, сверток жести, четыре серпа с пятиугольным знаком качества на рукоятке.

— Добра-то — век не прожить! — вздохнул неслышно в валенках подошедший Карп Осипович. Сняв шляпу, он помолился в сторону двух крестов. — Царствие небесное, им ни серпов, ни топоров уже не надобно...

Старик показал мне лабаз на двух высоких столбах «для береженья продуктов от мышей и медведей», погреб, где хранилась картошка, очаг из камней у самого порога хижины, где Агафья готовила на маленьком костерке ужин. Разглядел я как следует крышу хибарки. Она не была набросана в беспорядке, как показалось вначале. Лиственничные плахи имели вид желобов и уложены были как черепица на европейских домах...

Ночи в здешних горах холодные. Палатки у нас не было. Агафья с отцом, наблюдая, как мы собираемся «в чем бог послал» улечься возле костра, пригласили нас ночевать в хижину. Ее описанием и надо закончить впечатления первого дня.

Согнувшись под косяком двери, мы попали почти в полную темноту. Вечерний свет синел лишь в оконце величиной в две ладони. Когда Агафья зажгла и укрепила в светце, стоявшем посредине жилья, лучину, можно было кое-как разглядеть внутренность хижины. Стены и при лучине были темны — многолетняя копоть света не отражала. Низкий потолок тоже был угольно-темным. Горизонтально под потолком висели шесты для сушки одежды. Вровень с ними вдоль стен тянулись полки, уставленные берестяной посудой с сушеной картошкой и кедровыми орехами. Внизу вдоль стен тянулись широкие лавки. На них, как можно было понять по каким-то лохмотьям, спали и можно было теперь сидеть.

Слева от входа главное место было занято печью из дикого камня. Труба от печи, тоже из каменных плиток, облицованных глиной и стянутых берестой, выходила не через крышу, а сбоку стены. Печь была небольшой, но это была «русская печь» с

двухступенчатым верхом. На нижней ступени на постели из сухой болотной травы спал и сидел глава дома. Выше опять громоздились большие и малые берестяные короба. Справа от входа стояла на ножках еще одна печь — металлическая. Коленчатая труба от нее тоже уходила в сторону через стенку. «Зимой тут можно было волков морозить. Ну и сварили им эту «буржуйку». Удивляюсь, как дотащили...» — сказал Ерофей, уже не однажды тут ночевавший.

Посредине жилища стоял маленький стол, сработанный топором. Это и все, что было в жилище. Но было тесно. Площадь конурки была примерно шесть шагов на пять, и можно было только гадать, как ютились тут многие годы шестеро взрослых людей обоего пола.

— Бедствовали...

Старик и Агафья говорили без напряжения и с удовольствием. Но часто разговор прерывался их порывами немедленно помолиться. Обернувшись в угол, где, как видно, стояли невидимые в темноте иконы, старик с дочерью громко пели молитвы, кряхтели, шумно вздыхали, перебирая пальцами бугорки лестовок — «инструмента», на котором ведется отсчет поклонов. Молитва кончалась неожиданно, как начиналась, и беседа снова текла от точки, где была прервана...

В условный час старик и дочь сели за ужин. Ели они картошку, макая ее в крупную соль. Зернышки соли с коленей едоки бережно собирали и клали в солонку. Гостей Агафья попросила принести свои кружки и налила в них «кедровое молоко». Напиток, приготовленный на холодной воде, походил цветом на чай с молоком и был, пожалуй что, вкусен. Изготовляла его Агафья у нас на глазах: перетерла в каменной ступке орехи, в берестяной посуде смешала с водой, процедила... Понятия о чистоте у Агафьи не было никакого. Землистого цвета тряпица, через которую угощенье цедилось, служила хозяйке одновременно для вытирания рук. Но что было делать, «молоко» мы выпили и, доставляя Агафье явное удовольствие, искренне похвалили питье.

После ужина как-то сами собой возникли вопросы о бане. Бани у Лыковых не было. Они не мылись. «Нам это невозможно», — сказал старик. Агафья поправила деда, сказав, что с сестрой они изредка мылись в долбленом корыте, когда летом можно было на солнце согревать воду. Одежду они тоже изредка мыли в такой же воде, добавляя в нее золы.

Пола в хижине ни метла, ни веник, по всему судя, никогда не касались. Пол под ногами пружинил. И когда мы с Николаем Устиновичем расстилали на нем армейскую плащ-палатку, я взял щепотку «культурного слоя» — рассмотреть за дверью при свете фонарика, из чего же он состоит. «Ковер» на полу состоял из картофельной шелухи, шелухи от кедровых орехов и конопляной костры. На этом мягком полу, не раздева-

ясь, мы улеглись, положив под голову рюкзаки. Ерофей, растянувшись во весь богатырский свой рост на лавке, сравнительно скоро возвестил храпом, что спит. Карп Осипович, не расставаясь с валенками, улегся, слегка разбив руками травяную перину, на печке. Агафья загасила лучину и свернулась, не раздеваясь, между столом и печкой.

Вопреки ожиданию, по босым ногам нашим никто не бегал и не пытался напиться крови. Удаляясь сюда от людей, Лыковы ухитрились, наверное, улизнуть незаметно от вечных спутников человека, для которых отсутствие бани, мыла и теплой воды было бы благоденствием. А может, сыграла роль конопля. У нас в деревне, я помню, коноплю применяли против блох и клопов...

Уже начало бледно светиться окошко июльским утренним светом, а я все не спал. Кроме людей, в жилье обретались две кошки с семью котятами, для которых ночь — лучшее время для прогулок по всем закоулкам. Букет запахов и спертость воздуха были такими, что, казалось, сверкни случайно тут искра, и все взорвется, разлетятся в стороны бревна и береста.

Я не выдержал, выполз из хижины подышать. Над тайгой стояла большая луна. И тишина была абсолютной. Прислонившись щекою к дровяной поленнице, я думал: наяву ли все это? Да, все было явью. Помочиться вышел Карп Осипович. И мы постояли с ним четверть часа за разговором на тему о космических путешествиях. Я спросил: знает ли Карп Осипович, что на Луне были люди, ходили там и ездили в колесницах? Старик сказал, что много раз уже слышал об этом, но не верит. «Месяц — светило божественное. Кто же, кроме богов и ангелов, может туда долететь? Да и как можно ходить и ездить вниз головой?»

Глотнув немного воздуха, я уснул часа на два. И явственно помню занятный путаный сон. В хижине Лыковых стоит огромный цветной телевизор. И на экране его Сергей Бондарчук в образе Пьера Безухова ведет дискуссию с Карпом Осиповичем насчет возможности посещения человеком Луны...

Проснулся я от непривычного звука. За дверью Ерофей и старик точили на камне топор. Еще с вечера мы обещали Лыковым помочь в делах с избенкой, сооружение которой они начали, когда их было еще пятеро.

РАЗГОВОР У СВЕЧИ

В этот день мы помогали Лыковым на «запасном» огороде строить новую хижину — затащили на сруб матицы, плахи для потолка, укосы для кровли. Карп Осипович, как деловитый прораб, сновал туда и сюда. «Умирать собирайся, а рожь сей», — сказал он несколько раз, упреждая возможный вопрос: зачем эта стройка на девятом десятке годов?

После обеда работу прервал неожиданный дождь, и мы укрылись в старой избушке.

Видя мои мучения с записью в темноте, Карп Осипович расщедрился на «праздничный свет», зажег свечу из запаса, пополненного вчера Ерофеем. Агафья при этом сиянии не преминула показать свое умение читать. Спросив почтительно: «Тятенька, можно ль?», достала из угла с полки закоптелые в деревянных «корицах» с застежками богослужебные книги. Показала Агафья нам и иконы. Но многолетняя копоть на них была так густа, что решительно ничего не было видно — черные доски.

Говорили в тот вечер о боге, о вере, о том, почему и как Лыковы тут оказались. В начале беседы Карп Осипович учинил своему московскому собеседнику ненавязчивый осторожный экзамен. Что мне известно о сотворении мира? Когда это было? Что я ведаю о всемирном потопе?

Спокойная академичность в беседе окончилась сразу, как только она коснулась событий реальных. Царь Алексей Михайлович, сын его Петр, патриарх Никон с его «дьявольской щепотью-троеперстием» были для Карпа Осиповича непримиримыми кровными и личными недругами. Он говорил о них так, как будто не триста лет прошло с тех пор, когда жили и правили эти люди, а всего лишь, ну, лет с полсотни.

О Петре I («рубил брады христианам и табачищем пропах») слова у Карпа Осиповича были особенно крепкими. Этого царя, «антихриста в человеческом облике», он ставил на одну доску с каким-то купцом, недодавшим староверческой братии где-то в начале века 26 пудов соли...

Драма Лыковых уходит корнями в народную драму трехвековой давности, название которой раскол. При этом слове многие сразу же вспомнят живописное полотно в Третьяковке «Боярыня Морозова». В образе этого фанатичного человека сфокусировал Суриков страсти, кипевшие на Руси в середине XVII века. Но это не единственный яркий персонаж раскола. Многолика и очень пестра была сцена у этой великой драмы. Царь вынужден был слушать укоры и причитания «божьих людей» — юродивых; бояре выступали в союзе с нищими; высокого ранга церковники, истощив терпение в спорах, таскали друг друга за бороды; волновались стрельцы, крестьяне, ремесленный люд. Обе стороны в расколе обличали друг друга в ереси, проклинали и отлучали от «истинной веры». Самых строптивых раскольников власти гноили в глубоких ямах, вырывали им языки, сжигали в срубах. Граница раскола прохладной тенью пролегала даже в царской семье. Жена царя Мария Ильинична, а потом и сестра Ирина Михайловна не единожды хлопотали за опальных вождей раскола.

Из-за чего же сыр-бор? Внешне как будто по пустякам. Укрепляя православную веру и государство, царь Алексей Михайлович и патриарх Никон обдумали и провели реформу церкви (1653), основой которой было исправление богослужебных книг. Переведенные с греческого еще во времена крещения языческой Руси киевским князем Владимиром (988), богослужебные книги от многочисленных переписок превратились в некий «испорченный телефон». Переводчик изначально дал маху, писец схалтурил, чужое слово истолковали неверно — за шесть с половиной веков накопилось всяких неточностей, несообразностей много. Решено было обратиться к первоисточникам и все исправить.

И тут началось! К несообразностям-то привыкли уже. Исправления «резали ухо» и, казалось, подрывали самое веру. Возникла серьезная оппозиция исправлениям. И во всех слоях верующих — от церковных иерархов, бояр и князей до попов, стрельцов, крестьян и юродивых. «Покусились на старую веру!» — таким был глас оппозиции.

Особый протест вызывали смешные, с нашей нынешней точки зрения, расхождения. Никон по новым книгам утверждал, что крестные ходы у церкви надо вести против солнца, а не по солнцу; словно *аллилуйя* следует петь не два, а три раза; поклоны класть не земные, а поясные; креститься не двумя, а тремя перстами, как крестятся греки. Как видим, не о вере шел спор, а лишь об обрядах богослужения, отдельных и в общем-то мелких деталях обряда. Но фанатизм религиозный, приверженность догматам границ не имеют — заволновалась вся Русь.

Было ли что еще, усугублявшее фанатизм оппозиции? Было. Реформа Никона совпадала с окончательным закрепощением крестьян, и нововведения в сознании массы народа соединялись с лишением его последних вольностей и «святой старины». Боярско-феодальная Русь в это же время страшилась из Европы идущих новин, которым царь Алексей, видевший, как Русь путается ногами в длиннополом кафтане, особых преград не ставил. Церковникам «никонианство» тоже было сильно не по душе. В реформе они почувствовали твердую руку царя, хотевшего сделать церковь послушной слугой его воли. Словом, многие были против того, чтобы «креститься тремя перстами». И смута под названием «раскол» началась.

Русь не была первой в религиозных распрях. Вспомним европейские религиозные войны, вспомним ставшую символом фанатизма и нетерпимости «Варфоломеевскую ночь» в Париже (ночь на 24 августа 1572 года, когда католики перебили три тысячи гугенотов). Во всех случаях так же, как это было и в русском расколе, религия тесно сплеталась с противоречиями социальными, национальными, иерархическими. Но знамена были религиозные. С именем бога люди убивали друг друга.

И у всех этих распрей, вовлекавших в свою орбиту массы людей, были свои вожди.

В русском расколе особо возвышаются две фигуры. По одну сторону — патриарх Никон, по другую — протопоп Аввакум. Любопытно, что оба они «простолюдины». Никон — сын мужика. Аввакум — сын простого попа. И оба (поразительное совпадение!) земляки. Никон (в миру Никита) родился в селе Вельдеманове близ Нижнего Новгорода. Аввакум — в селе Григорове, лежащем в нескольких километрах от Вельдеманова... Нельзя исключить, что в детстве и юности эти люди встречались, не чая потом оказаться врагами. И по какому высокому счету! И Никон и Аввакум были людьми редко талантливыми. (Царь Алексей Михайлович, смолоду искавший опору в талантах, заметил обоих и приблизил к себе. Никона сделал — страшно подумать о высоте! — патриархом всея Руси.)

Но воздержимся от соблазна подробнее говорить об интереснейших людях — Аввакуме и Никоне, это задержало бы нас на пути к Абакану. Вернемся лишь на минуту к боярыне, едущей на санях по Москве.

Карп Осипович не знает, кто такая была боярыня Морозова. Но она, несомненно, родная сестра ему по фанатизму, по готовности все превозмочь, лишь бы «не осеняться тремя перстами».

Подруга первой жены царя Алексея Михайловича, молодая вдова Феодосья Прокофьевна Морозова была человеком очень богатым. (Восемь тысяч душ крепостных, горы добра, золоченая карета, лошади, слуги.) Дом ее был московским штабом раскола. Долго это терпевший царь сказал наконец: «Одному из нас придется уступить».

На картине мы видим Феодосью Прокофьевну в момент, когда в крестьянских санях везут ее по Москве в ссылку. Облик всего раскола мы видим на замечательном полотне. Похихикивающие попы, озабоченные лица простых и знатных людей, явно сочувствующих мученице, суровые лица ревнителей старины, юродивый. И в центре сама Феодосья Прокофьевна с символом своих убеждений — «двуеперстием»...

И вернемся теперь на тропку, ведущую к хижине над рекой Абакан. Вы почувствовали уже, как далеко во времени она начиналась. И нам исток этот, хотя бы бегло, следует проследить до конца.

Раскол не был преодолен и после смерти царя Алексея (1676). Наоборот, уход Никона, моровые болезни, косившие в те годы народ многими сотнями тысяч, и неожиданная смерть самого царя лишь убедили раскольников: «бог на их стороне».

Царю и церкви пришлось принимать строгие меры. Но они лишь усугубили положение. Темная масса людей заговорила о конце света. Убеждение в этом было так велико, что появились в расколе течения, проповедовавшие «во спасение от антихрис-

та» добровольный уход из жизни. Начались массовые самоубийства. Люди умирали десятками от голодовок, запираясь в домах и скитах. Но особо большое распространение получило самосожжение — «огонь очищает». Горели семьями и деревнями. По мнению историков, сгорело около 20 тысяч фанатичных сторонников «старой веры».

Воцарение Петра с его особо крутыми нововведениями староверами было принято как давно уже предсказанный приход антихриста.

Равнодушный к религии, Петр, однако, счел разумным раскольников «не гонить», а взять на учет, обложить двойным казенным налогом. Одних староверов устроила эта «легальность», другие «потекли» от антихриста «в леса и дали». Петр учредил специальную Раскольничью контору для розыска укрывавшихся от оплаты. Но велика земля русская! Много нашлось в ней укромных углов, куда ни царский глаз, ни рука царя не могли дотянуться. Глухими по тем временам были места в Заволжье, на Севере, в Придонье, в Сибири — в этих местах и оседали раскольники (староверы, старообрядцы), «истинные христиане», как они себя называли. Но жизнь настигала, теснила, расслаивала религиозных, бытовых, а отчасти и социальных протестантов. Старообрядчество распалось на множество разных течений — «согласий» и «толков», обусловленных социальной неоднородностью, образом жизни, средой обитания, а часто и прихотью проповедников.

В прошлом веке старообрядцы оказались в поле зрения литераторов, историков, бытописателей. Интерес этот очень понятен. В доме, где многие поколения делают всякие перестройки и обновления — меняют мебель, посуду, платье, привычки, вдруг обнаруженный старый чулан с прадедовской утварью неизменно вызовет любопытство. Россия, со времен Петра изменившаяся неузнаваемо, вдруг открыла этот «чулан» «в лесах и на горах». Быт, одежда, еда, привычки, язык, иконы, обряды, старинные рукописные книги, предания старины — все сохранилось прекрасно в этом живом музее минувшей жизни.

Того более, многие «толки» в старообрядстве были противниками крепостного режима и самой царской власти. Это побудило изгнанника Герцена выяснить возможность союза со староверами. Но скоро он убедился: союз невозможен. С одной стороны, в общинах старообрядства вырос вполне согласный с царизмом класс (на пороге революции его представляли миллионеры Гучковы, Морозовы, Рябушинские — выходцы из крестьян), с другой — во многих «толках» царили темнота, изуверство и мракобесие, противные естеству человеческой жизни.

Таким именно был «толк» под названием «бегунский». Спасение от антихриста в царском облике, от барщины, от притеснения властей люди видели только в том, чтобы «бегати и таиться». Старообрядцы этого «толка» отвергали не только

петровское брадобрнтне, табак и внно. Все «мирское» не принималось — бракн, законы, служба в армнн, паспорта, деньги, любая власть, «игрища», песнопение и все, что людн, «не убоявшнсь бога, моглн измыслить». «Дружба с «миром» есть вражда против бога. Надо бегати и таиться!» Этот исключительный аскетизм был по плечу лишь небольшому числу людей — лнбо убогих, лнбо, напротнв, сильных, способных снести отшельничество.

«Бегунов» жизнь все время теснила, загоняла в самые недоступные дебри. И нам теперь ясен исторический в триста лет путь к лесной избушке над Абаканом. Мать н отец Карпа Лыкова пришлн с тюменской земли и тут в глуши поселились. До 20-х годов в ста пятидесяти километрах от Абазы жила небольшая староверческая общнна. Людн нмелн огороды, скотину, кое-что сеялн, ловилн рыбу и бнли зверя. Назывался этот малодоступный в тайге жнлой очажок Лыковская заимка. Тут н родился Карп Осипович. Сообщалась с «миром» заимка, как можно было понять, через посредников, увознвших в лодках с шестамн меха и рыбу н привозившнх «соль и железо».

В 1923 году добралась до заимки какая-то таежная банда, оправдавшая представленне «бегунов» о греховности мнра, — кого-то убнлн, кого-то прогиалн. Заимка перестала существовать. (Проплывая по Абакану, мы видели пустошь, поросшую иван-чаем, бурьяном и крапивой.) Семь или восемь семей подались по Абакану в горы, еще на полтораста верст дальше от Абазы, и сталн жнть на Каире — небольшом притоке реки Абакан.

«Жнзнь была там вельми тяжела. И слабые утекли в мир». Карп Оснпович н его жена Акулина Карповна были людьми неслабыми. И решнли в 1936 году удалиться от «мнра» еще подальше. Забрав из брошенного поселка «все железное», кое-какой хозяйственный инвентарь, иконы, богослужебные книги, с двумя детьмн (Савину было одиннадцать, Наталье — год) Лыковы приискали место «поглуше, понедоступней» и стали его обжнвать.

Свеча на пенечке-лучнннике в этот вечер сгорела до основания. Остаток ее расплылся стеарнновой лужицей, и от этого пламя то вдруг вырастало, то часто-часто начинало мигать — Агафья то и дело поправляла фнтилек щепкой. Карп Осипович сндел на лежанке, охватив колени узловатымн пальцами. Мои книжные словеса о расколе он слушал вннмательно, с нескрываемым любопытством: «Едак-едак...» Под конец он вздохнул, зажимая поочередно пальцамн ноздри, высморкался на пол и опять прошелся по Никону: «От него, блудника, все началось».

Дверь в хнжнне, чтобы можно было хоть как-то дышать и

чтобы кошки ночью могли сходить на охоту, оставили чуть приоткрытой. В щелку опять было видно спелую, желтого цвета луну. «Как дыня», — сказал Ерофей. Новое слово «дыня» заинтересовало Агафью. Ерофей стал объяснять, что это такое. Разговор о религии закончился географией — экскурсом в Среднюю Азию. По просьбе Агафьи я нарисовал на листке дыню, верблюда, человека в халате и тюбетейке. «Господи...» — вздохнула Агафья.

Прежде чем лечь калачиком рядом с котятами, пищавшим в темноте, она горячо и долго молилась.

ОГОРОД И ТАЙГА

В Москву от Лыковых я привез кусок хлеба. Показывая друзьям — что это такое? — только раз я услышал ответ неуверенный, но близкий к истине: это, кажется, хлеб. Да, это лыковский хлеб. Пекут они его из сушеной, толченой в ступе картошки с добавлением двух-трех горстей ржи, измельченной пестом, и пригоршни толченых семян конопли. Эта смесь, замешенная на воде, без дрожжей и какой-либо закваски, выпекается на сковородке и представляет собою толстый черного цвета блин. «Хлеб этот не то что есть, на него глядеть страшно, — сказал Ерофей. — Однако же ели. Едят и теперь — настоящего хлеба ни разу даже не ущипнули».

Кормильцем семьи сорок пять лет был огород — пологий участок горы, раскорчеванный от тайги. Для страховки от превратностей горного лета раскорчеван был также участок ниже под гору и еще у самой реки. «Вверху учинился неурожай — внизу что-нибудь собираем».

Вызревали на огороде: картошка, лук, репа, горох, конопля, рожь. Семена как драгоценность наравне с железом и богослужебными книгами были принесены из поглощенного теперь тайгой поселения. И ни разу никакая культура осечки за эти почти полвека не сделала — не выродилась, давала еду и семенной материал, берегли который, надо ли объяснять, пуще глаза.

Картошка — «бесовское многоплодное, блудное растение», Петром завезенная из Европы и не принятая староверами наравне с «чаем и табачищем», по иронии судьбы для многих стала потом основною кормилицей. И у Лыковых тоже основой питания была картошка. Она хорошо тут родилась. Хранили ее в погребе, обложенном бревнами и берестой. Но запасы «от урожая до урожая», как показала жизнь, недостаточны. Июньские снегопады в горах могли сильно и даже катастрофически сказаться на огороде. Обязательно нужен был «стратегический» двухгодичный запас. Однако два года даже в хорошем погребе картошка не сохранялась.

Приспособились делать запас из картошки сушеной. Ее резали на пластинки и сушили в жаркие дни на больших листах бересты или прямо на плахах крыши. Досушивали, если надо было, еще у огня и на печке. Берестяными коробами с сушеной картошкой и теперь заставлено было все свободное пространство хижины. Короба с картошкой помещали также в лабазы — в срубы на высоких столбах. Все, разумеется, тщательно укрывалось и пеленалось берестяной одеждой.

Картошку все годы Лыковы ели обязательно с кожурой, объясняя это тщательной экономией пищи. Но, кажется мне, каким-то чутьем они угадали: с кожурою картошка полезней.

Репа, горох и рожь служили подспорьем в еде, но основой питания не были. Зерна собиралось так мало, что о хлебе как таковом младшие Лыковы не имели и представления. Подсушенное зерно дробилось в ступе, и из него «по святым праздникам» варили ржаную кашу.

Росла когда-то в огороде морковка, но от мышиной напасти были однажды утрачены семена. И люди лишились, как видно, очень необходимого в пище продукта. Болезненно-бледный цвет кожи у Лыковых, возможно, следует объяснить не столько сидением в темноте, сколько нехваткою в пище вещества под названием каротин, которого много в моркови, апельсинах, томатах... В этом году геологи снабдили Лыковых семенами моркови, и Агафья принесла к костру нам, как лакомство, по два еще бледно-оранжевых корешка, с улыбкой сказала: «Мор-ко-овка...»

Вторым огородом была тут тайга. Без ее даров вряд ли долгая жизнь человека в глухой изоляции была бы возможной. В апреле тайга уже угощала березовым соком. Его собирали в берестяные туеса. И будь в достатке посуды, Лыковы, наверное, догадались бы сок выпаривать, добиваясь концентрации сладости. Но берестяной туес на огонь не поставишь. Ставили туеса в естественный холодильник — в ручей, где сок долгое время не портился.

Вслед за березовым соком шли собирать дикий лук и крапиву. Из крапивы варили похлебку и сушили пучками на зиму для «крепости тела». Ну а летом тайга — это уже грибы (их ели печеными), малина, черника, брусника, смородина. «Истомившись, сидючи на картошке, вкушали божьи эти дары обильно».

Но летом надлежало и о зиме помнить. Лето короткое. Зима длинна и сурова. Запаслив, как бурундук, должен быть житель тайги. И опять шли в ход берестяные туеса. Грибы и чернику сушили, бруснику заливали в берестяной посуде водой. Но все это в меньших количествах, чем можно было предположить, — «некогда было».

В конце августа приспевала страда, когда все дела и заботы отодвигались — надо было идти «орешить». Орехи для Лы-

ковых были «таежной картошкой». Шишки с кедра (Лыковы говорят не «кедр», а «кедра»), те, что пониже, сбивались длинным еловым шестом. Но обязательно надо было лезть и на дерево — отрясать шишки. Все Лыковы — молодые, старые, мужчины и женщины — привыкли легко забираться на кедры. Шишки ссыпали в долбленые кадки, шелушили их позже на деревянных терках. Затем орех провевался. Чистым, отборным, в берестяной посуде хранили его в избе и лабазах, оберегая от сырости, от медведей и грызунов.

В наши дни химики-медики, разложив содержимое плода кедровой сосны, нашли в нем множество компонентов: от жиров и белков до каких-то не поддающихся запоминанию мелких, исключительной пользы веществ. На московском базаре как-то весной я видел среди сидельцев-южан с гранатами и урюком ухватистого сибиряка с баулом кедровых шишек. Чтобы не было лишних вопросов, на шишке спичкой был приколот кусочек картона с содержательной информацией: «От давления. Рубль штука».

Лыковы денег не знают, но ценность всего, что содержит орех кедровой сосны, ведома им на практике. И во все урожайные годы они запасали орехов столько, сколько могли запасти. Орехи хорошо сохраняются — «четыре года не прогоркают». Потребляют их Лыковы натурально — «грызем, подобно бурундукам», толчеными подсыпают иногда в хлеб и делают из орехов свое знаменитое «молоко», до которого даже кошки охочи.

Животную пищу малой толикой поставляла тоже тайга. Скота и каких-либо домашних животных не было. Не успел я выяснить, почему. Скорее всего на долбленом «ковчеге», в котором двигались Лыковы кверху по Абакану, не хватило места для живности. Но, может быть, и сознательно Лыковы «домашнюю тварь» решили не заводить — надежней укрыться и жить незаметней. Многие лета не раздавалось у их избенки ни лая, ни петушиного крика, ни мычанья, ни блеянья, ни мяуканья.

Соседом, врагом и другом была лишь дикая жизнь, небедная в этой тайге. У дома постоянно вертелись небоязливые птицы кедровки. В мох у ручья они имели привычку прятать орехи и потом их разыскивали, перепархивая у самых ног проходившего человека. Рябчики выводили потомство прямо за огородом. Два вóрона, старожилы этой горы, имели внизу по ручью гнездо, возможно, более давнее, чем избенка. По их тревожному крику Лыковы знали о подходе ненастья, а по полету кругами — что в ловчую яму кто-то попался.

Изредка появлялась зимою рысь. Не таясь, небоязливо она обходила «усадьбу». Однажды любопытства, наверное, ради поскребла даже дверь у избушки и скрылась так же неторопливо, как появилась.

Собольки оставляли следы на снегу. Волки тоже изредка по-

являлись, привлеченные запахом дыма и любопытством. Но убедившись, что поживиться тут нечем, удалялись в места, где держались маралы.

Летом в дровах и под кровлей селились любимцы Агафьи — «плешки». Я не понял сначала, о ком она говорила, но Агафья выразительно покачала рукой — трясогузки!

Большие птичьи дороги над этим таежным местом не пролегают. Лишь однажды в осеннем тумане Лыковых всполошил криком занесенный, как видно, ветрами одинокий журавль. Туда-сюда метался он над долиной реки два дня — «душу смущал», а потом стих. Позже Дмитрий нашел у воды лапы и крылья погибшей и кем-то съеденной птицы.

Таежное одиночество Лыковых кряду несколько лет с ними делил медведь. Зверь был некрупным и ненахальным. Он появлялся лишь изредка — топтался, нюхал воздух возле лабаза и уходил. Когда «орешили», медведь, стараясь не попадаться на глаза людям, ходил неотступно за ними, подбирая под кедрами, что они уронили. «Мы стали ему оставлять шишки — тоже ведь алкает, на зиму жир запасает».

Этот союз с медведем был неожиданно прерван появлением более крупного зверя. Возле тропы, ведущей к реке, медведи схватились, «вельми ревели», а дней через пять Дмитрий нашел старого друга, наполовину съеденного более крупным его собратом.

Тихая жизнь у Лыковых кончилась. Пришелец вел себя как хозяин. Разорил один из лабазов с орехами. И, появившись возле избушки, так испугал Агафью, что она слегла на полгода — «ноги слушаться перестали». Ходить по любому делу в тайгу стало опасно. Медведя единодушно приговорили к смерти. Но как исполнить такой приговор? Оружия никакого! Вырыли яму на тропке в малинник. Медведь попался в нее, но выбрался — не рассчитали глубины ямы, а заостренные колья зверь миновал.

Дмитрий осенью сделал рогатину, надеясь настигнуть зверя в берлоге. Но берлога не отыскалась. Понимая, что весною голодный зверь будет особо опасным, Савин и Дмитрий соорудили «кулемку» — ловушку-сруб с приманкой и падавшей сверху настороженной дверью. Весною медведь попался, но, разворотив бревна ловушки, ушел. Пришлось попросить ружье у геологов. Дмитрий, зная медвежьи тропы, поставил на самой надежной из них самострел. Эта штука сработала. «Однажды видим: вороны воспарили. Пошли осторожно и видим: лежит на тропке — повержен».

— Отведали медвежатины?

— Нет, оставили для съедения мелкому зверю. Тех, что лапу имеют, мы не едим. Бог велит есть лишь тех, кто имеет копыта, — сказал старик.

Копыта в здешней тайге имеют лось, марал, кабарга. На них

и охотились. Охоту вели единственным способом: на тропах рыли ловчие ямы. Чтобы направить зверя в нужное место, строили по тайге загородки-заслоны. Добыча была нечастой — «зверь с годами смышленым стал». Но когда попадалась в ловушку хотя бы малая «кабарожка», Лыковы пировали, заботясь, однако, о заготовке мяса на зиму. Его разрезали на узкие ленты и вялили на ветру. Эти мясные «консервы» в берестяной таре могли храниться год-два. Доставали их по большим праздникам или клали в мешок при тяжелых работах и переходах.

(В Москву я привез подарок Агафьи — жгутик сушеной лосятины. Понюхаешь — пахнет мясом, но откусить от гостинца и пожевать я все-таки не решился.)

Летом и осенью до ледостава ловили Лыковы рыбу. В верховье Абакана водится хариус и ленок. Ловили их всяко: «удой» и «мордой» — ловушкой, плетенной из ивняка. Ели рыбу сырой, печенной в костре и непременно сушили впрок.

Все годы у Лыковых не было соли. Ни единой крупинки! Обильное потребление соли медицина находит вредным. Но в количествах, организму необходимых, соль непременно нужна. Я видел в Африке антилоп и слонов, преодолевших пространство чуть ли не в сто километров с единственной целью — поесть солонцовой земли. Они «солонцуются» с риском для жизни. Их стерегут хищники, стерегли охотники с ружьями. Все равно идут, пренебрегая опасностью. Кто пережил войну, знает: стакан грязноватой землистой соли был «житейской валютой», на которую можно было выменять все — одежду, обувку, хлеб. Когда я спросил у Карпа Осиповича, какая трудность жизни в тайге была для них наибольшая, он сказал: обходиться без соли. «Истинное мученье!» В первую встречу с геологами Лыковы отказались от всех угощений. Но соль взяли. «И с того дня несолоно хлебати уже не могли».

Случался ли голод? Да, 1961 год был для Лыковых страшным. Июньский снег с довольно крепким морозом погубил все, что росло в огороде, «вызябла» рожь, а картошки собрали только на семена. Пострадали корма и таежные. Запасы предыдущего урожая зима поглотила быстро. Весною Лыковы ели солому, съели обувку из кожи, обивку с лыж, ели кору и березовые почки. Из запасов гороха оставили лишь один маленький туесок для посева.

В тот год с голоду умерла мать. Избенка бы вся опустела, случись следом за первым еще один недород. Но год был хорошим. Уродилась картошка. Созревали на кедрах орехи. А на делянке гороха проросло случайное зернышко ржи. Единственный колосок оберегали денно и нощно, сделав возле него специальную загородку от мышей и бурундуков.

Созревший колос дал восемнадцать зерен. Урожай этот был завернут в сухую тряпицу, положен в специально сделанный туесок размером меньше стакана, упакован затем в листок бе-

ресты и подвешен у потолка. Восемнадцать семян дали уже примерно с тарелку зерна. Но лишь на четвертый год сварили Лыковы ржаную кашу.

Урожай конопли, гороха и ржи ежегодно надо было спасать от мышей и бурундуков. Этот «таежный народец» относился к посевам как к добыче вполне законной. Не догляди — остается на делянке одна солома, все в норы перетаскают. Делянки с посевами окружались давилками и силками. И все равно едва ли не половину лыковских урожаев зерна запасали себе на зиму бурундуки. Этот милый и симпатичный зверек для людей в этом случае был «бичом божиим». «Воистину хуже медведя», — сказал старик.

Проблему эту быстро решили две кошки и кот, доставленные сюда геологами. Бурундуки и мыши (заодно, правда, с рябчиками!) были быстро изведены. Но все в этом мире имеет две стороны: возникла проблема перепроизводства зверей-мышеловов. Утопить котят, как обычно и делают в деревнях, Лыковы не решились. И теперь вместо таежных нахлебников вырастает стадо домашних. «Много-то их!..» — сокрушается Агафья, глядя, как кошки за шиворот таскают котят из темных хором наружу для принятия солнечных ванн.

В Москве перед полетом в тайгу мы говорили с Галиной Михайловной Проскуряковой, ведущей телепрограмму «Мир растений». Узнав, куда и зачем я лечу, она попросила: «Обязательно разузнайте, чем болели и чем лечились. Наверняка там будут названы разные травы. Привезите с собой пучочки — вместе рассмотрим, заглянем в книги. Это же интересно!»

Я эту просьбу не позабыл. На вопрос о болезнях старик и Агафья сказали: «Да, болели, как не болеть...» Главной болезнью у всех была «надсада». Что это был за недуг, я не понял. Предполагаю: это нездоровье нутра от тяжелых подъемов, но, возможно, это и некая общая слабость. «Надсадой» страдали все. Лечились «правкою живота». Что значит «править живот», объясняли так: больной лежит на спине, другой человек «с уменьем» мнет руками ему живот.

Двое из умерших — Савин и Наталья, очевидно, страдали болезнью кишок. Лекарством от недуга был «корень-ревень» в отваре. Лекарство скорее всего подходящее, но при пище, кишок совсем не щадящей, что может сделать лекарство? Умерли оба от кровавых поносов.

В числе болезней Агафья называла простуду. Ее лечили крапивой, малиной и лежанием на печке. Простуда не была, однако, тут частой — народ Лыковы закаленный, ходили, случалось, по снегу босиком. Но Дмитрий, самый крепкий из всех, умер именно от простуды.

Раны на теле «слюнили» и мазали «серой» (смолою пихты). От чего-то еще, не понял, «вельми помогает пихтовое масло» (выпарка из хвои).

Пили Лыковы отвары чаги, смородиновых веток, иван-чая, готовили на зиму дикий лук, чернику, болотный багульник, кровавник, душицу и пижму. По моей просьбе Агафья собрала еще с десяток каких-то «полезных, богом даных растений». Но уходили мы из гостей торопясь, близилась ночь, а путь был неблизкий — таежный аптечный набор остался забытым на кладке дров.

Вспоминая сейчас разговор о болезнях и травах, я думаю: были в этом таежном лечении мудрость и опыт, но заблуждения были тоже наверняка. Удивительно вот что. Район, где живут Лыковы, помечен на карте как зараженный энцефалитом. Геологов без прививок сюда не пускают. Но Лыковых эта напасть миновала. Они даже о ней не знают.

Тайга их не балует, но все, что крайне необходимо для поддержания жизни, кроме разве что соли, она им давала.

ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

— Я зна-аю, это серя-нки! — пропела Агафья, разглядывая коробок спичек с велосипедом на этикетке.

— А это что, знаешь?..

Велосипеда она не знала. Не видела ни разу и колеса. В поселке геологов есть гусеничный трактор. Но как это ездить на колесе? Для Агафьи, с детства ходившей с посошком по горам, это было непостижимо.

— Греховный огонь, — касаясь содержимого коробка, сказал Карп Осипович. — И ненадежный. Наша-то штука лучше.

Мы с Николаем Устиновичем спорить не стали, вспомнив: во время войны «катюшами» называли не только реактивные установки, но и старое средство добывания огня: кресало, кремень, фитиль. Именно этим снарядом Лыковы добывали и добывают огонь. Только трубочки с фитилем у них нет. У них трут! Гриб, из которого эта «искроприимная» масса готовится, потому и называют издревле трутовик. Но брызни искрами в гриб — не загорится. Агафья доверила нам технологию приготовления трута: «Гриб надо варить с утра до полночи в воде с золою, а потом высушить».

С сырьем для трута у Лыковых все в порядке. А вот кремень пришлось поискать. Горы из камня, а кремень, что золото, редок. Все же нашли. С две головы кремешок! Запас стратегически важного материала лежит на виду у порога, от него колют по мере необходимости по кусочку...

Но огонь — это не только тепло. Это и свет. Как освещалась избенка? Лучину я уже называл. Но все ли знают, что это всего лишь тонкая щепка длиною в руку до локтя. Предки наши светились сальными и восковыми свечами, недавно совсем — керосином. Но всюду в лесистых местах «электрической лам-

почкой» прошлого была древесная щепка — лучина. (Характерный корень у слова: луч — лучи солнца — лучина.) Сколько песен пропето, сколько сказок рассказано, сколько дел переделаио вечерами возле лучины!

Лыковы были вполне довольны лучиной, ибо другого света не знали. Но кое-какую исследовательскую работу они все-таки провели: решили выяснить, какое дерево лучше всего для лучины подходит. Все испытали: ольху, осину, ивняк, сосну, пихту, листвеиницу, кедр. Нашли, что лучше всего для лучины подходит береза. Ее и готовили впрок. А вечерами надо было щепку лншь правильно под нужным углом укрепить иа светце, чтобы не гасла и чтобы не вспыхнула сразу вся.

В поселке геологов, увидев электрическую лампочку, Лыковы с интересом поочередно нажимали на выключатель, пытаясь, как двухлетние дети, уловить странную связь между светом и чериой кнопкой. «Что измыслили! Аки солнце, глазами больно глядеть. А перстом прикоснулся — жжет пузырек!» — рассказывал Карп Осипович о первых посещениях семейством мира, неожиданно к ним подступившего.

Одежда, обувь... На снимках видно, что это было. На всех одинаковые рубахи из конопляной ткани. У жеищин это мешки с рукавами, перехваченные у пояса веревочкой, у мужчин тоже рубахи «мешком» и штаны «трубочкой».

Ткаиь для одежды добывалась с величайшим трудом и усердием. Сеялась конопля. Созревшей она убиралась, сушилась, вымачивалась в ручье, мялась, трепалась. Из кудели на прялке, представлявшей собой веретенце с маховичком, свивалась грубая конопляная нить. А потом уже дело доходило до ткачества.

Станочек стоял в избе, стесняя жильцов по углам. Но это был агрегат, производивший продукцию жизненно необходимую, и к нему относились с почтением. Продольные нити... поперечная нить, бегущая следом за челноком слева направо, справа налево... Нитка к нитке... Много времени уходило, пока из стеблей конопли появлялось драгоценное рубище.

Из конопляной холстины шили летние платья, платки, чулки, рукавицы. Из нее же шили «лапати́нки» и для зимы: между подкладкой и внешней холстиной клали сухую траву — власяницу. «Мороз-то крепок, деревья рвет», — объясняла Агафья.

Берегли «лапатинки»! Мы, плениики моды, часто бросаем в утиль еще вовсе крепкое платье, примеряя что-нибудь поновее, поживописней. «Лапатинки» живописны были лишь от заплаток.

Легко понять, какою ценностью в этом мире была простая игла. Иголки, запасенные старшими Лыковыми на заимке, береглись как иевозобновляемая драгоценность. В углу у окошка стоит берестяиой ларец с подушечкой для иголок. Сейчас поду-

шечка напоминает ежа — так много в ней принесенных подарков. А многие годы существовал строжайший порядок: окончил шитье — иголку на место немедля! Уроненную однажды иглу искали, провевая на ветру мусор.

Для самой грубой работы младший из сыновей Дмитрий ухитрился «изладить» иглы из вилки, принесенной в числе другого «железа» с заимки.

Нитки для всякого вида шитья из холстины и бересты, а позже из кожи, были все те же конопляные нитки. Их ссучивали, натирали, если надо, пихтовой «серой», пропитывали дегтем, который умели делать из бересты. На рыболовные лески шла конопляная нитка. Из нее же вязались сети, вились веревочки, очень в хозяйстве необходимые.

Кто из наших читателей видел, как растет конопля? Ручаюсь, очень немногие. Я сам три года назад удивился, увидев в Калининской области на огороде делянку высокостеблистой, характерно пахнущей конопли. Зашел спросить: отчего не забыта? Оказалось, «посеяли малость — блох выводить». А было время — совсем недалекое! — коноплю сеяли возле каждого дома. И в каждом доме была непременно прялка, был ткацкий стан. Коноплю, так же, как Лыковы, «брали», когда созревала, сушили, мочили, опять сушили, мяли, трепали... Из далекого теперь уже детства я помню вкус конопляного масла. Из холста — наследство мамы от бабушки, — лежавшего на дне семейного сундука, во время войны сшили нам с сестрой по одежке, окрасив холстину ольховой корой.

«Конопляное ткачество» Лыковых было для меня живой картинкой из прошлого каждого дома в русской деревне. Но если в деревне холст при нужде можно было и выменять или купить, то тут, в тайге, коноплю надо было обязательно сеять, бережно сохранять семена и прясть, ткать... Сейчас заниматься этим у Лыковых уже некому, да и незачем. Но коноплю, я услышал, наряду с картошкой и «кедрой» Карп Осипович помянул благодарно в своей ежедневной беседе с богом.

Такого же уважения в здешнем быту заслужила береза. В молитвах Лыковых, наверное, места ей не нашлось — в тайге березы сколько угодно, недоглядел — березняк прорастает и в огороде. Но сколько всего давало это дерево человеку, судьбой заточенному в лес!

И прежде всего береза Лыковых обувала. (Липа в этих местах не растет, и плетенной из лыка обувки у Лыковых быть не могло.) Что-то вроде калош шили из бересты. Тяжеловата была обувка и грубовата. Набивали ее для тепла и удобства все той же сушеной болотной травой. Служили калоши во всякое время года, хотя какая уж там обувка при толще снега в полтора метра!

Лишь когда Дмитрий подрос и научился ловить зверей, а старший, Савин, овладел умением выделки кож, стали Лыко-

вы шить себе что-то вроде сапог. Геологов калоши из бересты почему-то поразили больше всего, и они растащили их все на память, оставляя взамен Лыковым сапоги, валенки и ботинки...

Но назначение главное бересты — посуда! Тут Лыковым изобретать было нечего. Их предки повсюду в лесах делали знаменитые туеса — посуду, великолепную для всего: для сыпучих веществ, для соли, ягод, воды, творога, молока. И все не портится, не нагревается, не «тратится мышью». Посуда легка, красива, удобна. У Лыковых я насчитал четыре десятка берестяных изделий: туеса размером с бочонок и с майонезную банку, короба громадные, как баулы, и с кулачок у Агафьи — класть всякую мелочь.

Берестяной у Лыковых рукомойник. Подарили им жестяной, наблюдая, как часто они «омывают персты», но Лыковы этот фабричный прибор запихнули под крышу и держат по-прежнему в хижине берестяной. В хозяйстве у Лыковых там и сям лежат заготовки — большие листы бересты; распаривай и делай из этого материала все, что угодно. Когда прохудилось единственное ведро и затыкание дырки тряпицей эффекта уже не давало, из ведерной жести Дмитрий сделал сносное решето для орехов, а железную дужку пристроил к ведерку из бересты. Оно до сих пор служит. Именно этим ведерком Агафья с отцом носили воду к лесному пожару.

Один недостаток у берестяной посуды — нельзя на огонь ее ставить. Воду (и хорошо!) согреть можно, опуская в посуду каленые камни. Но в печь туес не поставишь. И это было очень «узкое место» в посудном хозяйстве. С заимки Лыковы взяли несколько чугунков. Но чугун хрупок, и к приходу геологов «печная посуда» исчислялась двумя чугунками, сохранность которых защищалась молитвой. Сейчас Агафья вовсю гремит кружками, котелками и мисками из «чудного железа» — из алюминия. Но старый испытанный чугунок в убогом ее хозяйстве как заслуженный ветеран стоит на самом почетном месте. В нем варит Агафья ржаную кашу.

Много в хозяйстве и деревянной долбленой посуды. Корытец больших и малых я насчитал более десяти. Любопытно, что «хлёбово» (картофельный суп) до появления алюминиевых мисок и чашек ели из общего небольшого корытца самодельными ложками с длинными черенками.

Слово «дефицит» Лыковым неизвестно. Но именно этим словом они бы назвали постоянную острую нехватку железа. Все, что было взято с заимки, — старый плужок, лопаты, ножи, топоры, рашпиль, пила, рогатина, клок толстой жести, мотыги, лом, серп, долото и стамески, — все за многие годы сточилось, поизносилось и поржавело. Но ничто железное не выбрасывалось. Подобно тому как бедность заставляет перелицовывать изношенную одежду, тут «лицевали» железо.

Мы сделали снимки мотыг, которыми ежегодно и много трудились на огороде. Это крепкие сучья березы с крючком, «очехленным железкой». Я видел лопату всю деревянную и только по нижней кромке полоска железа. Кто-то из Лыковых сделал самодельный бурав — вещь, в хозяйстве необходимую. Но как ее сделать без кузни? Все-таки сделали! Примитивный, неуклюжий бурав, но дырки вертел.

Есть в хозяйстве тесло для долбления лодки и самодельные инструменты — вырезать ложки. Оттого что ими пользовались нечасто, они хорошо сохранились. Все остальное изъедено временем и точильными камнями.

Если б, придя к геологам в гости, Дмитрий увидел бы возле их новых домов самородки золота или еще какие-то условные ценности нашего мира, он бы не удивился, не стоял бы растерянно-пораженный. Но Дмитрий увидел возле домов (каждый представит эту картину!) много железа: проволоку, лопату без черенка, согнутый лом, зубчатое колесо, помятое оцинкованное корыто, ведерко без дна, а около мастерской целую гору всякого лома... Железо! Дмитрий стоял, потрясенный таким богатством. Примеряя, что для чего могло пригодиться, он ничего не осмелился взять — сунуть в мешок или хотя бы в карман, хотя признавался потом, улыбаясь: «Греховное искушение было».

ЛЫКОВЫ

Понемногу о каждом из Лыковых... Одиночество, изнурительная борьба за существование, одинаковый быт, одежда, пища, жесткие формы религиозных запретов, одинаковые молитвы, предельно замкнутый мир, наконец, «гены», казалось, должны бы сделать людей максимально похожими, как бывают похожи один на другой апельсины или инкубаторские цыплята. В самом деле, похожего много. И все же у каждого был свой характер, привычки, ощущение своего «я» на маленькой, всего в шесть ступенек, иерархической лестнице. Была у каждого своя любимая и нелюбимая работа, разными были способности понимать одно и то же явление, ну и много всего другого, интересующего обычно социологов и психологов.

Сказать о каждом непросто — четверых уже нет, только воспоминания...

КАРП ОСИПОВИЧ

В «миру» он, несомненно, достиг бы немалых высот. По характеру от рождения лидер. И можно почувствовать даже теперь, когда годы человека смиряют, место «начальника» (не в

смысле должности, а в смысле «начала», возглавления чего-либо) для натуры его необходимо. Он возглавлял на заимке Лыковскую общину. Он увел людей еще дальше — на реку Капр. Когда община его, изнуренная глухоманью, «попятилась, разбрелась», Карп Лыков — ему было тогда тридцать восемь — не только не пошел за людьми, но углубился в тайгу еще дальше. За ним безропотно последовала жена его Акулина Карповна с двумя ребятишками на руках.

В семье Карп Осипович был и отцом, и все тем же строгим «начальником». Его, и только его, должны были слушаться в работе, в молитвах, в еде, в отношениях между собою. Агафья зовет его «тятенька». Так же звали и трое умерших детей, хотя Савину было под шестьдесят. «Начало» свое старик поддерживал всячески. «Картошку тятенька не копал», — сказала Агафья не в осуждение отца, а с пониманием места его в делах семейной общины. Его сыновья носили на голове что-то вроде монашеских клобуков из холстины, себе же отец справил высокую шапку из камуса кабарги. Это было что-то вроде «шапки Мономаха», утверждавшей власть его в крошечном царстве, им образованном.

В свои 84 года Карп Осипович бодр. До сих пор лазит на кедры, когда «орешат», и ни на что в здоровье не жалуется, кроме того лишь, что «стал глуховат».

Но глухоту, как мог я заметить, старик регулирует. Когда вопрос ему непонятен или, может быть, неприятен — делает вид, что не слышит. И напротив, все, что ему интересно, «усекает», как сказал Ерофей, очень четко.

В разговоре старик постоянно настороже. Сам вопросов не задает, только слушает или «кажет сужденье». Но один вопрос все же был. «Как там в миру?» — спросил он меня после очередного предания анафеме Никона и царя Алексея Михайловича. Я сказал, что в большом «миру» неспокойно. И почувствовал: ответ старику лег бальзамом на сердце. Неспокойствие «мира» сообщало душевное равновесие старику. Неглупого, но темного, фанатичного человека, несомненно, посещает иногда холодная и опасная, как змея для босой ноги, мыслишка: а правильно ль прожита жизнь?

Старик не потерял любознательность. Посещая геологов, «услаждает душу беседой» и всюду заглядывает. Не испугался Карп Осипович войти в вертолет, отказавшись, однако, подняться — «не христианское дело». Из всего, что могло его поразить, на первое место надо поставить не электричество, не самолет, у него на глазах однажды взлетавший с косы, не приемник, из которого слышался «бабий греховный глас» Пугачевой, — поразил его больше всего прозрачный пакет из полиэтилена. «Господи, что измыслили — стекло, а мнется!»

АКУЛИНА КАРПОВНА

Восьмиконечный староверческий крест на могиле ее почернел. Возле него качается на ветру иван-чай, картофельные посадки подходят прямо к светлой земли бугорку. Умерла Акулина Карповна двадцать один год назад от «надсады» (тяжело подняла) и от голода, доконавшего слабое тело. Последние слова ее были не о царствии небесном, ради которого она несла тяжелый свой крест на земле, а о детях: «Как будете без меня?»

Была она, несомненно, подвижницей, решившись разделить с Карпом «все муки за веру». Муки были великие. Она секла лес, ловила рыбу, бечевой, идя по берегу, тянула лодку, помогала класть сруб, корчевать лес, рыть погреб, «залезала на кедру», сажала и рыла картошку. Забота об одежде была ее заботой. Печка, приготовление еды — тоже ее дела. И было еще четверо ребятишек, которых терпеливо надо было всему научить.

Родом будто бы из алтайского села Беи, Акулина Карповна еще девочкой постигла от богомольцев старославянскую азбуку, научилась писать и читала церковные книги. Этой «великой мудрости» научила она и детей. Где же тетрадки и хотя бы простые карандаши для учебы детей в тайге? — спросите вы. Конечно, ни тетрадок, ни даже огрызка карандаша не было у Акулины Карповны. Но была береста. Был сок жимолости. Если макать в этот сок заостренную палочку, можно на желтой стороне бересты выводить бледно-синие буквы. Всех четырех научила писать и читать!

В разговоре об этом я попросил Агафью написать мне в блокноте что-либо на память. Агафья достала с полки подарок геологов — «карандаш с трубочкой» и написала старославянскими печатными буквами. «Добрые люди к нам прибыли, помогали нам 4(17) июля дня от Адамова лета 7490 года. Писала Агафья».

— Мамина память, — сказала Агафья, любуясь своими каракулями.

САВИН

«Савин был крепок на веру, но жестокий был человек», — сказал о старшем сыне Карп Осипович. Что скрывалось за словом «жестокий», спрашивать я не стал, но что-то было. Об этом глухо сказала Агафья: «Бог всем судья».

Два дела знал Савин в совершенстве: выделку кожи и чте-

ние Библии. Оба дела в семейной общине почитались наиважнейшими. Выделку кож лосей и маралов Савин освоил сам, пытливо пробуя многие средства, и нашел наконец нужную технологию. Хорошо Савин и сапожничал. Смена берестяных калош на удобные легкие сапоги была, как видно, бытовой революцией, и Савин возгордился. Мелкими, но насущными ежедневными заботами стал пренебрегать. Скажет: «Брюхо болит...» Живот у Савина в самом деле был нездоровым. Но понять, где болезнь, а где капризы, в подобных случаях трудно. И уже тут можем мы усмотреть очаг напряженности.

Но главное было в другом. В делах веры он был куда «правее» старшего Лыкова и нетерпим к малейшему нарушению обрядов, соблюдению постов и праздников, подымал молиться всех ночью: «Не так молитесь!», «Поклоны кладите земные!» Богослужебные книги читал Савин хорошо. Библию знал наизусть. Когда уставшая возле лучины читать Наталья сбивалась или что пропускала, Савин из угла поправлял: «Не так!» И выяснялось: в самом деле не так.

Стал Савин поправлять и учить помаленьку слабевшего Карпа Осиповича, и не только «в вопросах идеологических», но и в житейских. И тут нашла коса на камень. Отец не мог позволить строптивому сыну верховодство не только из самолюбия. Он понимал, какую жизнь устроит семье Савин, окажись он «начальником».

Геологи, знавшие Лыковых, говорят, что был Савин невысокого роста. Бороденка, походка, самоуверенность делали его похожим на купчика. Был он сдержан, даже надменен со всеми, давая понять, кому какое место уготовано «там», перед судом божьим. За «своими» в поселке геологов Савин глядел в оба. Именно он чаще всего говорил: «Нам это неможно!» И «вельми пенял Дмитрию за греховность в обращении с миром». В последнее время Лыковы приходили в поселок лишь вчетвером. «А Дмитрий?» Дед уклончиво объяснял: «Дела у сына, дела...»

В прошлом году в октябре Дмитрий неожиданно умер. На Савина это сильно подействовало. «Болезнь живота» обострилась. Надо было лежать и пить «корень-ревень». Но выпал снег, а картошка не убрана. Отец и сестры замахали руками: «Лежи!» «Но вельми упрямый был человек, все содеет противоречия ради», — горестно вспоминает отец. Вместе со всеми Савин копал из-под снега картошку. И слег.

Наталья села возле него. Не отходила ни днем ни ночью. Можно представить положение этой сиделки возле больного в жилье, освещенном лучиной, среди тряпья, среди многолетней грязи. Когда брат умер, она сказала: «Я тоже умру от горя».

НАТАЛЬЯ

Она вместе с отцом и сестрою клала брата в замерзший снег «до весны». И свалилась без сил и надежды подняться. Умерла она через десять дией после Савина, 30 декабря 1981 года на сорок шестом году.

Геологи говорят, что Наталья с Агафьей были очень похожи. Сходство, я думаю, дополняли одежда и манера говорить в иос, сильно растягивая слова. Но была Наталья повыше ростом. Агафья называла ее «кресиая» (была сестра ей крестной матерью, а Савин крестным отцом).

Со смертью матери старшая дочь как могла старалась ее заменить. «Пообносились мы после маменьки сильно, но кресная все-таки научилась ткать и шила всем «лапатинки».

Удел Натальи был шить, варить, лечить, мирить, жалеть, успокаивать. Получалось все ие так, как у матери. Наталья страдала от этого. «Кресную слушались плохо. И все пошло прахом», — сказала Агафья.

У сестры на руках Наталья и умерла. «Жалко мие тебя. Одиа остаешься...» — были последние ее слова.

АГАФЬЯ

Первое впечатление: блаженный, отсталый умственно человек — странная речь, босая, в саже лицо и руки, все время почесывается. Но, привыкиув к речи и как следует приглядевшись, понимаешь: нет, с головой все в порядке. Отсталость у этой иеопределенного возраста женщины, как сказали бы знатоки человеческой сущности, социальная. Мир, в котором росла Агафья, ограничен был хижиной, огородом и кружочком тайги. Рассказы о мире родителей... Но что могли они рассказать, если и сами выросли иа обочиие жизни, были темны, суеверны и фанатичны.

Фаиатизм у Агафьи не очеиь заметен. «Нам это неможно», — говорит оиа у костра, наблюдая, как мы попиваем чай со сгущенкой. Краешком глаза она посматривает на отца — «нет, неможио». Если бы снят был запрет, она, мне кажется, с удовольствием попила бы чаю, отломила бы даже кусочек плитки со странным названием «шоколад».

Через два дня я уже хорошо понял: Агафья не только умна, но человек с чувством юмора и иронии, умеет над собой пошутить, о серьезном деле скажет не без улыбки.

Агафья умеет шить, стряпать, владеет хорошо топором — этим летом срубила что-то вроде таежного зимовья на втором огороде, стол в хижине ею сработаи. «А чего же не братья?» — «Их просишь, просишь, легче самой».

Если б Агафья заполняла своим «карандашом с трубоч-

кой» какую-нибудь аикету, то нашла бы в ией место заметнть, что человек оиа «ие избяиой», ее стихия — огород и тайга.

С Дмнтрием вместе Агафья рыла ямы для ловли маралов, может зверя освежевать, готовила и сушила над костром мясо. Зиает Агафья повадки зверей, зиает, «какую траву в тайге можно есть, а от какой умрешь». В позапрошлом году разрешнла она задачку, которая не по силам оказалась даже и Дмитрню, знавшему «все, что бегает по тайге, как свои персты на руке». В яму попался зверь. В суматохе и в сумраке все решили, что это лосенок. Но когда опустнлн лестницу в яму — заколоть зверя, «лосенок» рявкнул. Савии и Дмитрий с недоумением разглядывали днковнику — такого зверя оии ие знали. И тут Агафья сказала: «Это польскѝя свинья! Маменька, помните, говорила, что есть такне». И в самом деле — геологи подтвердили — польскѝя (дикая, полевая) свнньяя, кабан то есть. Зашли кабаны в это место совсем иедавно.

Имея прекрасную память, Агафья вместе с Савином вела очень важное для семьи дело — счет времени.

Сейчас заботы Агафьн умножились. Печь, огород, заготовка продуктов иа зиму, разиые мелкие хлопоты. Не теряет надежды поймать и марала: «Мясца-то на-адо иа зиму хоть малость».

В поселке геологов бывает Агафья охотно. «Это прямо как святой праздник. Уж так со всеми глаго-олишь, глаго-олнщь». Конечно, в этих беседах непремеиио кто-нибудь скажет: «Агафья, выходила б ты замуж. Вон какой парень у нас!» — и укажут обычно на краснвого рослого Ваську-бурнльщика. Агафья шуткн вполие понимает. И отвечает всегда одииаково: «Нет, это иеможно. Я Христова невеста».

Осторожно выясняя отношения в семье, мы с Николаем Устиновичем спросили Агафью, кто из братьев ей больше иравился. «Ми-итя! — аж вся просияла Агафья и вдруг подиесла к глазу коичик дареиного ей платка. — Ми-итя!»

Такова эта единственная зелеиая веточка на усыхающем дереве Лыковых.

ДМИТРИЙ

На бумаге сейчас это имя я вывел с волиением: такое чувство, будто я знал и любил этого человека. В семье Лыковых он был особенный. Молился как все, но фанатиком ие был. Для него богом была тайга. Днмтрий вырос в ней и знал ее превосходно. Зиал все звериные тропы, «подолгу мог наблюдать всякую тварь, поинмал, что тоже, как человек, она хочет жить». Это он, повзрослев, иачал ловить зверей. До этого мяса Лыковы не елн и шкур ие имели. Он поимал, где сто́ит рыть

ловчую яму, а где не сто́ит. В самодельный капкан поймал даже волка. Отлично изучил повадки животных: «Кабарга — зверь ленивый, весь путь ее по тайге с нашу тропку от реки к дому». «Лось хо́док по глубокому снегу», а марала он мог преследовать целый день.

Вынослив Дмитрий был поразительно. Случалось, ходил по снегу босой. Мог зимой в тайге ночевать. (В холщовой «лапатинке»-то при морозе за 40!) «Рыбу ловил, — рассказывают геологи, — стоя босой на камне посредине реки. Подымет одну ногу и стоит, как гусь, на другой».

Вся таежная информация стекалась к Лыковым через Дмитрия. Знал, где, что и с каким зверем случилось. Агафье показывал птенчиков рябчика, белок в гайне. «Гляди — четыре! Холодно, вот и собрались...» С первым, «добрым медведем» Дмитрий сходился, когда орешил, вплотную. «Нас опасался, а к Мите медведь вот так подходил», — Агафья дотянулась палкой до рюкзака.

Характер у младшего Лыкова был тихий и ровный. Спорить не любил. Савину скажет только: «Ладно тебе...» Любую работу делал охотно. Берестяные туеса почти все его производства. И бересту заготавливал он. Знал, в какое время лучше всего береза ее отдает. Печь в доме сложена Дмитрием. Ступу сделал с пестом на упругом горизонтальном шесте — стукнешь, а кверху пест взлетает, как на пружине. Сделал станочек для кручения веретена, «морды» для рыбной ловли из хвороста — хоть на выставку!

В стане геологов Дмитрий бывал всегда охотно, хотя внешне радости не выказывал. Все осмотрит, рукою потрогает, тихо скажет: «Да...» Увидев на картонной стенке календаря картинку, спросил: «Москва?» И был доволен, что сам узнал город, о котором слышал не раз.

В постройке, где пыхтел дизель, Дмитрий почувствовал себя неуютно, заткнул уши, закрутил головой, не понимая связи между этим шумом и светом, горевшим в домах. Но какое впечатление произвела на него лесопилка! «Он просто остолбенел, наблюдая эту машину, — сказал Ерофей. — Пильщик Гоша Сычев сразу же стал для него самым дорогим человеком в поселке». Можно понять! Бревно, которое Дмитрий полотнил день или два, тут на глазах превращалось в красивые ровные доски. Дмитрий трогал доски ладонью и говорил: «Хорошо!..»

В сентябре прошлого года четверо Лыковых пришли с обычным своим визитом. Попросили помочь им вырыть картошку. И сказали, что Дмитрий лежит больной. Неделю назад ставил на рыбу закол, простыл в холодной воде, сейчас лежит в горячке и задыхается. Медик Любовь Владимировна Остроумова, попросившая подробно рассказать о болезни, сразу же поняла: воспаление легких! Давали лекарство, предложили на лодке доставить больного в поселок, сказали, что вызовем вертолет.

Отказались: «Нам это неможно. Сколько бог даст, столько и будет жить».

Когда Лыковы в этот вечер (6 октября 1981 года) вернулись домой, Дмитрий лежал в приречной избушке на полу мертвым.

Схоронили его в кедровой колоде, под кедром же, в стороне от избушки.

Когда мы от Лыковых уходили, то постояли возле могилы, и я попросил Ерофея заглянуть в хижину. Она была заколочена. На правах «своего человека» Ерофей выдернул гвозди, и мы оказались в низкой, черной от копоти и холодной, как погреб, рубленой конуре. Все те же короба с сушеной картошкой, с орехами и с горохом. Одежонка из мешковины висела на гвозде, вбитом в стену. Бурого цвета стоптанные сапоги из кожи марала стояли у двери. На окошке огарок свечки, четыре фабричных рыболовных крючка, картинка от сигаретной коробки с изображением самолета...

— Где же он мог тут лежать?

— А вот где стоим, на полу.

Пол, как и в хижине наверху, пружинил от кедровой и картофельной шелухи, от рыбных костей.

Мы с Ерофеем, люди немолодые уже, много всего повидавшие, вдруг вместе вздрогнули, представив, как тут, на полу, в щели между затхлыми коробами умирал человек.

Ерофей заколотил дверь. Подпер ее для надежности колом, и мы пошли к Абакану. Тут, у тропы по каньону, лежала долбленая, прикрытая берестой лодка, еще не вполне законченная.

— Дмитрий мне говорил, — вспоминал Ерофей, — что будет лодка — чаще будем и видеться. Не всегда ведь вброд Абакан перейдешь...

Ерофей припомнил один разговор с Дмитрием в прошлом году как раз у этой вот неоконченной лодки. «Я сказал: ты замечательный плотник! Переходи к нам — люди нужны. И мы все тебя любим. Дмитрий поглядел на меня глазами, полными благодарности, но ничего не ответил. Я думаю, не случись эта смерть, он бы к нам мало-помалу прибился».

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

Где-то на середине тут прожитых лет глава семейства решил Савина и Дмитрия отделить — поставить для них избушку возле реки, в шести километрах от «резиденции». О причинах «раздела» разговор у нас не сложился. Но можно эти причины предположить. Во-первых, в одной избушке было тесно шестерым; во-вторых, не худо иметь форпост у реки и рыболовную базу; в-третьих, с Савином отношения становились все тяжелее; и, наконец, возможно, самое главное, надо было предот-

вратить опасность кровосмешения, что было делом нередким в «бегунском» староверческом толке.

Избушку поставили у реки. Летом Савин и Дмитрий жили в ней, занимаясь охотой, рыбной ловлей, поделками, огородом. Сообщение между двумя очагами было почти ежедневным. Ходили друг к другу в гости — это как-то разнообразило жизнь. Но осенью братья перебирались в родовое жилище совсем. И долгую зиму коротали опять вшестером. Не бездельничали. Борьба за существование властно требовала от каждого доли труда. И если даже срочной работы не было, Карп Осипович ее все равно для всех находил, понимая, что праздность была бы тут пагубной. «Тятенька руки сложивши посидеть не давал», — вспоминает Агафья.

Были и праздники. В эти дни делали то лишь, что было необходимо, — печь истопить, воды принести, снег у двери почистить. Ранее мать, а после Наталья в праздничный день к монотонной картофельной пище добавляли что-нибудь из «лабазных припасов» — шматочек мяса или ржаную кашу. Досуг по праздникам заполнялся молитвами, чтением читаных-перечитаных книг, воспоминаниями различных событий, реденьких в этой жизни, как чахлые сосенки на болоте. Развлечением было рассказывать, что каждый видел во сне.

— Какой же самый интересный сон приснился тебе? — спросил я Агафью, полагая, что от вопроса она с улыбкою отмахнется. Но она серьезно подумала и сказала:

— Зимой раз цё мне приснилось — чудо! Кедровая шишка с нашу храмину размером... — Агафья сделала паузу, ожидая моего запоздавшего удивления. — Да, Митя из шишки той орехи топором выколупывал. И каждый вот с чугунок...

Это была, как видно, классика сновидений, потому что и Карп в другом разговоре сказал: «Агафье однажды приснилась кедровая шишка, поверите ль — с нашу хибарку!»

Мир Лыковых был очень маленьким: хижина и пространство вокруг, измеряемое дневным переходом. Лишь Дмитрий однажды, догоняя марала, шел двое суток. «Ушел вельми далеко. Марал утомился, упал, а Дмитрий ничего».

В этот раз ради маральего мяса вся семья совершила путешествие с двумя ночевками у костра. И этот поход вошел в ряд событий, которые вспоминали, когда, находясь в хорошем расположении, разматывали клубочек прожитой жизни.

Узелками в этом клубочке были: эпопея борьбы с медведем; падение (без серьезных последствий) Карпа Осиповича с «кедры»; голод 61-го года; смерть матери; строительство хатки возле реки; год, когда обулись в кожаные сапоги, и день паники, когда вдруг потеряли счет времени... Вот и все, что вспомнили вместе отец и дочь.

Великим событием было появление тут людей. Для младших Лыковых оно было примерно тем же, чем стало бы для

нас появление пресловутых «летающих тарелок», реально приземлись они где-нибудь возле Загорска или тут вот, в местечке Планерная, где я сижу сейчас над бумагой. Агафья сказала: «Я помню тот день. То было 2 июня 7486 года (15 июня 1978 года)».

События, которые мир волновали, тут известными не были. Не знают Лыковы никаких знаменитых имен, не знают, что была большая опустошительная война. Когда с Карпом Осиповичем, помнившим «первую мировую», геологи завели разговор о недавней войне, он покачал головой: «Это цё же такое, второй раз, и все немцы. Петру проклятье. Он с ними шашни водил. Едак...»

Заметили Лыковы сразу, как только были запущены, первые спутники: «Звезды стали скоро по небу ходить». Честь открытия этого записана в хронике Лыковых за Агафьей. По мере того как «скорых» звезд становилось все больше и больше, Карп Осипович высказал гипотезу, смелость которой Савином была осмеяна сразу: «Из ума выжил. Мыслимое ли глаголишь?» А гипотеза шестидесятилетнего тогда Карпа Осиповича состояла в том, что это «люди измыслили что-нибудь и пускают огни, на звезды вельми похожие».

Что «огни» не просто пускаются в небо людьми, а сами люди кружатся в них по небу, узнали Лыковы от геологов, но снисходительно засмеялись: «Это неправда...» Между тем самолеты, высоко и даже сравнительно низко над тайгой пролетавшие, они видели. Но в «старых книгах» было сему объяснение. «Будут летать по небу железные птицы», — читал Савин.

Время текло тут медленно. Показывая часы, я спросил у Агафьи и Карпа Осиповича, как измеряют время они. «А цё измерять? — сказал Карп. — Лето, осень, зима, весна — вот тебе год. А месяц по месяцу видно. Вон погляди, уже ущербился. День же просто совсем: утро, полдник и вечер. Летом, как тень от кедры упадет на лабаз, то полдник».

Счет времени по числам, неделям, месяцам и годам имел, однако, для Лыковых значение наиважнейшее. Потеряться во времени — они отчетливо сознавали — значит разрушить строй жизни с праздниками, молитвами, постами, мясоедами, днями рождения святых, со счетом своих тут прожитых лет. Счет времени самым тщательным образом берегли. Каждый день начинался с определения дня недели, числа, месяца, года (по допетровскому исчислению). Жрецом, следившим за временем, был Савин. И вел это дело он безупречно, не ошибаясь. Никаких зарубок, как это было у Робинзона, Савин не делал. Феноменальная память, какая-то старая книга, проверка счета по рождению Луны и непременные коллективные определения утром, «в какой день живем», были частями этого житейского календаря. Не отстали, не забежали Лыковы в хронике жизни ни на один день! Это поразило геологов, когда они спросили

при первой встрече: «А какое сегодня число?» Это поражает их и сейчас, когда встречаются они с Лыковыми.

«Лишь однажды, — рассказывает Агафья, — Савин испугался, что сбился». Это был день большой паники. Все вместе стали считать, сличать, вспоминать, проверять. Агафья с ее молодой памятью сумела схватить за хвостик чуть было не ускользнувшее Время.

С нескрываемым удовольствием Агафья объяснила нам всю систему учета бегущих дней. Но люди, привыкшие к справочной службе, часам, отрывным и табельным календарям, ничего, разумеется, не поняли, чем доставили милой Агафье вполне законное удовольствие.

О людях младшие Лыковы знали по рассказам-воспоминаниям старших. Вся жизнь, в которой они не участвовали, именовалась «миром». «Мир этот полон соблазнов, греховен, богопротивен. Людей надо таиться и бояться» — так их учили. Можно понять потрясение младших в семье, забитых и темных, но не лишенных способности размышлять, когда они увидели: «Люди, хоть и не молятся, а хорошие люди».

У Лыковых появились искренние друзья. Я попросил Агафью и старика их назвать. Назвали: «Единцев Евгений Семенович — золотой человек... Ломов Александр Иванович — помоги ему бог, тоже хорошее сердце имеет». Сердечным другом Лыковых был наш проводник Седов Ерофей Сазонтьевич. С ним старик и Агафья советовались, просили о чем-то, уговаривали взять орешков. В числе друзей значится тут повариха геологов Надежда Егоровна Мартасова, которой Агафья исповедовалась во всем после смерти сестры, геолог Волков Григорий. «А помните ли тех четверых, что первыми к вам пришли?» — «А как же: Галя, Виктор, Валерий, Григорий! — в один голос сказали отец и дочь. — Поклон им, коли увидите!»

Появление людей вначале Лыковы приняли как печальную неизбежность. Но очень скоро из молодых кто-то робко предположил, что они «богом посланы». Савину и Карпу Осиповичу такое толкование событий понравиться не могло. На приглашение посетить лагерь не сказали ни «да», ни «нет». Однако скоро пришли. Сначала, правда, вдвоем: отец и Савин — разведать. А позже и все заявились. И стали являться в два месяца раз.

С каждой встречей отношения все теплели. Было обоюдное жгучее любопытство. Геологи показывали «найденным людям» все, что могло их интересовать. Савин долго стучал по фанере ногтем, разглядывал ее с торца, даже понюхал: «Цё такое, доска не доска — вельми легкая и прочна». Бензопила, понятное дело, повергла всех в изумление. Лодку с мотором оглядели, ощупали, проплыть не решились, но с интересом смотрели, как лихо летела она против течения Абакана. Хозяйственный Карп Осипович, все оглядев, оценив по достоинству, счел

нужным дать начальнику экспедицнн тайный совет: «Повара прогони. Нерадив. Картошку чистит, не сберегая добра. И много харчей собакам бросает».

С собаками дружба не вышла у Лыковых. Добродушные, разноплеменные, готовые всякого обласкать, облизать, Ветка, Туман, Нюрка и Ахламон никак не хотели прнзнавать Лыковых, поднималн при их появлении лай несусветный. По этому лаю даже стали определять: не гости ли с гор? Бежали за мостнк глянуть. В самом деле, гуськом, босые, в занятных своих одеждах, с длинными посошками шли Лыковы. Необычный вид этих людей и запах, очень далекий, конечно, от ароматов «Шанелн», собак возбуждалн, и стихали они «вельми неохотно».

В поселке есть хорошая баня. И прн отсутствии прочих других удовольствий в тайге топят ее почтн ежедневно. Лыковым предложили попариться. Все наотрез отказались: «Нам это неможно».

Среди запретов, ни разу ннкем не нарушенных, была и еда. Уж чем только не соблазняла их повариха! Нет! Садились в сторонке под «кедрой», развязывали свои мешкн и ели черный картофельный хлеб, запивая водою из Абакана.

Спать, однако, соглашалнсь под крышей. Дмитрнй, не раздеваясь, в своей «лапатннке» ложнлся на раскладушке — «тепло и мягко, и свет вельми добрый». Дед ложился спать у кровати. Савин то ли по привычке, то ли нз прннципа спал полусидя на корточках, прнслонив голову к стенке.

В беседах, проходивших обычно жнво и даже весело, однажды дело дошло до момента нензбежно естественного. «Бросали бы вашу нору, перебирались бы к нам!» — сказала сердобольная повариха, считавшая долгом особо печься о Лыковых-сестрах. Все прнмолкли и повернулись к Савину. Даже дед поднял брови. «Им надо прясть н богу молнться», — сказал Савнн.

Более к разговору на эту тему не возвращалнсь. Но визиты взаимные не прекратились. Отношення становнлись теснее и дружелюбней. Возле реки у нижней нзбушки Ерофей показал мне «пункт связн» — берестяной шалашнк под кедром. В нем когда-то геологи оставили глыбку соли с надеждой: возьмут. С тех пор шалашик служит для всяких случайных посылок. Вверх по реке поднимается кто-нибудь — в шалашнк кладет гостинец. И в нем, в свою очередь, всегда находит берестяную упаковку орехов илн картошки.

Оставшнсь вдвоем, Карп Осипович и Агафья, по словам Ерофея, «совсем обруселн». Откровенно говорить стали: «Без вас скучаем». А когда дошел до ннх разговор, что участок геологов могут закрыть, погрустнелн: «А как же мы?» — «Да к людям, к людям надо вернуться!» — сказал Ерофей. «Нет, нам неможно. Грешно. И вельми далеко углубились, чтобы вернуться. Тут умирать будем».

Наши с Агафьей и стариком разговоры были обстоятельно-долгими и для обеих сторон интересными.

В день, когда плотничали, старик спросил:

— А как там в миру? Большие, я слышал, хоромины ставят...

Я нарисовал в блокноте многоэтажный московский дом.

— Господи, да что же это за жизнь — акн пчелы во сотах! — изумился старик. — А где ж огороды? Как же кормиться при такой жизни?!

Были в общении и маленькие проблемы... Об отношении Лыковых к бане, к мылу и к теплой воде я уже говорил. В хижине возле дверей и на дереве, возле которого мы разложили костер, висят берестяные рукомойники. Общаясь с нами, старик и Агафья время от времени спешили к этой посуде с водой и омывали ладони. Не от грязи, а потому, что случайно коснулись человека из «мира». Причем, я заметил, мытья ладоней даже и не было, был только символ мытья, после чего Карп Осипович тер руки о портки чуть повыше коленей. Агафья же — о черное после пожара платье.

Были у нас с Николаем Устиновичем некоторые трудности с фотографией. Ерофей предупредил: «Сниматься не любят. Считают — грех. Да и наши их одолели сниманьем». Все дни мы крепились — фотокамеры из рюкзаков не доставали. Но в последний день все же решились заснять избушку, посуду, животных, какие ютились возле жилья. Старик с Агафьей, наблюдая за нашей суетливо-вдохновенной работой в окошко из хижины, говорили сидевшему возле них Ерофею: «Баловство это...» Раза четыре «щелчки» случились в момент, когда старик и Агафья попадали в поле зрения объектива. И мы почувствовали: не понравилось старику. И действительно, он сказал Ерофею: «Хорошие, добрые люди, но цё же машинками-то обвешались...»

Когда мы взялись укладывать рюкзаки, Карп Осипович и Агафья опять появились с орехами — «возьмите хоть на дорогу». Агафья хватала за край кармана и сыпала угощение со словами: «Тайга еще народит. Тайга народит...»

Перед уходом, как водится, мы присели. Карп Осипович выбрал каждому посошок: «В горах без опоры неможно». Вместе с Агафьей он пошел проводить нас до места, где был потушен пожар.

Мы попрощались и пошли по тропе. Глядим, старик и Агафья семенят сзади — «еще проводим». Проводили еще порядочно в гору — опять прощание. И опять, глядим, семенят. Четыре раза так повторялось. И только уже на гребне горы двое, нас провожавших, остались. Агафья теребила кончик дареного ей платка, хотела что-то сказать, но махнула рукой, невесело улыбнувшись.

Мы задержались на гребне, ожидая, когда две фигурки,

минуя таежную часть дорожки, появятся на поляне. Они появились. И, обернувшись в нашу сторону, оперлись на посошки. Нас видеть они уже не могли. Но, конечно, разговор был о нас.

— До зимы теперь разговоров, — сказал Ерофей, прикидывая, когда сможет еще навестить это не слишком людное место. — Люди же, люди — жалко!

Тропинка довольно круто повела нас вниз к Абакану.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот такая история... Почти «ископаемый» случай в человеческом бытии. Можно предположить: таких тупиков фанатичная вера в силы, лежащие за чертой жизни, и бегство от самой жизни рождали в прошлом немало. За триста лет от Никона и Петра тайга поглотила множество всяких скитов, хижин, могильных крестов. Но одно дело — давнее прошлое, другое — как эхо прошлого, как находка живого мамонта, этот таежный случай.

Сложное чувство испытал я, встретившись с Лыковыми. Очень занимала возможность крошечной группы людей выжить в добровольно избранных ею условиях без соседства себе подобных, без радости улыбнуться кому-то, без возможности попросить помощи, подать, наконец, кому-то предсмертный крик. Один на один с небедной, но беспощадной природой. Не с той «природой», куда мы ходим и ездим подышать воздухом, полюбоваться закатом, послушать птиц и вернуться потом в жилище с теплой водой, со светом, с магазином в пяти шагах. Тут вызов был брошен силам, с которыми люди имели дело в далекопещерные времена.

Разница между теми давними нашими предками и этими добровольными робинзонами, конечно, была. Лыковы принесли от людей «багаж» навыков и умения взять у природы хотя бы насущное. Но «багаж» этот был очень тощим. Многое надо было самим открывать, изобретать, приспосабливать. В чистом виде борьба за существование! Борьба драматическая, как полет во вселенную без возвращения на Землю. Лыковы в этой борьбе, надо признать, одержали победу.

Но каков смысл победы, одержанной стариком Лыковым, пережившим свое потомство? Эта победа бессмысленна. «Жили, страдали...» Не в радости жизни, не в продолжении себя в делах и в потомстве виделся смысл, а лишь в страданиях, чтобы заслужить «блаженство на небе» или хотя бы снисхождение бога.

Бурильщик в поселке геологов, когда это все мы вечером обсуждали, сказал: «Если бы богом был я, то, вопрошая о том, кто и как тут жил на земле, я бы, выслушав Лыковых, усмех-

нулся: грех, великий грех — так неразумно, так жалко распорядиться жизнью!»

Бывают в человеческой жизни ошибки — оступился в отношениях с близкими, здоровье неосмотрительно потерял, обидел кого-то, стезю в житейских делах неверную выбрал, потратил силы на что-то бесплодное. Да мало ли в жизни ошибок, подчас драматических. Но целую жизнь превратить в сплошную ошибку — это трагедия! Я не решился задать Карпу Осиповичу вопрос: не жалеет ли он обо всем, что сделано его волей? Вопрос суровый, и он, возможно, сам по себе встает ночами в седой голове старика, ибо нельзя не видеть, сколь печален конец таежного жития.

Всех Лыковых жалко. Старика жалко — впустую потратил крепость своего духа, житейский опыт, сильную волю. Акулину Карповну жалко — она как заблудшая нитка в хождениях за иголкой. Старший сын умер озлобленным против отца, фанатически убежденным, что жить было надо еще суровей, чем жили. Наталья... Гляжу на снимок: рассматривает подаренный ей платочек — минута маленькой радости. Что было отрадного в ее жизни? Пряла, варила, утешала и умерла с мукой: а как же Агафья? Дмитрий... Он, кажется, прозревал, и можно только догадываться, какие бури сомнений и трудных вопросов рождались в его душе. И Агафья сейчас... Вспоминаю ее в первый день встречи после тушения пожара. Вся черная, валится от усталости. И передышки не видно. Сейчас, представляю, роет картошку, а там зима с полутораметровым снегом возле избенки. И завтрашний день? Отец пока еще крепок, но 84 — это 84. Что будет с ней? С геологами мы говорили об этом. «Придумаем что-нибудь, — сказал Ерофей, — не бросим одну».

Мир человеческих ценностей... В нем много крайностей и условностей. Один строит разве что только не замок с гаражом, с заборами, с дорогой мебелью и вздыхает, несчастный: у соседа еще богаче. Другой счастлив тем, что есть у него в рюкзаке. Один даже к соседу за два квартала едет в автомобиле и в лесу сидит на раскладном стуле, другой пешком готов до полюса топать. Один не расстается с приемником, телевизором, другому ухо радует стрекотание сороки и гвалт воробьев. Один жаждет побыть в одиночестве, другому подай компанию... Можно и Лыковых в какую-либо самую крайнюю крайность зачислить и попытаться их как-то понять. Однако есть вещи, без каких человека представить трудно: тепло, свет, чистая рубашка, чистая постель, возможность улыбнуться кому-то, отправиться хотя бы в соседнюю деревню узнать, как другие живут. Всего этого Лыковы были лишены.

Пятачок жизни (15×15 километров) с небом над головой был ими исхожен очень усердно. И что-то в этом крошечном мире они, разумеется, открывали. Но была еще большая Земля, постепенное открывание которой по книгам, по картам, а

потом в маленьких и больших странствиях — величайшее наслаждение и радость для человека. Этой радости Лыковы были лишены совершенно. Они не знали, что Земля — это шар, не знали, что есть на ней Антарктида, Камчатка, течение Гольфстрим, вулканы, пустыни, что большая часть Земли — океан, что люди опускались на самое дно океана и по полгода летали в небе.

Не знали Лыковы, что, кроме Никона и Петра I, жили на земле великие люди: Галилей, Колумб, Магеллан, Леонардо да Винчи, Ленин, Толстой, Циолковский... Конечно, человек может быть счастлив и не зная всего, что было на земле до него, но познание мира — одна из самых значительных радостей жизни.

И есть в этом росте познания особая грань, когда после всего, что дорого с детства, человек расширяет границы любви. Родными ему становятся большие пространства, он чувствует себя хозяином этих пространств, ощущает себя частицей большой человеческой общности на Земле. Это великое чувство, чувство Родины, у Лыковых было с крупинку.

Убито было в этой убогой жизни и чувство красоты, природой данное человеку. Ни цветочка у хижины, никакого украшения в ней. Никакой попытки украсить одежду, вещи. Не знали Лыковы песен. Первобытные люди в этом были богаче. Их завитушки на дошедших до нас горшках, их рисунки на стенах пещер — отражение радости бытия.

Научились писать... Но спроса на это умение не было. Лишь иногда оставляли друг другу записки на бересте: «Ушел на охоту», «Глядите нас на черничнике».

И еще одна ипостась в этой редкой истории. Каждый человек в жизни имеет право быть хозяином своей судьбы. Лыковы, Акулина и Карп, свою судьбу выбирали сами. А дети? Дети Лыковых стали пленниками обстоятельств. Они были в жизненной западне. Перед любым человеком в «миру» открыто несчетное число троп и дорожек, множество разных возможностей — пробуй и выбирай. Тут же выбора не было.

И заглянем, наконец, в сердцевину трагедии: нарушен был ход самого естества жизни. Младшие Лыковы не имели драгоценной для человека возможности общения с себе подобными, не знали любви, не могли продолжить свой род.

Виною всему фанатичная, темная вера в силу, лежащую за пределами бытия, с названием бог. Религия, несомненно, была опорой в этой страдальческой жизни. Но и причиной страшного тупика была тоже она.

Религиозность в этих особых «бегунских» условиях издавна обрастала множеством разных табу и обрядов, продиктованных жизнью.

Мыло, спички «греховны» издавна потому, что где же их взять «бегуну». А вот картошка, некогда очень греховная («многоплодное, блудное растение»), стала основной пищей —

куда ж без нее? Вся «мирская» еда «греховна», потому что, отведав ее, разве станешь есть свой землистый «лыковский хлеб»? И это табу обозначено четко и строго — грех! За все общение с геологами Лыковы не попробовали ни хлеба (у геологов он отменный — Москва позавидовать может!), ни сахара, ни молока, ни чая, ничего — грех!

Кое-что в разряд «греховного» Лыковы занесли уже тут, на горе. Баня — пример характерный. Карп Осипович в молодости парился с веничком. В таежном житье баня могла бы стать главной радостью бытия, могла «диктовать» чистоту и опрятность во многом другом, служить лечебницей. Но Лыковы опустились, и баня сделалась учреждением греховным...

Любопытство и сострадание вызывает эта вдруг неожиданно, сразу поредевшая группка людей. Три смерти почти друг за другом! Как можно их объяснить? Может, какой-то привычный и безопасный для «мира» вирус, занесенный сюда, оказался для Лыковых роковым? Я это выяснял специально. И, думаю, вирусы ни при чем.

Ныне модное слово «стресс» Лыковым незнакомо. Но именно эта встряска коснулась их всех. Появление людей, общение с ними, мгновенное расширение мира от пятачка до гигантских размеров было для младших Лыковых подлинным потрясением. Добавим сюда мучительные вопросы: «А правильно ль жили? Вон как у них — тепло, светло, весело. А у нас?» И в это же время Савин с его окриками, да и внутренний голос: «Нельзя, греховно!» Это был стресс такой силы, какой, возможно, не пережили люди даже при высадке на Луну. Им-то и были ослаблены силы уже постаревших людей (Савину было 56, Наталье — 46, Дмитрию — 40).

Дмитрий до этого не простужался, ходил, случалось, босой по снегу, в ледяной воде ловил рыбу. Но всему ведь бывает предел. И тут ослабленный организм с воспалением легких справиться не сумел. Пенициллин бы, возможно, помог. Но я уже говорил, как отнеслись к предложению о помощи Лыковы: «Сколько бог дал, столько и проживет».

А дальше пошло как в известном правиле домино: одна костяшка упала — валится друг за другом весь ряд. Савин и Наталья давно страдали болезнью кишок. Смерть Дмитрия резко болезнь обострила. Наталья прямо сказала: «Умру от горя...»

И осталось Лыковых двое.

Время поставить точку. Я внимательно оглядел памятные вещички, привезенные из тайги: краюшка черного страшноватого «хлеба», еловый посошок, даренный стариком Карпом мне на дорогу, туесок, с которым Дмитрий ходил на рыбалку.

Перебрал снимки, сделанные на Абакане. Дорогие лица

друзей-геологов! Вспоминаю их с благодарностью. И не потому только, что во многом помогли журналисту. Волею случая Волковское железорудное месторождение оказалось вблизи житейского тайника Лыковых. Аскетизм, фанатичная исступленная вера в потусторонние силы вошла в соприкосновение с нормальной человеческой жизнью. Люди, которые жили исключительно верою в бога, повстречались с людьми, у которых само слово «бог» способно вызвать улыбку. И у этой второй стороны вполне хватило мудрости, доброты, чуткости постигнуть бездну трагизма одинокой таежной семьи. Никто не соблазнился Лыковых перевоспитывать, никто над ними не посмеялся, не упрекнул, не взялся переселять их в «нормальную жизнь». Им помогли всем, чем только было возможно: материальными средствами, советом, участием в их делах. И сделано все ненавязчиво, с полным уважением человеческого достоинства, с чувством такта и меры.

Я далек от мысли, что как-то иначе отнеслись бы к людям такой судьбы в любом ином месте, — сострадание свойственно человеку как таковому. И все же в истории этой особо надо отметить то, что мы называем обычно советским характером. Не берусь утверждать, что в Минусинском геологическом управлении работают не люди, а ангелы во плоти. Человеческий мир сложен, в нем много хорошего и дурного. Но в случае с Лыковыми мы видим проявление того, чем советские люди всегда гордились: доброту, сердечность, способность протянуть руку терпящему бедствие. «Без вас не можем теперь», — сказал отшельник Карп Лыков бурильщику Ерофею Седову. В этом особом случае это исключительно высокая благодарность.

...Размышляя, какое подходящее слово найти в окончание этой маленькой повести, я увидел: к двери идет почтальон. Мне письмо. От кого же?.. Оттуда, от Ерофея!

Пишет Ерофей, что все в порядке у них в Абазе и в дальнем таежном поселке. Бурение идет своим чередом. Крючки, посланные из Москвы на всю братию рыболовов, получены. Лес в пойме у Абакана стоит уже золотой. Все живы, здоровы, шлют привет, вспоминают. Главные новости две: «Поставили телевизор в поселке, и приходили в гости дед Карп и Агафья».

Телевизор, как написал Ерофей, «сигнал хватает прямо со спутника связи, видимость — во!». Но поставили эту новинку уже после прихода Агафьи и деда. То-то они бы поохали: «это цё же измыслили!» Жили они в поселке три дня. Попросили помочь — вырыть картошку. «Поможем! И со стройкой поможем. Мы их тут называем «подшефные». Едак!» — ввернул Ерофей под конец лыковское словцо.

Хорошая весть. Она вдохновила меня сочинить Лыковым письмецо. Исписал две страницы усердно печатными буквами, вспоминая речение какого-то древнего Пимена: «Мнится, писа-

ние легкое дело, пишут два перста, а болит все тело». Попросил в письме Агафью и меня порадовать таким же писанием. Положил в конверт письмецо, и в пору смеяться: адрес — «на деревню дедушке» в этом случае слишком точен. Дедушка есть, а деревня? Послал Ерофею с просьбой о передаче по назначению.

Представляю, как долго будет идти письмо. Самолетом до Абакана, потом почта его отвезет в Абазу. Там Ерофей положит письмо в боковой карман теперь уже зимней спецовки и «Антоном», меняющим вахту буровых мастеров, улетит к далекой таежной точке на Абакане.

Не тотчас к Лыковым Ерофей соберется — дела, и не рядом живут. Пойдет, наконец, не один, «со товарищи» уже по снегу и когда Абакан можно будет по льду перейти.

Представляю путь в гору. Альпинистом тут быть не надо, но все же нелегкое дело — занесенной тропою...

Зимой избушка особенно одинока. Дымок струится из трубы в стенке. Постучат гости в дверь: живы? Карп Осипович, лежащий на печке в валенках, вскочит немедленно: «Ерофей!» Агафья заквохчет, запоет своим голоском: «А мы жде-ем, ждеем!» Ну то да се. Орехи обязательно в угощение пришедшим. И тут Ерофей говорит: «А вам письмо из Москвы!» — «Цё, цё? — скажет дед. — Ну-ка, Агафья, лучину!» Нет, в честь гостей будет зажжена свечка. Агафья станет водить по строчкам испачканным в саже пальцем — читать мой листок таким же голосом, каким читает она «Отче наш».

Ерофей скажет, что надо бы человеку ответить на письмецо. Дед, подумав, может, с ним согласится: «Едак-едак, надо бы отписать». А уж если будет сказано так, то Агафья возьмется за «карандаш с трубочкой». И следует ждать мне письмо с печатными старославянскими буквами. (Вот они у меня в одном из блокнотов!) Как будто из XVII века письмо.

Вот такая история... Мы, возможно, еще вернемся к ней. Во всяком случае, писем с реки Абакан я буду ждать с нетерпением.

Июль — октябрь 1982 г.

ЕЗДА В НЕЗНАЕМОЕ

ЗАБОТЫ ПЛАНЕТЫ

В последние годы на научных конференциях и симпозиумах все чаще звучит термин «глобальные проблемы». Эти проблемы обсуждают сегодня представители всех наук и общественных организаций. Председатель научного совета при президиуме Академии наук СССР по философским и социальным проблемам науки и техники, член-корреспондент АН СССР Иван Тимофеевич Фролов рассказывает об этих глобальных проблемах и об основных путях их решения.

о второй половине нашего столетия мир оказался перед лицом качественно новых проблем, которые принято называть теперь глобальными, то есть общемировыми, так как их решение выходит за рамки отдельных государств и зависит от усилий всего человечества. Никогда прежде за всю историю человеческого общества не возникали в мире ситуации, чреватые опасностью для самой цивилизации. Никогда еще человек не обладал столь мощными средствами массового уничтожения и разрушения, какими он располагает сегодня, и возможностями столь сильного воздействия на окружающую среду. Никогда у людей не было таких серьезных оснований для беспокойства о том, хватит ли им или их потомкам природных ресурсов.

Сегодня на Западе есть немало политических деятелей, публицистов и журналистов, характеризующих мировую ситуацию как апокалипсическую; есть среди них и такие, что, подобно последователям секты «свидетели Иеговы», хотели бы убедить мир в неотвратимости глобальной катастрофы. Однако именно против фатальности, против неотвратимости мирового пожара выступают многомиллионные колонны борцов за мир и разрядку, в их ряды вливаются люди самых различных социальных слоев и профессий. Весьма важна в этой широкой, поистине глобальной борьбе против мировой катастрофы деятельность ученых.

Ученые всех стран детально обсуждают особенности и масштабы глобальных проблем и пути их решения. И хотя единого и бесспорного определения «глобальности» применительно к проблемам такого рода еще не выработано и их перечни, составляемые различными исследователями, совпадают не во всем, почти каждый перечень включает в себя такие проблемы, как предотвращение ядерной войны и создание мирной основы для развития международных отношений, перестройка экономических отношений между странами, ликвидация голода и нищеты на земном шаре, проведение активной демографической политики, охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, развитие международного сотрудничества в области науки и техники.

Советские ученые, в том числе и философы, с самого начала приняли активное участие в обсуждении глобальных проблем, взяв на себя инициативу в постановке некоторых из них. Пристальное внимание к кардинальным, общечеловеческим проблемам и глубокое их изучение в масштабах целых исторических эпох — давняя традиция марксизма. Марксистско-ленинская философия разрабатывает методологию и мировоззренческие аспекты глобальных проблем, исследует научные и социальные пути их решения, стимулирует глубокие научные дискуссии по этой тематике, привлекает внимание представителей всех областей знания к гуманистическим аспектам глобальных проблем, включает их в концептуальную связь с общими тенденциями развития цивилизации как в материальной, так и в духовной сфере, в том числе в сфере мировоззрения, науки, культуры и морали.

Философы-марксисты видят сложность глобальных проблем, прослеживают их зависимость от большого числа разнородных факторов — социальных, экономических, политических, культурных, технических, природных, отмечают их необычайную остроту и актуальность, усугубляемые ускорением темпов общественного развития и научно-технического прогресса, их огромные масштабы, их взаимопереплетение, взаимодействие и взаимную обусловленность. Для философов-марксистов, так же как и для представителей других наук, стоящих на материалистических позициях, очевидно и бесспорно, что решение глобальных проблем может быть найдено не только при условии координированных усилий многих стран (с чем согласны все исследователи), но и при разумной организации общественной жизни и научно обоснованном управлении социально-экономическими процессами.

Лучшее этому доказательство дает нам анализ последствий и дальнейших перспектив совершающейся на наших глазах научно-технической революции, которая в значительной степени и породила глобальные проблемы. НТР и сама приняла сегодня глобальные масштабы, ибо не осталось на земле ни одного уголка, где бы в той или иной форме не ощущалось ее влияние. Но несмотря на глобальность, особенности ее проявления во многом зависят от тех общественных отношений, в рамках которых осуществляется развитие науки и техники и которыми определяется, как и с какой целью будут использованы плоды этого развития.

В условиях социализма наука и техника составляют основу гармоничного развития экономики, служат повышению благосостояния людей, расцвету культуры, духовному росту человека. Те противоречия и проблемы, которые порождает НТР, подвергаются всестороннему анализу и разрешаются усилиями всего общества.

Хорошо известно, какие огромные масштабы приняло за по-

следние годы в нашей стране обсуждение вопросов охраны окружающей среды. Десятки и сотни людей выступили в печати с конкретными предложениями; в специальных и популярных журналах рассказывалось об опыте передовых предприятий, перешедших на так называемую безотходную технологию. Принят закон «Об охране атмосферного воздуха». В этом общесоюзном законе сконцентрирован многолетний опыт борьбы за чистый воздух в нашей стране, а также критически осмыслены и использованы достижения других стран. Принципиально новое и важное в нем — это положение о предельно допустимых выбросах в атмосферу, нарушать которые не имеет больше права ни одно предприятие. Такого же рода нормативы установлены и для всех видов автомобильного транспорта.

В этой области, как, скажем, и в области здравоохранения и медицины, основное направление нашей государственной политики — профилактическое: закон требует уже на стадии проектирования нового предприятия принимать в расчет «экологическую опасность» вводимой в действие технологии не только для воды, леса и почвы (это требование уже учитывается проектировщиками), но и для воздушного бассейна. Статья 15 закона не разрешает внедрение открытий и изобретений или приобретение за рубежом технологического оборудования, «если они не удовлетворяют установленным в СССР требованиям по охране атмосферного воздуха». Соответствующие ограничения наложены и на применение средств защиты растений, минеральных удобрений и других препаратов. В законе подчеркнуто, что нормы предельно допустимых концентраций, несмотря на все разнообразие географических и климатических условий в различных районах, едины и обязательны для всех.

На примере этого закона мы видим, что бесконтрольное стихийное развитие техники и технологии в нашем социалистическом обществе абсолютно исключено. Государство трудящихся, проявляя всемерную заботу о научно-техническом прогрессе, в то же время ставит его в определенные рамки и дает ему то направление, которое действительно отвечает интересам человека и общества. Нужно ли доказывать, что только такое государство в состоянии внести наиболее весомый вклад в решение глобальных проблем!

Иное положение создается в капиталистическом обществе с его стихийно развивающейся экономикой. Там объективные тенденции развития НТР проявляются в чрезвычайно сложной форме, усугубляя социальные противоречия и порождая большое количество острых социально-экономических проблем, среди которых, как мы знаем, первое место занимает все растущая безработица. Общество, способное, вне всякого сомнения, добиваться первоклассных результатов в решении чисто технических задач, не в состоянии по-настоящему разрешить ни одной социально-экономической проблемы. Любая такая попытка не-

избежно наталкивается на препятствия, свойственные самой природе капиталистического строя. И не случайно, что в капиталистическом сознании научно-техническая революция, наука и техника вообще часто принимают искаженный и угрожающий облик, воспринимаются как некие самодовлеющие силы, глубоко враждебные человеку, а среди идеологов капиталистического общества все чаще звучат пророчества о приближающейся гибели цивилизации — гибели, которую якобы несет «вышедший из-под контроля человека» научно-технический прогресс. Эти взгляды присущи теоретикам самых различных школ и направлений — от экзистенциалистов, противопоставляющих «техническую цивилизацию» «свободному развитию человека», до неомальтузианцев, грозящих взрывом «демографической бомбы», и различного толка теологов, предсказывающих гибель «погрязшего в грехах» человечества, если оно не «создаст новую или не изменит старую религию».

Как показывает анализ современного исторического развития, возникновение и развитие глобальных проблем в первую очередь обусловлены социальными процессами и отражают присущие этим процессам диалектические противоречия. В связи с этим мы весьма далеки от того, чтобы равномерно «распределять» ответственность за обострение глобальных проблем между всеми государствами мира. Энергетический, продовольственный, демографический и другие кризисы — разве это не результат бездумного, хищнического отношения к природе, к ее ресурсам, свойственного как домонополистическому капитализму, так и современным межнациональным корпорациям? Разве это не результат беспощадной эксплуатации колоний в прошлом и развивающихся стран в настоящее время, безоглядного разрушения в этих регионах сложившихся веками общественных структур и полного пренебрежения экономическим, социальным и культурным развитием эксплуатируемых народов?

Именно по этим причинам обострение глобальных проблем стало одним из новых и важных факторов роста национально-освободительных движений, укрепления национального самосознания в развивающихся странах, стимулом их борьбы за подлинную экономическую независимость. Столь же естественно, что глобальные проблемы становятся сегодня существенной частью политических программ пролетариата в развитых капиталистических странах и привлекают там внимание широких кругов прогрессивной научной общественности.

На Западе и в среде советских исследователей широко известны, например, работы, выполненные по заказам «Римского клуба» — неправительственной организации, которая объединяет около ста ученых, промышленников и менеджеров, озабоченных судьбами человечества. «Римский клуб» занят серьезным изучением глобальных проблем, но выводы, к которым при-

ходят его представители, нередко значительно отличаются от нашей позиции. Председатель клуба А. Печчеи в своей последней книге «Человеческие качества» рассказывает о нехватке сырьевых ресурсов, о загрязнении среды и призывает к коренному пересмотру целей и критериев мирового развития. Он пишет: «Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам же внес в этот мир. Поскольку проблема, возникшая на этой критической стадии его развития, находится внутри, а не вне человеческого существа, как на индивидуальном, так и коллективном уровне, то ее решение должно исходить прежде всего и главным образом изнутри этого существа. Иными словами, проблема сводится к человеческим качествам, к тому, как их можно улучшить. Трансформация нашей материальной цивилизации и разумное использование ее огромного потенциала возможны лишь за счет соответствующего развития во всем мире человеческих качеств и способностей».

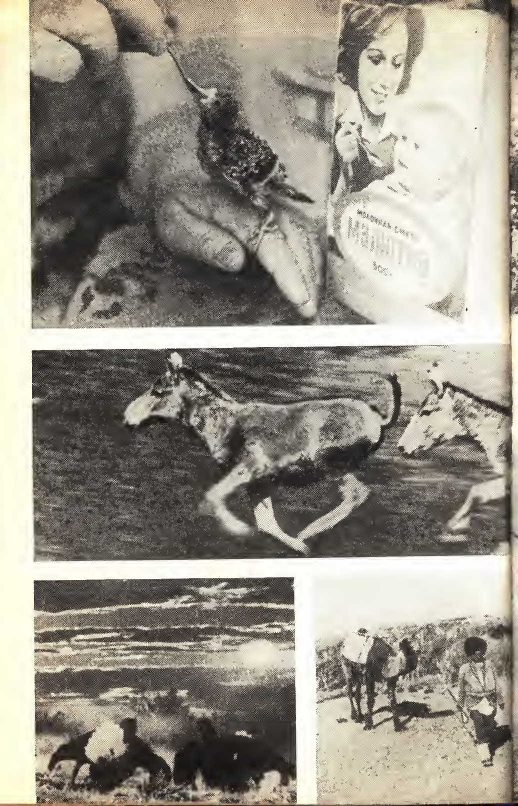
Мы считаем, что точка зрения А. Печчеи не выдерживает критики. Важны ли изменения в человеческом сознании для решения глобальных проблем? Безусловно! Каждая из этих проблем требует от всех нас, так или иначе участвующих в развитии общественной жизни, четкого понимания их актуальности и остроты, осознания своей ответственности за жизнь и здоровье будущих поколений, определенной нравственной позиции. Но можно ли считать это главной движущей силой, способной избавить человечество от противоречий глобальной проблематики, столь тесно связанной со всем комплексом социально-экономических и политических проблем? Конечно, нет.

Решающая роль в решении глобальных проблем и в той «человеческой революции», о которой мечтают А. Печчеи и его сторонники, принадлежит социальным преобразованиям. Об этом наглядно свидетельствует опыт нашей страны, где уже в первые десятилетия после Октябрьской революции была создана широкая сеть образования и здравоохранения, выросла мощная научно-техническая база, а сельское хозяйство переведено на механизированную основу.

С самого начала отличительной чертой социально-экономической политики в нашей стране было стремление к рациональному, комплексному использованию природных ресурсов. Особое внимание было обращено на развитие некогда отсталых районов, где объем промышленной и сельскохозяйственной продукции увеличивался в 1,5—3 раза быстрее, чем по стране в целом, и где были заложены прочные основы для культурного и духовного роста людей. Из практики социалистического строительства видно, что преобразование общественных отношений неизбежно ведет к преобразованиям в общественном и индиви-

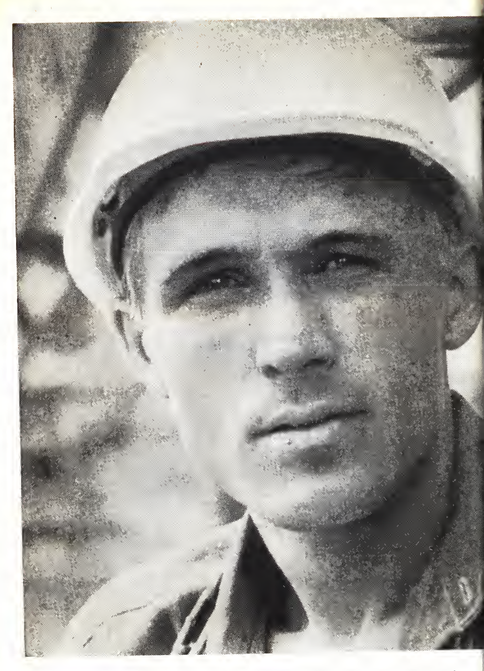
Чтобы сделать ребенка умным и рассудительным, сделайте его крепким и здоровым: пусть он работает, действует, бегает, кричит, пусть он находится в постоянном движении!

Ж. Руссо



Движение как таковое может по своему действию заменить любое средство, но все лечебные средства мира не могут заменить действие движения.

Т. Тассо

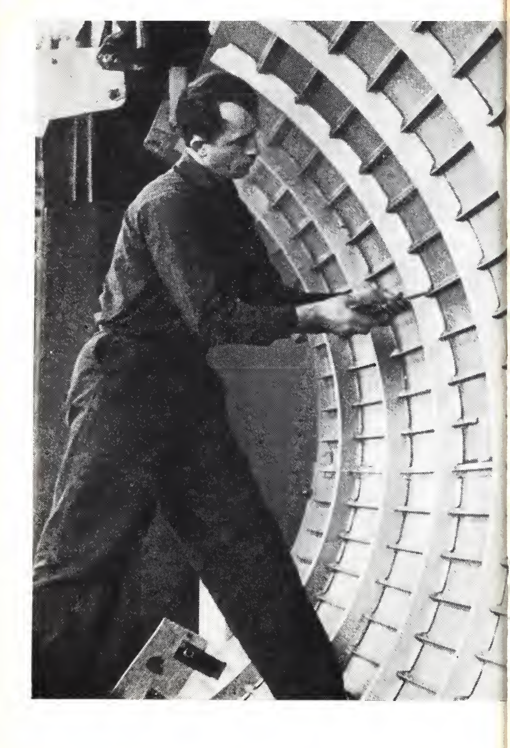


Труд же сделал из нас ту силу, которая объединяет всех трудящихся.

В. Ленин

Человек должен верить, что непонятное можно понять: иначе он не стал бы размышлять о нем.

И. Гёте

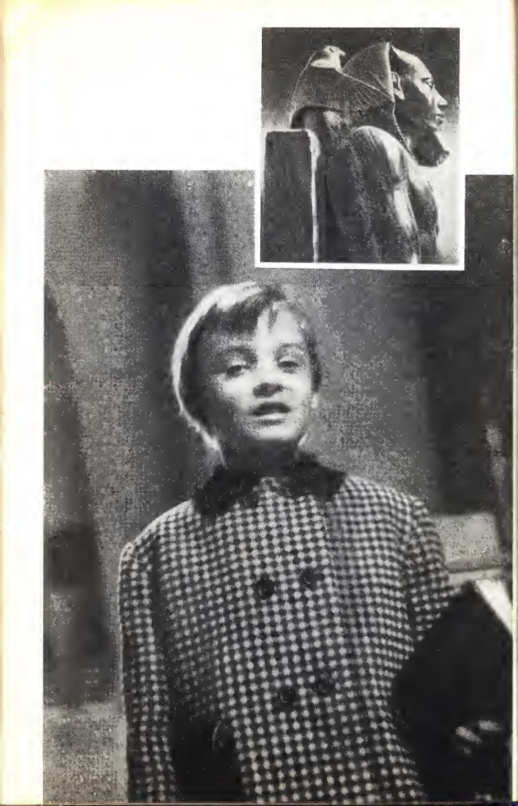


...Для социалистического человека вся история есть не что иное, как образование человека человеческим трудом.

К. Маркс

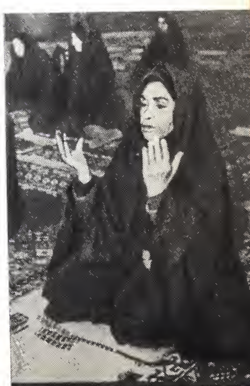
ТАЕЖНЫЙ ТУПИК

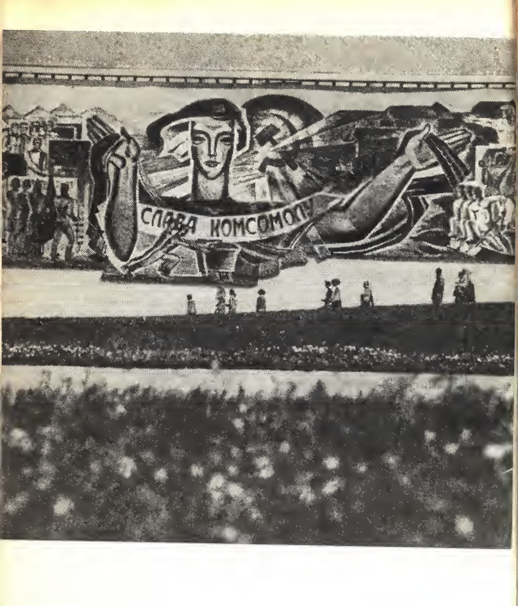
Верховье реки Абакан; таежная хижина; хозяйственный инвентарь, много лет служивший отшельникам; сами Лыковы — Карп Осипович, Агафья и Дмитрий — в лето первой встречи с геологами (1978 г.). Справа — отец и Агафья в 1982 году.



Слепая вера, лежащая в основе всех религий, — источник заблуждений, иллюзий, обман.

Ж. Мелье





Единственный путь, ведущий к знанию, — это деятельность.

Б. Шоу

Я не знаю ни одной книжной истины, которая для меня была бы дороже человека. Человек есть вселенная, и да здравствует вовеки он, носящий в себе весь мир.

М. Горький

дуальном сознании, к установлению прочных моральных и этических норм, к повышению чувства ответственности, что всякой «человеческой революции» предшествует революция социальная.

Но не от одних социальных преобразований зависит сейчас решение глобальных проблем, а от общего политического климата на нашей планете, от степени взаимопонимания между странами, от их готовности идти на коллективные действия в общих интересах. Это обстоятельство и придает глобальным проблемам политический характер и ставит их решение в зависимость от разрядки международной напряженности, обеспечивающей возможности для широкого научно-технического и экономического сотрудничества.

Каждому человеку известно, что, когда сталкиваешься со сложной и трудной задачей, важно нащупать главное звено в цепи загадок, которые лежат перед тобой, и ухватиться именно за это звено. Главное звено сегодня — предотвращение термоядерной войны и борьба за мир, разоружение, с конструктивными программами которого последовательно и неуклонно выступает Советский Союз. Без эффективного разоружения потери всех ресурсов будут безудержно расти и решение любых глобальных проблем станет еще более трудным, а то и вовсе невозможным.

По подсчетам швейцарского ученого Ж. Бабеля, за время существования нашей цивилизации, то есть примерно за пять с половиной тысяч лет, произошло 14 513 войн, в которых погибло более трех с половиной миллиардов человек. Только во время второй мировой войны, когда военные действия велись на территории 40 государств, ее жертвами стали 50—55 миллионов человек. Число раненых достигло 34—35 миллионов, 20—25 миллионов остались инвалидами. Сегодня же, в эпоху ракетно-ядерной техники, война стала абсолютно недопустимой, так как она может привести к уничтожению всего живого и превратить нашу неповторимую планету в безжизненное космическое тело, зараженное радиоактивными веществами.

По данным ООН, ежегодные военные расходы в мире превышают 400 миллиардов долларов: это в 2,5 раза больше, чем тратится на здравоохранение, и в 1,5 раза больше, чем на образование. Чтобы покончить с голодом, болезнями и неграмотностью, достаточно суммы, равной 8—10 процентам мировых военных расходов.

Программа экономической и технической помощи развивающимся странам, ставящая своей целью увеличение производства продовольствия в этих регионах, оценивается всего в три миллиарда долларов — это меньше одного процента расходов на вооружение, а продовольственная помощь, необходимая для того, чтобы уже сегодня обеспечить нормальным питанием детей Африки, Азии и Латинской Америки, стоит еще меньше.

Рассмотрим в заключение такую, например, проблему, как возможное изменение климата на Земле. На первый взгляд она кажется далекой от острых политических и социальных задач современности, но это лишь на первый взгляд.

Климат планеты менялся на протяжении тысячелетий, и такой естественный процесс природы будет происходить и дальше. Но сегодня к таким факторам изменения климата прибавилось и влияние хозяйственной деятельности человека. Размеры искусственных сооружений, доля преобразуемой земной поверхности, количество извлекаемых из недр полезных ископаемых уже стали такими, что мы не можем считать окружающую природную среду безграничной, а ее элементы неисчерпаемыми. Климат в этом отношении играет особую роль, так как все отрасли экономики развиваются с учетом его особенностей, а подавляющее большинство форм человеческой деятельности оказывает на него то или иное воздействие.

Один из наших крупнейших метеорологов, академик Е. Федоров, считал, что в ближайшие десятилетия можно ожидать небольших изменений климата, подобных тем, что были за последние 100—200 лет, и начнутся они скорее всего с незначительного потепления в северном полушарии. Член-корреспондент АН СССР М. Будыко полагает, что потепление может оказаться значительным: накопление в атмосфере углекислого газа, которое приведет к этому потеплению, идет слишком быстрыми темпами. Что же произойдет тогда?

«Допустим, — пишет М. Будыко, — что в результате потепления начнется медленное отступление полярных льдов и увеличится пространство чистой воды в северных морях. Вода будет аккумулировать солнечное тепло, которое раньше отражалось от поверхности полярных льдов. Уменьшится толщина льда, нарастающего за зиму, а следовательно, на следующий год площадь чистой воды станет еще больше. За короткий срок может сократиться площадь ледяной шапки, окружающей Северный полюс, нарушится сложившийся характер перемещения холодных арктических потоков в низкие широты. Это обстоятельство, в свою очередь, скажется на распределении осадков на территории целых континентов. Пустыни начнут наступать на важные районы земледелия. Это негативная сторона процесса. С другой стороны, при потеплении улучшатся условия полярной навигации и значительно облегчится освоение северных районов. Повысится и продуктивность сельскохозяйственных культур в районах со сравнительно холодным и влажным климатом».

Два крупнейших специалиста в области климата сходятся на том, что обусловленные деятельностью человека климатические изменения становятся реальностью, ученые лишь расходятся в оценке их темпов и масштабов. На Всемирной конференции по климату, проходившей в 1979 году в Женеве, выска-

зывались и другие точки зрения на характер изменения климата, но все они отражают тревогу по поводу того, что продолжающееся расширение хозяйственной деятельности человека может привести сначала к региональным, а затем и к глобальным переменам в климатических условиях.

По мнению большинства ученых, изменения регионального и глобального масштабов можно будет обнаружить до конца этого столетия, а к середине следующего они станут значительными. «Этот временной масштаб, — говорится в Декларации Всемирной конференции по климату, — аналогичен временному масштабу, необходимому для того, чтобы переориентировать в случае необходимости работу многих отраслей мировой экономики, включая сельское хозяйство и производство энергии. Поскольку изменения климата могут оказаться благоприятными в некоторых частях мира и неблагоприятными в других, может потребоваться значительная социальная и технологическая перестройка».

Как видим, сами климатологи приходят к выводу о связи климатической проблемы с социальными перестройками и их неизбежности. Совершенно очевидно, что при всех попытках представить себе климат будущего мы должны знать, какими путями будет развиваться экономика, каковы планы долгосрочного развития отдельных стран, регионов, мира в целом. Если же в повестку дня встанут задачи направленного воздействия на климат, для того, например, чтобы сохранить нынешний, то сразу возникнет и множество политических вопросов. Ведь воздействие на климат затрагивает интересы всех стран и народов, оно немыслимо без соответствующих международных договоров. Надо ли лишний раз повторять, что их соблюдение возможно лишь в обстановке прочного и длительного мира — первого условия плодотворного сотрудничества между государствами с различными социальными системами. А коль скоро дело пойдет о сотрудничестве в осуществлении такого глобального проекта, как климатический, который потребует огромных расходов, государствам, участвующим в нем, не останется ничего иного, как энергичнее взяться за разоружение.

Приспособление экономики мира к возможным изменениям климата — одна из глобальных проблем, встающих сегодня перед человечеством. Современный уровень науки и техники уже позволяет наметить конкретные пути к ее решению. То же относится и к другим проблемам. Каждая из них будет решаться различными научно-техническими и организационными методами, но все они могут быть по-настоящему реализованы только в условиях прочного мира, необратимого разоружения, тесного международного сотрудничества и той разумной организации общественной и экономической жизни, лучшие образцы которой, как показывает опыт десятилетий, выработаны в странах социализма.

В. БАГИР-ЗАДЕ,
искусствовед

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ И ПЕЩЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

аскальные рисунки Гобустана в Азербайджане, изображающие пляшущих людей, животных, являются одним из древнейших графических памятников. Восхищают и удивляют мастерски воспроизведенные ритм, динамика движений, пластика.

Когда-то на ныне выжженном солнцем безводном пространстве, в бескрайних лесах, у вечно пенящегося моря жили охотники и пастухи-животноводы.

И море, и звезды, и соседние земли были таинственны. Делая первые шаги в незнакомый мир, человек, оберегаемый великим инстинктом самосохранения, ступал осторожно. И если темноту ночи вдруг прорезали молнии, а разрушительные селевые потоки уносили тех, с кем только что делил радости охоты, оставшийся в живых призывал нечто более могущественное сжалиться над ним и его родом.

При этом заучивались определенные движения, действия, слова. Они переходили от одного к другому, начинали служить племени, роду.

Священнослужители обобщали необходимые ритуальные действия, совершенствовали обрядовые службы и приспосабливали их к тем или иным социально складывающимся общественным условиям. Как правило, отношение масс к божествам утверждалось силой, не гнушались ничем, даже убийством.

Вот один пример. Более шестидесяти арфисток, участвовавших в ритуале погребения в Шумере царя Шуб Ад, бывшего, очевидно, и верховным жрецом, на виду у толпы были вначале одурманены специально приготовленным «священным» напитком, содержащим опиум или яд мухомора, а затем умерщвлены.

Трудно и сейчас, спустя тысячи лет, без содрогания представить себе картину этого массового убийства, подготовленного по специальному сценарию.

...В могильный раскоп под мелодичные звуки музыки и пение юных арфисток в белых фартуках и с серебряными украшениями на смоляных волосах вошли плакальщики.

По знаку жреца в первых рядах плакальщиков упала на колени полуобнаженная рабыня, другая, громко стеная, рвала на себе волосы, некоторые посыпали голову пеплом. Предчувствие общей беды, одурманивающий дым, струйками идущий от курильниц с тлеющими в них семенами конопли и маковых зерен, траурная торжественность, массовый психоз, нагнетаемый контрастностью теней и красок, музыкой, пением и причитаниями, — все это приводило плакальщиков в экстаз.

Сопровождаемый траурной процессией, в могильный раскоп въехал деревянный лафет с телом усопшего царя — верховного жреца и земного бога. Здесь оказались и те, кто согласно религиозным предписаниям должен был отправиться к богам вместе с царем.

Погребальные жрецы, входя в раскоп и набирая в специальные чаши смертельный напиток, поочередно давали испить его арфисткам с таким расчетом, чтобы они, засыпая, умолкали одна за другой. Затем жрец уколами бронзового ножа в печень и сердце «облегчал» участь уходящих в жизнь вечную.

Сыплется земля в могильный раскоп, словно закрывается занавес. Нам трудно представить чувства тех древнейших зрителей, ушедших со своеобразного спектакля — захоронения Шуб Ад (почти то же самое было и с захоронением царицы Абар Ги). По замыслу «постановщиков», сан царя и верховного жреца должен был после того трагического представления обрести в сознании людей божественный смысл.

Наскальные рисунки и... пещерные представления религиозных фанатиков, убивающих юных, ни в чем не повинных рабынь. Далекое прошлое? Скрытые за далью веков потемки разума?

Но вот события, разыгравшиеся через четыре тысячи лет, в конце 1978 года, в джунглях небольшой южноамериканской республики Гайаны, действующими лицами которой оказались прибывшие из США последователи религиозной секты «Народный храм». Приведем документальное свидетельство американского еженедельника «Ньюсуик»:

«— Тревога! Тревога! Тревога! Всем собраться у центрального павильона! — гремел в громкоговорителях голос преподобного Джона, созывавшего свою паству на последнее собрание. — Все примем смерть! — вопил он. — Если вы любите меня столь же сильно, сколь я люблю вас, то все умрем или же будем сломлены внешней силой! Третьего не дано.

Матери прижимали к себе детей.

— В чем они-то виноваты?

— Опомнитесь!

— Поздно! — ответствовал Джон. — Через час мы встретимся на том свете.

И он велел «медицинской» команде принести металлические корыта с ядовитым зельем — прохладительным напитком «Кулэйд», к которому по его приказу был подмешан цианистый калий.

— Сперва давайте детей! — скомандовал Джон.

Огромную толпу его приверженцев оцепили подручные вожака, вооруженные винтовками, пистолетами и даже луками. Некоторые семьи добровольно двинулись к корытам. Другие медлили, и тогда зашевелились стражники. Они вырывали ре-

бят у непокорных матерей и передавали их медицинской сестре, которая разжимала им губы и вливала в рот яд».

В Древнем Египте праздники Дешера, связанные с постройками священных ладей, открытие священного озера у храма «Престолы богов», ритуал «Бег Аписа», связанный с культом Аписа — черного быка, обладавшего, по мнению жителей Мемфиса, особыми приметами, — все эти и другие культовые празднества служили средством возвеличивания правителей, требуя особой подготовки, специальной режиссуры, огромных затрат.

В надписи сиудского монарха Тефиби (XXI век до н. э.), восхваляющей его деятельность, находим любопытную деталь, свидетельствующую о театрализации процессий: «Благой на том свете, в то время как его сын пребывает в доме своего отца. Хороша память о нем в городе. Его статуя сделана хорошо и носится в процессиях детьми его дома».

О том, как любили всякого рода представления египетские цари, говорит и письмо одного из фараонов военачальнику: «Ты сказал в своей грамоте, что доставил карлика для плясок бога из страны Ахтиу... Да оставишь ты с собой этого карлика... живым, целым и здоровым для плясок бога, для увеселения, для развлечения царя Верхнего и Нижнего Египта Неферкара...

...Мое величество желает видеть этого карлика более чем дары рудников».

Как видим, фараон в своем распоряжении не разграничивает пляски и ритуальные, религиозные увеселительные выступления.

Важную роль в таких представлениях играла музыка. Она звучала как в увеселительных, так и в траурных ритуальных процессиях.

Кастовые зрелища не всегда могли удержать в узде народные массы. В конце Среднего царства (около 1750 года до н. э.) произошел социальный переворот, в результате которого жреческая верхушка лишилась монополии на религию, в «Речении Ипусера», например, говорится: «Магические формулы стали общеизвестными. Заклинания «Шем» и заклинания «Сехен» сделались опасными, ибо они запоминаются теперь всеми людьми...

Смотрите: тот, который не знал даже лиры, стал теперь владельцем арфы. Тот, который даже для себя не пел, он восхваляет теперь богиню Мерт».

Автор, очевидно, вышедший из жреческой среды, лишенный в результате социального переворота определенных привилегий, своими призывами к восстановлению религиозного культа подчеркивает и необходимость возрождения зрелищ в соответствии с авторским замыслом: «Помните... о создании восхвалений».

Здесь мы имеем дело с одним из древнейших упоминаний о необходимости авторской творческой деятельности в «создании восхвалений» религиозного толка. К сожалению, археологические изыскания не дали пока достаточно материала о формах создания таких восхвалений, о том, как они исполнялись. Но торжественность культовых обрядов бесспорна.

Порой апологеты современных религий пытаются уверить, что только данное религиозное направление послужило основой развития изобразительного и других видов искусства. Однако, как мы видим, древнейшие свидетельства постепенно раскрывают нам тайны человеческого абстрактного творческого мышления, связанного с почитанием всего таинственного, непознанного, могущественного в природе.

Искусство плакальщиков или жрецов-декламаторов, зародившись в Шумере, развивалось и в других странах.

О связи культур народов Востока различных времен свидетельствует и шумерская ваза, находящаяся в Лувре, с изображением поющего и играющего на музыкальном инструменте, напоминающем дошедший до наших дней саз азербайджанского народного певца — ашуга.

Плакальщиков древнего Лагаша можно с уверенностью назвать первыми профессиональными актерами перевоплощения. Их профессионализм доказывается реформами царя Урукагины (начало XXIV века до н. э.), в которых предусматривается обеспечение продуктами питания плакальщиков наряду со жрецами-чтецами. В их обязанности входило не только чтение молитв и заклинаний, но и исполнение культовой музыки, которая вбирала в себя и народные элементы.

Упорядочения, изменения или другие реформы, проводимые отдельными царями, обычно являлись следствием их борьбы за абсолютную государственную и религиозную власть. Большое внимание при этом уделялось совершенствованию ритуальной службы в храмах.

Хаммурапи во введении к своим законам, похваляясь, пишет, что он упорядочил «великие ритуалы богини Иштар».

Интересно, что в 538 году до н. э. Кир, взяв Вавилон, при всей своей жестокости приказал не трогать храмы. Хроника тех лет оставила свидетельство: «Религиозные обряды в Эсагиле и других храмах не прекращались, и храмовые украшения не были разграблены».

Более поздние религии, включая ислам, многое восприняли от язычества, от бывших ранее храмовых и других обрядов.

Мусульмане так же, как зороастрийцы, например, запретили воспроизведение облика человека, что определило развитие прикладного искусства, продолжали культивировать маскарадные зрелища «масхара», берущие начало где-то в VII—VI веках до н. э. Все это дало простор условности и символизму, особенно в религиозном театре «шебехи».

Исполнение тазийе — поминовения имама — первоначально не носило характера театрального представления. Специальные рассказы «рузехана», чтеца, начали затем оживлять диалогом, постепенно включили действие, ввели костюмы и оформление.

Тазийе исполнялись где угодно: на площадях, на открытых местах, пригодных для постановок и размещения зрителей. Но все чаще стали пользоваться специальным помещением «такийе».

Устройство «такийе» было простым: огромное помещение, сарай, посреди которого находилась высокая эстрада, служившая для артистов костюмерной, туда же проваливались через специальные люки демонические персонажи.

Само помещение внутри драпировалось шелком и другими ценными тканями, украшалось хрустальными лампами, на стенах вывешивались огромных размеров портреты Магомета и Али, хотя религия официально и запрещала изображение лика людей.

Вот все готово к началу представления. Все люди сидят затаив дыхание, зная заранее драматургию этого своеобразного спектакля. Над толпой возвышаются блюстители порядка — фарраши. На эстраду входит рузехан — седовласый величавый старец в зеленой чалме сеида. Он садится на особое место, и воцаряется тишина: начинается проповедь. Иногда это просто набор патетических фраз, почти ничего не выражающих, пламенная импровизация, в которой самое важное — эмоциональная окраска. Все это действует на зрителей. Ибо до этого муллы и марсияхане (певцы — исполнители религиозных од) рассказали в мечетях о святых мучениках, фанатически настраивая народ.

По вечерам у мечетей собирались люди с кинжалами и палками. Держась левой рукой за пояс другого, они двигались в своеобразном ритме, выкрикивая одновременно через определенные паузы: «Шахсей! Вахсей!» (сокращенно от «Шах-Хусейн! Ва-Хусейн!»). При возгласах «Шахсей!» кинжалы и палки взмывали вверх, «Вахсей!» — опускались. Шествие заканчивалось за полночь. Участников процессий затем угощали в мечетях присланной богатыми мусульманами снедью, шербетом.

К зрелищно оформленному траурному факельному шествию подготавливались специальные костюмы в основном белого и черного цветов, длинная рубашка (сарапис) с вырезом на спине, обнажающим лопатки, на голову надевалась черная повязка.

Под звуки трагических напевов фанатики били себя кинжалами, палками, цепями.

Кровь, заклинания, толпы фанатиков — все это уже было в истории. Время трансформировало приемы. Суть же оставалась прежней — лишить человека права самостоятельно мыслить, жить.

Очевидец этих кровавых преступлений М. Горький писал о «шахсей-вахсей»: «Люди жаждут мук, ищут острейших страданий, ненасытные в своем рвении, онн, кажется, готовы рвать свое тело рукамн и разбрасывать по земле горячие, дымящиеся куски его».

А вот свидетельства другого писателя-очевндца, К. Г. Паустовского.

«Помню, — писал он, — летом 1922 года в Батуми, где я тогда жил, ко мне зашел один знакомый писатель. Он предложил пойти вечером посмотреть «шахсей-вахсей». Тогда мы знали об этом обряде лишь то, что это самонстязанне фанатиков в знак памяти их давно погнбших предков-мусульман.

Наступил жаркий, необыкновенно влажный вечер. Напрасно старый батумец пробовал нас остановнть.

— Беда жди, большой беда, — вместо напутствия произнес он, когда мы выходнлн на улицу.

...Когда мы подходнли к мечети, народу становилось все больше и больше. Вскоре людн уже стоялн плотной живой стеной. Постепенно шум толпы начал смолкать. Распахнулись двери мечети. Блеснул огонь факелов. Слышалось тихое позвякивание металла.

Мы, прнвстав на цыпочкн, смогли наконец разглядеть процессию. Человек сорок шлн друг за другом. Одеты они были в длинные белые балахоны. Каждый держал в одной руке факел, а в другой — связку длинных тонких цепей. Подняв факелы высоко над собой, люди в балахонах сначала легко, а потом все сильнее н снльнее стали бнть себя связкамн цепей по спнне. Тишнну быстро сменнл ужасающнй крик. Звенели цепи, слышались воплн людей, полосовавшнх себя железом. Глухо стонала толпа. Белые балахоны на глазах темнели от крови. Цепи превращалн спнны людей в кровавое меснво.

Над толпой несся протяжный крнк: «Ша-а-ахсей-ва-а-ахсей!»

От крови, крнков, дыма факелов кружнлась голова. Одна немолодая женщнна, обезумев, сорвала с себя чадру и, шатаясь, выбежала из толпы на мостовую. К ней тут же подскочнл рослый турок, схватил ее за волосы, повалил на землю, а затем со страшной силой ударил ногой в лицо. Тело женщины несколько раз дернулось н затнхло на пыльных камнях.

Все произошло мгновенно. Расталкнвая людей, мы бросились к этой женщнне. И тут неожиданно ощутили огромную и бурную силу толпы.

На нас смотрели сотни ненавидящих глаз. Как смеют гяуры мешать священной процессни!

Подлинная лнтература, — заключил данный эпизод К. Г. Паустовский, — всегда была гуманна и враждебна всякому изуверству, затемнению человеческого разума, религиозному фанатнзму. Она всегда боролась с оскоплением человеческой души».

С. ИВАНОВ

ПЛЕЧО ПОДСТАВЛЯЕТ... МАШИНА

Время стремительно обогащает наши представления о человеке, его возможностях, резервах. Самые изощренные теологи с их (порой весьма квалифицированными) попытками учесть новые знания о человеке, чтобы сохранить концепцию человеческих возможностей, созданную религией, не могут преуспеть в этих своих стремлениях. Новые факторы в жизни, разнообразные перегрузки, повышенные барьеры нервного напряжения... В разрешении стрессовых ситуаций, в преодолении этих перегрузок раскрываются новые грани и возможности человека.

— А теперь, — говорит режиссер, — сыграем такой этюд. Вы пилот, вас посылали на ответственное и трудное задание. Вы его выполнили и возвращаетесь домой. На аэродроме готовится торжественная встреча — благодарность перед строем, может, даже представление к награде, дружеские объятия, цветы... Вы докладываете по радио, что все в порядке и вы на подходе, и вдруг слышите, что аэродром машину принять не может, садиться надо в другом месте. Торжества отменяются. Вы меняете курс и внезапно обнаруживаете, что вышел из строя навигационный прибор. Затем... Нет, пока достаточно. Начали!

Актер, сидя за воображаемым штурвалом, всматривается в воображаемую даль. В его глазах предвкушение триумфа, на губах победоносная улыбка. Короткий разговор с диспетчером, и от упоения нет и следа. Разочарование, досада, тревога, сосредоточенность — целый спектр чувств отражается на его лице, в его интонациях, когда он переговаривается с аэродромами. Но подлинные ли эти чувства, размышляет режиссер, глубоко ли он вжился в роль? Впрочем, приборы покажут...

Нет, это не актерский экзамен, не проба на роль, и дело происходит не в студии, а в физиологической лаборатории. Только актеры настоящие — из МХАТа, из «Современника», из театра имени Маяковского, из детского. Но экзаменуются не они — экзаменуется научная идея, не имеющая к театру никакого отношения.

Все мы, хотя бы в общих чертах, представляем себе, как выглядит пост управления автоматизированным производством, например, энергосистемой. Большой светлый зал. Во всю стену щит с приборами, лампочками, мнемосхемами. За пультом сидит оператор и, глядя на стрелки приборов и на мигающие лампочки, время от времени поворачивает переключатели или нажимает кнопки. Всеми технологическими агрегатами — турбинами, генераторами, котлами — управляет автоматика, а опе-

ратор лишь следит за ее работой и ждет аварийного сигнала, когда автоматика позовет его на помощь.

Человеку несведущему такая работа может показаться до неприличия легкой. Но легкость эта обманчива. Нет ничего тягостнее бездеятельного ожидания. Прождав несколько часов, человек может дойти до такой степени напряжения, что аварийный сигнал начнет ему мерещиться в солнечных бликах и в погашенных лампочках.

Но вот сигнал прозвучал — оператор должен вмешаться. Иногда вмешательство настолько стремительно, что трехминутное дело выматывает человека не меньше, чем месяц изнурительной работы. В одной из наших энергосистем вдруг сразу отключилось несколько генераторов. Оставшиеся генераторы, на которые мгновенно пала огромная нагрузка, через несколько минут тоже вышли бы из строя. Со сверхчеловеческой быстротой дежурный диспетчер восстановил разладившийся режим, а на другой день был отправлен в санаторий — приводить в порядок нервную систему, претерпевшую перегрузку.

Из жерла электропечи один за другим выскакивают раскаленные прутья, мчатся по желобу и, наматываясь на крутящийся вал, свиваются в пружину (пружину эту, именуемую передней подвеской, на сборочном конвейере прикрепляют к кузову автомобиля). Электропечью управляет автоматика. Но у желоба все равно сидит оператор: автоматика может отказать. Тогда он должен мгновенно сообразить, что следует предпринять. Но легко ли сообразить, когда ты уже одурел от мелькания красных полос и не знаешь, спишь ты или бодрствуешь. Кто соображает, а кто и теряется. Многие энергетики помнят, как диспетчер одной энергосистемы, человек опытный и дисциплинированный, услышал после долгого молчания приборов аварийную сирену и, вместо того чтобы повернуть один-единственный рычажок, о существовании которого он прекрасно знал, взял да и покинул свой пост, медленно побрел по коридору, обводя встречных отсутствующим взглядом. Слишком резок был сигнал, чересчур ранимой оказалась нервная система, и вот вместо «рабочей» реакции реакция защитная, психическая заторможенность, транс.

ПРОФЕССИЯ ВЕКА

Ни энергосистемой, ни химическим цехом, ни прокатным станом, ни ядерным реактором управлять без автоматики немыслимо: многие технологические процессы совершаются с огромной скоростью, контролировать их надо в сотнях точек, воздействие на них должно быть очень точным и быстрым, непосредственный контакт с ними для человека невозможен и часто опасен. Поручить же все автоматике и уйти нельзя: никакая автоматика не справится с ситуацией, не предусмотренной в

программе. А такие ситуации в больших системах управления не редкость.

Одни операторы сидят и ждут, лишь изредка вмешиваясь в процесс. Других захлестывает поток сигналов, на которые нужно реагировать немедленно. Авиадиспетчер, например, «сидит и ждет», только когда аэропорт закрыт. В обычные же дни на него обрушивается лавина информации. Сигналы поступают от пятнадцати источников сразу — от взлетающих и идущих на посадку самолетов, от взлетно-посадочных полос, от соседних аэропортов, от метеослужбы. Из комбинации эхо-сигналов — светлых пятнышек на экране локатора — диспетчер должен составить себе ясное представление об обстановке в воздухе и ни на секунду не упускать из виду эту беспрерывно меняющуюся комбинацию. «Только не потерять картинку. Не потерять картинку», — приказывает он себе, впиваясь глазами в экран, напрягая всю свою волю и отгоняя посторонние мысли. Пилотам, которыми он сейчас управляет, тоже нелегко: они слушают команды и следят за приборами. Бывают обстоятельства, при которых пилоту приходится переводить взгляд с прибора на прибор более ста раз в минуту.

Авиадиспетчер и пилот, диспетчер энергосистемы и оператор электропечи — все они независимо от степени своего участия в процессе управления делают одно и то же: перерабатывают оперативную информацию и принимают на ее основе решения, от которых зависит судьба людей и сложной техники. Тем же, по сути, заняты рулевые на кораблях и космонавты, операторы металлургических агрегатов и диспетчеры химических цехов, железнодорожные машинисты и дежурные по станциям. Всех их объединяют сегодня одним понятием — операторы. Оператор — главная фигура современного производства, любой автоматизированной системы управления. Это профессия века.

Скажем прямо, сложная профессия. Сегодняшняя техника освобождает человека от тяжелых физических нагрузок, но им на смену приходят нагрузки психические. И дело не только в объеме информации, который нередко превышает психофизиологические возможности человека. Дело еще в огромной ответственности. Если ошибется рабочий-станочник, из-под резца выйдет одна испорченная деталь, если ошибется оператор автоматической линии, в брак пойдут сотни деталей. Вот один из парадоксов НТР: с развитием техники роль «человеческого фактора» не уменьшается, а растет и порой чуть ли не в геометрической прогрессии.

МОЖЕТ БЫТЬ, БИОТОКИ?

Чувство ответственности не покидает оператора никогда, а с ним и постоянное нервное напряжение. Вот почему во многих отраслях промышленности, транспорта и связи операторы про-

ходят профессиональный отбор и целую систему тренировок, напоминающих иногда тренировки летчиков и космонавтов. В операторы берут тех, у кого быстрая реакция, прочная и гибкая память, устойчивое внимание, кто решителен, вынослив и невозмутим. Часто им создают особые условия для работы. У одних укороченный рабочий день. Другие перед выходом на дежурство проводят сутки в профилактории, в полном покое и под наблюдением врачей. Каждого из них готов подменить товарищ, к каждому в случае необходимости спешит на помощь опытный руководитель. Но все это не застраховывает оператора от перенапряжения, от преждевременной усталости и от ошибок.

Он человек, а не машина. Он может разволноваться накануне, провести беспокойную ночь, и вот он уже засыпает под гудение двигателей, под стук колес, даже в разноголосице радарной, где авиадиспетчеры следят за игрой эхо-сигналов. У него могут быть душевные неурядицы, внезапное физическое недомогание — внимание его рассеивается, и он совершает непоправимую ошибку. И вся беда в том, что оператор часто и не подозревает о снижении своей работоспособности. Он обнаруживает это, когда одна оплошность накладывается на другую. Он уверяет, что чувствует себя великолепно, он энергичен и деловит, но наметанный глаз приметит в этой деловитости беспокойную суетливость, а опытное ухо уловит в бодрых его интонациях опасное перевозбуждение. Еще минута, и возможен нервный срыв, человек начнет делать все как попало. А этот? Только что он был сама невозмутимость и сосредоточенность, и никто не заметил некоторый излишек этой невозмутимости. И теперь он спит непробудным сном. Монотонность и нехватка бодрящей мускульной работы сделали свое дело.

Что ж, если оператор не может сам судить о своем состоянии, пусть об этом судят приборы. Он и не думает клевать носом, а на его электроэнцефалограмме уже преобладает альфа-ритм — вестник даже еще не дремоты, а пока только эмоциональной расслабленности и неуместного безразличия. Он перевозбужден, и по электроэнцефалограмме бегут соответствующие ритмы, а датчики отмечают учащение пульса, повышение давления, изменения в электрической проводимости кожи. Все эти сведения поступают в ЭВМ, та сравнивает их с хранящимся у нее в памяти эталоном нормального состояния человека и, если отклонения от нормы увеличиваются, сигнализирует главному диспетчеру: такого-то оператора нужно сменить, он ненадежен, ему пора отдохнуть.

Идея такого контроля казалась заманчивой и обещала чуть ли не решение всех проблем оптимизации операторского труда. Но попытки реализовать ее принесли разочарование. Во-первых, приборы оказались чувствительны к внешним помехам, они вводили машину в заблуждение, а во-вторых, операторам определенно мешали работать налепленные электроды и датчи-

ки, мешали даже психологически: они чувствовали себя какими-то подопытными кроликами и требовали избавить их от электродов.

Оператор не должен замечать контроля — вот в чем суть. Он должен забыть о нем. Поиски средств такого контроля за утомлением работающего человека, чтобы контроль этот помогал и производству, и человеку, — вот на что были направлены усилия группы ученых из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР.

ИНФРАКРАСНЫЕ ОЧКИ

— Первый вопрос, который мы задали себе, был такой: какую реакцию контролировать? — рассказывает заведующий лабораторией прикладной физиологии высшей нервной деятельности человека Михаил Васильевич Фролов. — Решили — веко-двигательную: это очень точный показатель степени утомления. Когда человек бодр и работоспособен, глаза закрываются у него лишь на миг, когда он утомлен — миги растягиваются в секунды. Уловить зарождение этого процесса, человеку еще неведомого, — и задача решена. Как это сделать, не касаясь век, без всяких электродов? Инфракрасными лучами! К оправе очков прикрепляем излучатели и приемники этих лучей. Оператор лучей не ощущает, а значит, и не думает о них. Во время нормального мигания в приемник поступают одни порции отраженных от сетчатки инфракрасных лучей, отяжелели веки — уже другие. Порции замеряются прикрепленными к очкам датчиками. Критический уровень достигнут, и автоматика подает сигнал заменить оператора или останавливает объект.

Очки не электроэнцефалограф, рассуждали Фролов и его коллеги, принимаясь за дело. К очкам все быстро привыкают, приспособление это не лабораторное, а обиходное. Провода от датчиков мешать не будут, можно даже обойтись без проводов — крошечный радиопередатчик ненамного утяжелит очки. Но как эти очки пригодятся операторам, особенно шоферам в дальних ночных рейсах и машинистам! Ведь сейчас днем и ночью на перегоне и при проходе через станцию машинист через определенные промежутки времени нажимает на специальную кнопку, сообщая автоматике, что он бодрствует. Не нажал — включаются тормоза. Можно представить себе, как утомляет человека этот непрерывный самоконтроль и как от частых торможений и остановок страдает график движения поездов. Да и не всегда тормоза поспевают за событиями, они ведь включаются, когда человек уже заснул. То ли дело — очки.

— Очки были сделаны и испытаны, — продолжает свой рассказ Фролов. — Машинисты к ним привыкали быстро, сигна-

лизация срабатывала безотказно. Но, к сожалению, не всегда кстати. Подобно электроэнцефалографу, очки оказались чувствительны к помехам. Они реагировали не только на собственное излучение, но и на тепло, идущее, скажем, от печки в кабине тепловоза. Переделывать кабину? Это целая история... Но даже уговори мы инженеров на переделку, все равно очки не решали проблемы. Оказалось, что они не годятся для высокомотивированных, как у нас говорят, операторов. Чувство ответственности берет у них верх над обычным утомлением. Эти люди умеют держать себя в состоянии повышенной сосредоточенности и обостренного внимания очень долго, глаза у них никогда не слипаются, а утомление выражается только в перенапряжении. Тут проку от очков немного...

Снова начались поиски — поиски более надежного и универсального устройства, которое не повлекло бы за собой никаких переделок в управляемой системе, распознавало бы все оттенки утомления человека и, разумеется, ничем бы не отвлекало его от работы.

Какую же реакцию контролировать теперь? После долгих размышлений ответ пришел: контролировать надо эмоции и по ним судить о состоянии человека. Но какова связь между эмоциями и утомлением и как судить о самих эмоциях?

РАЗВЕДЧИКИ РАССУДКА

Как известно, корни эмоций простираются далеко, к эпохам власти животных инстинктов. Некоторые из выразительных движений и жестов человека — это следы тех действий, которые когда-то диктовались необходимостью. Нас охватил гнев, мы сжимаем кулаки, стискиваем зубы, тяжело дышим, у нас раздуваются ноздри. Зачем все это? Сейчас разве что для разрядки, а когда-то гнев предшествовал борьбе, был подготовкой к ней, боролись же и кулаками и зубы пускали в ход. Отчего при изумлении у нас поднимаются брови? Чтобы шире раскрывались глаза и побыстрее разглядели, не опасность ли таится в неведомом.

Великий естествоиспытатель Чарлз Дарвин, который размышлял об этих «реликтах поведения», считал, что объяснения подобного рода охватывают лишь самые простые эмоции, не эмоции даже, а аффекты, то есть острые и грубые переживания. Но рациональное зерно было найдено. Эмоции бессознательны: возникают они прежде, чем рассудок успевает осмыслить вызвавшее их событие. Да он, бывает, и вовсе не способен пуститься за ними вдогонку: сердцу не прикажешь. Конечно, многие из эмоций — остатки инстинктивных действий, многие, но далеко не все. Ведь человек — «животное социальное», да еще единственное, владеющее речью. Весьма вероятно, что дви-

жения, служившие когда-то для выражения наших эмоций, и способствовали развитию речи. Но они не утратили своей целесообразности, они развивались вместе с речью, приобретали новые оттенки, делая наш духовный мир богаче и тоньше. Они стали таким же средством общения, как и слова: нахмуренные брови, саркастическая улыбка, блеск глаз красноречивее целого монолога.

Обсуждение всех теорий эмоций, выдвинутых после Дарвина, увело бы нас слишком далеко от темы. Скажем только, что ученым удалось узнать об эмоциях немало интересного и важного. Были обнаружены тонкие связи между эмоциями и вегетативной нервной системой, между эмоциями и памятью, эмоциями и свойствами личности. А нейрофизиологи даже открыли в мозгу «центры эмоций» — структуры, связанные с эмоциональным состоянием непосредственно. Изучение эмоций продолжается, но что они такое, уже ясно. Эмоция — это первая, еще бессознательная установка по отношению к факту, создающая предпосылку к деятельности.

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ

Эмоциями сопровождается всякая деятельность, а деятельность оператора, который то и дело вынужден искать выходы из ситуаций, никакими инструкциями не предусмотренных, пропитана ими насквозь. И по ним можно безошибочно распознавать признаки надвигающейся сонливости и перевозбуждения, в равной степени свидетельствующие о том, что оператор вот-вот начнет ошибаться и ему необходим отдых. И в этом, и в другом случае наступает отклонение от оптимального уровня эмоций, присущего в норме каждому виду деятельности. В картине общего состояния человека начинают преобладать отрицательные эмоции, которые согласно концепции профессора П. Симонова, заведующего лабораторией физиологии эмоций в том же институте, возникают обычно при недостатке сведений и средств, необходимых для достижения цели. Сами по себе отрицательные эмоции существуют не напрасно, в них заложен глубокий приспособительный смысл. Они-то и побуждают организм искать нужные ему сведения и средства. Но если организм устал, а информация, поступающая извне, требует быстрых и точных реакций, лучше не разрешать эмоциям чересчур отклоняться от оптимума: организму нужно дать отдохнуть.

Эмоции, как было уже сказано, теснейшим образом связаны с речью. По речи-то и лучше всего судить о них. Речевой сигнал несет уйму информации. Кроме непосредственного содержания, речь обладает интонацией, по которой можно распознать отношение человека к тому, о чем он говорит и что с ним происходит. Ученые находят у речи двадцать тысяч степеней свободы,

а у биотоков мозга, динамику которых регистрирует электроэнцефалограмма, — всего двести. Иными словами, речь в сто раз информативнее биотоков, ничто не сравнится с ней в передаче всех оттенков душевного состояния. Когда надвигаются вялость и сонливость, речь замедляется, становится сбивчивой, в ней появляются паузы, ее тональность понижается. Когда же человек чересчур возбужден, речь его тороплива, по-своему тоже сбивчива, тональность ее повышена, паузы заполняются словами-паразитами вроде «так сказать», «это».

Все это так, но какие речи будет слушать контролирующее устройство? Не заставлять же оператора наговаривать в микрофон специальный тест! Где же тогда незаметность? Как раз здесь нет никакой проблемы. Всякий оператор постоянно держит связь со своими руководителями, сообщая им, как он понял команду, какова обстановка, и все операторы, выполняющие общую задачу, переговариваются друг с другом. Даже машинист, ведя состав через станцию, успевает поговорить с железнодорожным диспетчером. Вот к этим обычным каналам связи и будет подключено устройство контроля во главе с цифровой вычислительной машиной.

ОДНИ ТОЛЬКО ГЛАСНЫЕ

— Прежде чем научить машину распознавать эмоциональное состояние человека, — рассказывает Фролов, — мы долго учились этому сами. На тренажере, где проходят подготовку будущие пилоты, проигрывались сотни критических ситуаций. Пилот сидел в кабине, глядел на приборы и на экран, где перед ним то убегала вниз, то вырастала взлетная полоса, и отрабатывал взлет и посадку. И, как полагается, у него то отказывали двигатели при взлете, то что-то путалось в показаниях о режиме полета. Все это было поводом для переговоров по радио с руководителями полетов, а фоном для этих переговоров служили эмоции, возникавшие непроизвольно, все эмоции, какие только существуют, — от страха до ликования, от растерянности до решимости. Вместе с нашими коллегами из лаборатории профессора Симонова мы слушали и анализировали эти переговоры, прокручивая их записи сотни раз. Мы сопоставляли эмоции с физическими характеристиками основного тона речи — частотой, длительностью, мелодией и с характеристиками резонатора глотки. Мы смотрели, как меняются эти параметры в зависимости от эмоционального состояния: именно по ним машине и предстояло это состояние определять.

Мы слушали и записывали тех, кто занимался на тренажере, и авиадиспетчеров, работающих в реальной обстановке, слушали пилотов и космонавтов, машинистов метрополитена. Затем мы решили проверить результаты и уточнить их, создав

актерскую модель эмоциональных состояний. Были написаны соответствующие сценарии, и по нашей просьбе актеры московских театров и студенты театральных училищ разыгрывали по этим сценариям сложные этюды — варианты критических ситуаций, в которые попадают операторы. Конечно, актер есть актер, как бы он ни вживался в образ, он прежде всего играет, но мы искали и находили тех актеров, которые могли переживать любую ситуацию по-настоящему. Это было видно по их электрокардиограммам: предварительно мы нашли взаимосвязь между уровнем эмоций, частотой кардиограммы и конфигурацией ее некоторых зубцов. Наконец точная речевая модель всех нужных нам состояний была получена и отработана, вся речь по ее физическим характеристикам подвергнута так называемому аудиторскому анализу, а данные анализа отработаны на вычислительной машине. После этого был построен и отработан алгоритм — та последовательность логических операций, следуя которой машине предстояло анализировать сигналы.

Помехи? Да, операторы переговариваются на фоне помех, иногда очень сильных. Каждый это видит и слышит по телевизору, когда показывают переговоры с космонавтами... Система контроля будет воспринимать и гул моторов, и треск разрядов. Если мы не разбираем, что нам говорят, мы переспрашиваем, просим повторить снова. Система же переспрашивать не может. Но ей это и не нужно! Мы не в состоянии восстановить фразу, если услышанные нами ее фрагменты будут слишком оторваны друг от друга, а по отдельным звукам и вовсе ничего не разберем. Наша система, наоборот, интересуется лишь отдельными звуками. Ее не занимает содержание сказанного — только звуки и притом только гласные. А гласные лучше всего выделяются на фоне шума. Несколько гласных, и она уже представляет себе, отклонился ли от нормы уровень эмоций, устал или не устал человек...

Способ оказался универсальным и точным: машина угадывала эмоциональное состояние человека в 98 случаях из 100. Это было блестящим подтверждением правильности не только чисто прикладной идеи, но и глубоко материалистической теории эмоций, разработанной в институте. Первый образец системы речевого контроля делался по заказу Аэрофлота, в его создании участвовали специалисты по радиотехнике, электронике, акустике, кибернетике. Скоро такая система будет контролировать состояние операторов в одном из крупнейших аэропортов. Потом в Московском метро. Придет день, и она станет такой же неотъемлемой частью операторского поста, как пульт управления. Порожденная нуждами НТР и созданная благодаря ее же возможностям, она сделает человеческое звено систем управления гораздо надежнее. Она будет служить всем операторам, предохраняя их от любой беды, вызванной утомлением, сберегая им здоровье и работоспособность.

В. МЕЗЕНЦЕВ,
кандидат философских наук

БЕЗ МИСТИКИ

ак только не иазывают это загадочиое явление, порождаемое нашей психикой, — «шестым чувством» и «виутрениим голосом», «озарением» и «наитием», «предчувствием» и «предупреждением свыше», а иногда понаучиее — «интуицией»... Все эти слова часто отражают, включают в себя одну неизменную мысль: то, что произошло, иельзя объяснить, если ие привлечь на помощь... «потусторонние силы».

Между тем иаука и здесь говорит свое веское слово. И познакомиться с этим словом, навериое, небезынтересно многим. Ведь, пожалуй, нет среди нас человека, который ие слыхал бы что-нибудь об особом психическом ощущении, якобы предвещающем в скором времеии какое-то, чаще всего иеприятное, событие.

О предчувствиях пишут в художествеиных произведеииях. О предчувствии иекоторых исторических событий рассказывают летописцы прошлого. Многие убеждены, что и в иашей обыдеиной жизни предчувствия играют заметную роль.

Нельзя также не видеть, что в оцеике всякого рода предчувствий всегда легко определить, иа каких мировоззреических позициях иаходится человек. Если это преподиосится как «озарение свыше», как иеобъяснимая законами природы способность «постижения истины», можно не сомиеваться — отсюда прокладывается дорога к мистике.

ЗАГАДКИ «ШЕСТОГО ЧУВСТВА»

...Этот случай авиамехаиик Федотов запомиил иа всю жизнь. Со взлетной полосы ушло в тренировочый полет звено истребителей. Перед этим он, как обычио, доложил командиру звеиа о готовности всех трех самолетов. Однако ие прошло и минуты после того, как звеио скрылось за лесом, механика вдруг охватило какое-то смутное беспокойство, волнеиие. В созиаиии билось предчувствие большой беды. Но почему?! Мозг ие давал ответа. А иеобъясиимое чувство иадвигающейся иеведомой опасиости все росло. Через иесколько миiут мысли приияли более четкое иаправлеиие, теперь Федотов иапряженно думал об одном из трех самолетов. Ои уже был увереи: что-то с ним случилось!

Механик не ошибся. Через полчаса стало известио, что пилот этого самолета, чуть не разбившись, совершил вынужденную посадку. Отказал мотор.

...В прошлом веке в одном из волжских городов произошло событие, которое надолго запомнили его жители. Позднее о нем писали ученые как о редкостном случае предчувствия. В город приехал по своим делам человек. Остановился в старенькой, недорогой гостинице, снял отдельный номер. По утрам вставал с постели с необъяснимым чувством беспокойства. Человек постарался отогнать от себя это чувство. Что ему может угрожать? Однако предчувствие какой-то опасности продолжало преследовать весь день. Вернувшись однажды в гостиницу, он долго расхаживал по комнате, а затем подошел к стоящей в углу кровати и перетащил ее в противоположный угол.

Позднее, вспоминая все происходившее, этот человек утверждал, что не знал, зачем ему понадобилась такая перестановка: кровать стояла удобно, а новое место было выбрано не совсем удачно. Но... перестановка кровати его успокоила, и он лег спать. А ночью большая балка, находившаяся как раз над тем местом, где прежде стояла кровать, обрушилась.

Почти все жители города, обсуждая происшествие в гостинице, решили тогда, что человека спас сам бог.

...Из письма Галины Н.: «Со дня смерти моей мамы прошло уже около пяти лет. Но меня все еще волнует загадка, с которой я тогда столкнулась. Получилось так, что перед смертью мамы мне пришлось уехать в Киев. Там в первую же ночь мне приснилось, что мама лежит больная и просит поскорее вернуться домой. Я не придала этому сновидению большого значения, но на следующую ночь я увидела во сне, что маму уже хоронят. Утром дала телеграмму домой, и брат ответил, что мама заболела. Когда возвратилась, мама была уже очень плоха. Через несколько дней он умерла. Вот с тех пор меня и не оставляет мысль о пророческих снах. Выходит, что они все-таки бывают. Может ли это объяснить наука?»

Три невыдуманные истории, достаточно убедительно подтверждающие реальность предчувствий. Можно ли каждой из них дать научное объяснение, отбросив сверхъестественное?

Можно. Впрочем, сначала о более частой и не столь загадочной форме предчувствий.

«ЧУЯЛО МОЕ СЕРДЦЕ...»

Кто не слыхал этих слов! За день или два, иногда за несколько часов до неприятного события у человека вдруг начинает щемить сердце. Что случилось? В голову непроизвольно лезут мысли о скорой неприятности, нарастает тревога за близких людей.

Большого секрета тут нет. Щемящее чувство в области сердца появляется в минуты переживаний — думает человек о предстоящем тяжелом разговоре, беспокоится о том, как сын или дочь окончат школу, тревожится за ребенка, у которого вдруг

поднялась высокая температура, — у него начинает болеть сердце, в груди появляется неприятное ощущение, мешающее легко дышать.

Особенно это присуще людям с повышенной нервной возбудимостью. Для них порой самый незначительный случай может привести к переживаниям. Они-то и сказываются на работе сердца. Ведь наш организм — единое целое. Работа его внутренних органов самым тесным образом связана с нервной системой, с психикой.

Плохо работает сердце, кишечник, почки — и это отражается на психическом состоянии, самочувствии, поведении человека. И наоборот, различные переживания — радость, горе, испуг, ожидание чего-то неприятного — в свою очередь, тоже сильно влияют на деятельность внутренних органов. Кто не знает, как изменяется работа сердца при внезапном испуге! Так же накладывают свой отпечаток на его работу и наши переживания, тяжелые мысли о предстоящих событиях.

Сын уходит в школу, а у матери «вдруг» начинает болеть сердце. И когда он приносит в дневнике две двойки за четверть, мать говорит: «Я уже знала об этом утром». Она и в самом деле убеждена в том, что сердце подсказало ей. А как было на самом деле? Мать знает, как идут дела у сына в школе. Ее уже не раз просили обратить внимание на плохую успеваемость, интересовались условиями в семье. Много раз она говорила об этом с сыном. Удивительно ли, что, перед тем как в школе закончится четверть, мать с тревогой думает, какие отметки принесет на сей раз ее парень. Думает и боится худшего.

Эти мысли не дают покоя, и вот уже начинает болеть сердце. Оно «предвещает» неприятное. А истоки «предсказания» — мысли матери. Нарушенная спокойная работа сердца дает о себе знать головному мозгу, и сознание человека отмечает: что-то с сердцем неладно. Что именно, сказать трудно. Расшифровать сигналы, поступающие от сердца в мозг, — очень трудная задача. Знаменитый русский естествоиспытатель И. М. Сеченов образно назвал их «темными ощущениями». Опытный врач по таким ощущениям может в некоторых случаях определить заболевание сердца. А суеверный человек начинает думать, что его сердце предвещает скорую беду.

Механизм предчувствия тут ясен. Однако бывают случаи посложнее. Далеко не всегда можно уловить, обнаружить связь нашего сознания с работой внутренних органов.

ПОГОВОРИМ О ПОДСОЗНАНИИ

Как вы думаете, может ли человек думать о чем-либо и не знать, что он думает именно об этом?

Казалось бы, вопрос не имеет смысла. Между тем мысли-

тельные процессы, в которых человек не отдает себе отчета, существуют. Более того, неосознаваемая, подсознательная деятельность мозга занимает в нашей жизни далеко не последнее место.

Здесь нам самое время поговорить о том, а что такое подсознание. Вспомним о простых вещах.

В головной мозг поступает множество разнообразных сигналов как от внутренних органов, так и из внешнего, окружающего нас мира. Все они оставляют в нем свои следы. Но не все фиксируются, не все улавливаются нашим сознанием. Глаза, например, могут увидеть лежащую в траве ценную вещь, а до сознания это не дойдет, потому что человек думает в этот момент совсем о другом и не следит за тем, что находится под ногами. Однако глаза, повторяем, увидели вещь, дали о ней сигнал в мозг, и где-то в нем остался след.

Позднее этот след может совершенно неожиданно «всплыть на поверхность», появиться в сознании. Чаще всего такое происходит во время сна — человек может очень ясно увидеть, как он шел по траве и заметил в ней потерянную вещь. В других случаях такие не дошедшие до нашего сознания в ясной форме сигналы могут вызвать смутное и неопределенное чувство тревоги. Появляется, например, предчувствие опасности. Какой и отчего — сознание подсказать не может. И опасность действительно приходит.

Для религиозных людей такой случай является бесспорным доказательством существования потусторонних сил. Кто же еще мог предупредить человека о грядущей опасности?! Разве это не настоящее предчувствие, объяснить которое нельзя какими-то естественными, земными причинами? Между тем человек сам себя предупреждает об опасности.

Рассудочное мышление, как известно, характеризуется тем, что, думая о чем-то, мы можем проследить весь ход своих рассуждений, их последовательность и логичность. Иное дело — подсознательная, другими словами, интуитивная деятельность мозга. Тут мы уже не можем воссоздать все звенья мыслительного процесса, мозг выдает в наше сознание лишь конечный результат размышлений.

Интуиция входит в сознание в виде готового суждения без всякого доказательства. И это, естественно, выглядит как внезапное «озарение» (в другом случае — «предчувствие»), хотя за ним скрыта порой напряженная, а нередко длительная работа мозга.

...Человеку, погруженному в гипнотическое состояние, было приказано проснуться, забыть все, о чем говорил врач-гипнолог, и в то же время выполнить один приказ: через четыре дня в тот же час позвонить врачу и справиться о его здоровье.

«Мой телефон такой-то, — сказал врач, — но вы его тоже забудьте». Все произошло без осечки. Все четыре дня человек

не думал о гипнотизере, но примерно за час до назначенного срока он вдруг пришел в волнение, вспомнил о враче: «Как он там, не заболел ли?» Захотелось немедленно позвонить ему по телефону, но тут же он подумал, что телефона не знает. А тревога нарастала. Не в силах сидеть за рабочим столом, он подошел к телефону и машинально, наугад набрал номер телефона.

Ответил врач-гипнолог.

В каких тайниках мозга хранила память сказанный под гипнозом номер телефона?

Этот опыт проводился многократно, с разными людьми, и всегда результат был один и тот же: подсознание в нужный момент напоминало человеку о приказе гипнотизера и сообщало сознанию забытый номер телефона.

Забытый сознанием, но не подсознанием!

Ученые из Бухарестского института психологии проводили эксперименты по неосознанному угадыванию. Человеку под гипнозом показали десять картин. Затем картины перемешали с другими и показали тому же человеку, находящемуся уже в нормальном состоянии. Он сказал, что ни одну из них ранее не видел, но, когда ему предложили отобрать десять полотен для снятия репродукций, он выбрал именно те десять картин.

Вот еще один интересный факт, имеющий отношение к области бессознательного. В кинотеатре идет фильм, причем на отдельных кадрах есть надписи, не имеющие никакого отношения к сюжету картины, например, реклама нового вида товара. Надписи появляются и исчезают на экране настолько быстро, что зрители не воспринимают их. Точнее говоря, они не доходят до их сознания и осмысления (как известно, чтобы какой-то кадр с надписью запечатлелся в сознании, нужно не менее 0,1 секунды видеть этот кадр). Однако когда сеанс оканчивается, многие из тех, кто только что смотрел фильм, идут в магазин, где, по словам рекламы, можно купить новый товар. Идут, хотя ясно не сознают, зачем...

Подсознательной работой мозга объясняется и удивительная способность некоторых людей к молниеносному счету в уме. Объяснить, как это у них получается, они не могут, и понятно почему: вся вычислительная работа протекает в этом случае неосознанно.

Бессознательное присутствует во всех формах психической деятельности человека. Не учитывая этого, нельзя понять до конца поведение людей в различных жизненных ситуациях. Подсознание постоянно взаимодействует с сознанием, причем это взаимодействие не носит характера соподчинения. Нет никаких оснований утверждать, что существует какое-то «роковое», непреодолимое господство бессознательного над сознанием, о чем так много писали и пишут всякого рода мистики, но и не следует думать, что роль бессознательного в работе нашего мозга незначительна, случайна (поэтому термин «подсозна-

ние», наверное, нельзя назвать удачным; слово «бессознательное» лучше отражает суть вопроса).

В жизни бывает и так: сознательное переходит в бессознательное. Вспомните езду на автомашине. Пока вы учитесь ее водить, каждое ваше действие за рулем вполне осознаваемо. Но проходят годы, и вы, уже не думая, как прежде, ведете машину почти автоматически; однако стоит попасть в трудное положение, и подсознание тут же подсказывает, что надо сделать — мгновенно затормозить или резко вывернуть руль.

И ТУТ НЕТ ЗАГАДКИ

А теперь возвратимся к «чудесному спасению» человека в приволжском городе. Вот что там произошло. Гостиница была старая, потолки ее требовали ремонта. Балка в комнате уже настолько прогнила, что могла обрушиться в любую минуту. Пройдет кто-то над ней этажом выше — и она уже вздрагивает, тихо поскрипывает. Днем человек не замечал этих звуков, в сознание проникали только громкие посторонние звуки. Однако и днем, а особенно ночью, когда все затихало, его слух передавал в мозг едва уловимое поскрипывание балки. Продолжая работать и во время сна, мозг с тревогой воспринимал эти звуки. В подсознании возникло вполне определенное заключение: эти скрипы грозят опасностью, потолок может обвалиться. Но в сознании эта мысль не появлялась, и каждое утро человек просыпался с непонятной тревогой, с ожиданием чего-то плохого, неприятного. Наступала следующая ночь, и подсознание, продолжая беспокоиться, снова напоминало об опасности, а затем и подсказало человеку, что следует сделать: нужно переставить кровать — это и оформилось наконец в сознании.

Как видите, и столь загадочный случай находит свое научное объяснение. Кстати, «расшифровал» его тогда же ученый, приехавший отдохнуть на Волгу. О недавнем происшествии в гостинице ему рассказал университетский товарищ, у которого он гостил. Заинтересованный «чудесным спасением», ученый-материалист побывал в гостинице и понял, что там в действительности произошло.

Ну а как объяснить предчувствие Федотова?

В работе двигателя одного из самолетов опытный механик уже при проверке уловил какие-то неполадки. Но признаки этих неполадок были настолько незначительны, что до сознания моториста они не дошли, он уловил их подсознательно, а через короткое время мозг довел до сознания мысль о том, что с двигателем не все в порядке. Мысль эта была настолько неоформленной, что породила в сознании человека, отвечающего за про-

верку двигателей, необъяснимое беспокойство — предчувствие какой-то неприятности, а может быть, и беды...

А теперь о письме Галины Н. Ее сновидения перед смертью матери, конечно же, не были пророческими. Точнее сказать, их породили мысли самой Галины. Здесь мы встречаемся с тем же «предчувствием», только мозг выдал его в виде сновидения.

Ведь как было дело? Уезжая в командировку, дочь видела нездоровое, бледное лицо мамы. Видела, но не придала этому большого значения. Мысли были заняты предстоящим отъездом. Но ее мозг отложил на одну из полочек своей памяти образ больной матери. В поезде еще и еще раз в сознании всплывала сцена провожания, грустный взгляд мамы. А дальше к мыслям о матери подключается подсознание. Сопоставив все, оно делает вывод: мама скоро, может быть, даже очень скоро умрет. Эта мысль поступает в сознание через сновидения. Подсознание показывает сознанию дочери яркую картину того, что может случиться в ближайшее время...

ИНТУИЦИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Роль и значение интуиции, или, если хотите, озарения, далеко не ограничиваются тем, что иной раз они извещают нас о том, что может произойти в будущем. «Интуиция, — пишут авторы книги «Тайны предвидения» А. Белявский и В. Лисичкин, — удивительное свойство человека. Наши психологи совсем недавно наконец всерьез занялись изучением этого явления. Возможно, это высшая ступень человеческого мышления, сплав всех знаний, полученных нами в жизни, как осмысленных, так и незаметно прокравшихся в наше подсознание, всей генетической информации поколений, переданной в мозг, всех чувств человека...»

Наше сознание не исчерпывает и не может исчерпать всей психологической деятельности. Понятие «психика» шире понятия «сознание». И когда мы встречаемся с интуицией, то несомненно, что в ней проявляется деятельность психики. «Мы отлично знаем, — писал И. П. Павлов, — до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного».

Рассекречивание естественнонаучных основ всего комплекса нашего мышления начинается только сейчас. Многое в этой интереснейшей проблеме познания еще скрыто. Нам почти неизвестен, во многом непонятен механизм интуитивных решений, но уже нет того отношения, когда все связанное с интуицией отвергалось без изучения и таким путем отдавалось на откуп мистикам.

Проблема неосознаваемого в психической деятельности, бессознательного была темой международного симпозиума в Тби-

лиси. Советские психологи, физиологи, медики и философы представили цикл докладов и сообщеиий, характеризующих весьма высокий уровеиь иаучной разработки проблемы.

А то, что мы сегодия уже зиаем о работе подсозиания, говорит об одиом: «озареиия» ие сваливаются к человеку с небес. Иитуиция тесиейшим образом связаиа с раиее приобретенными зиаииями и иавыками, с накопленным опытом и логикой мышлеиия, то есть с вполне сознательиыми психическими процессами. Только на такой осиове могут рождаться в голове «светлые мысли» — порой совсем неожидаиио, скажем, во время отдыха, а ие тогда, когда ученый, писатель или изобретатель обдумывает свою проблему, сидя за рабочим столом.

И чем больше у человека зиаиий, опыта, тем чаще могут возникать у него правильные иитуитивиые решеиия. Когда летчик-испытатель в доли секуиды, ие раздумывая, принимает правильиое решение, чтобы спасти машииу, он руководствуется ие каким-то «озарением свыше», а своим богатым опытом. В критический момент полета его мозг молиеиосио выбирает едииствеино правильное решеиие, как поступить, но если потом спросить, почему ои поступил так, а ие ииаче, пилот может и не ответить. Ведь прииял ои решение ие думая, интуитивио.

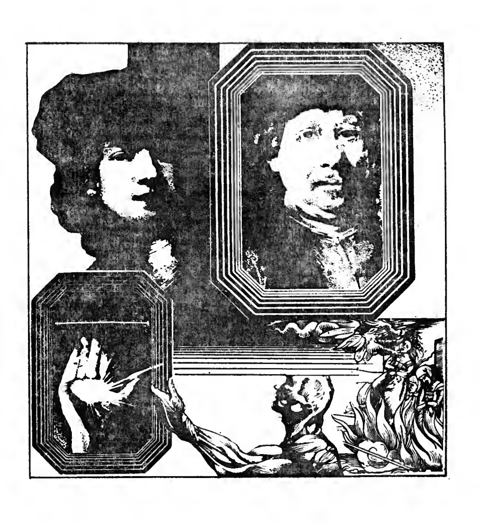
Многие выдающиеся писатели и учеиые подчеркивали большое значение иитуиции в их творчестве. Об этом писали Гёте и Эйиштейи, Гаусс и Пуанкаре, Шиллер и Доде... Рассказывая о том, как ои писал многие стихотвореиия, Гёте признавал: «Заранее я не имел о них никакого представлеиия и никакого предчувствия, но оии сразу овладевали мною и требовали иемедлеииого воплощения, так что я должен был тут же, на месте, иепроизвольно, как луиатик, их записывать».

И в заключение поразительное призиаиие человека особой, редкой и опасной профессии. Больше десяти лет иазад в печати была опубликована беседа с одним советским разведчиком. Вот отрывок из этой беседы:

— ...Я больше доверяю личиым ощущениям, чем тому, что иаписаио в аикетах и характеристиках. Я очень упореи в своем мнении о людях, и, если уж составил его о человеке, измеиить его может только ои сам. И больше иикто. Как бы мие его ни расхваливали. Или, иаоборот, ни ругали.

— И вы увереиы в непогрешимости своей интуиции?

— На девяносто процентов. И ие вижу в этом иикакой мистики. Я убеждеи, что, когда иаука всерьез займется этой проблемой, интуицию сведут к подсозиательиым процессам, которые протекают в нашем мозгу, ие отражаясь в сознаиии, не фиксируясь в памяти, но предусмотрительно накапливая в какой-то клеточке иужиую информацию, о существовании которой мы и не подозреваем. В нужную минуту мозг услужливо выплеснет ее, предостерегая иас об опасиости...



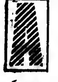
ГРАНИ ВРЕМЕНИ

Г. АПОЛЛИНЕР

ЕРЕСИАРХ

Советские читатели хорошо зиают Гийома Аполлинера-поэта, ио еще ждет открытия Аполлииер-прозаик. Ои был мастером иовеллы, той философской «Сказки», которая была блистательно представлеиа в классической французской прозе Вольтером, Дидро и Бальзаком.

Сборник «Ересиарх и К°», прииесший известность Аполлинеру-прозаику, вышел в 1910 году, хотя иовелла «Ересиарх» была написаиа еще в 1902 году. Аполлииер любил в прозе игру воображеиия, острые повороты сюжета, персоиажей колоритиых, иеордииарных. Ои много писал на темы, связанные с религией, и неизменно в его иовеллах проводится мысль, что ие вера в «промысл божий», а разум и труд человеческий создают иа земле все самые главиые ценности.



нгло-саксонскнй мнр интересуется религиозными вопросамн. Особенно в Амернке, где каждый год возннкают новые, вышедшне нз хрнстнанства секты, что вербуют себе множество сторонннков.

Католнчество, наоборот, почтн равнодушно к реформаторам и пророкам. Действительно, оно не заботнтся более о сутн своей релнгии. Поэтому крайне редко пронсходят те небольшие теологнческие расколы, которые в прошлые времена прнводилн к возннкновенню ересей. По правде говоря, часто случается, что католических священнников отлучают от церквн. Потерн эти вызваны утратой веры. Многне нз этнх священнников уходят из церкви по причине нх особых мненнй об отдельных положеннях морали нли дисциплнны (целнбат и т. д.). Лишенные сана, в большннстве своем неверующие, некоторые из ннх образовывают все-такн маленькне секты. Однако уже не найдешь подлинного ересиарха, подобного, напрнмер, Арию [1]. Может существовать какой-нибудь одинокнй еретнк-насмешник, но кажется немыслимым, чтобы объявился хотя бы один основатель истинной ереси.

По этим причннам случай Бенедетто Орфен, который в конце XIX века основал в Рнме ересь, называемую «ересью трех жизней», является, на мой взгляд, уннкальным.

Начиная с 1878 года достопочтенный отец Бенедетто Орфен, нзгнанный с территории своего монашеского ордена, был представителем при Ватикане. Святой отец Бенедетто был теологом и гастрономом, набожным н любящнм полакомиться человеком.

---

[1] Арий отрицал церковный догмат о едииой сущиости трех ипостасей троицы.

Он был в большом фаворе при папском дворе и, если бы не его последующие поступки, стал бы сегодня кардиналом, то есть мог быть избран и папой. Этот человек, словно созданный для того, чтобы величественно носить пурпурную мантию, погубил себя, вознамерившись создать ересь. После отлучения он удалился на виллу во Фраскати. Там он священнодействовал, имея прихожанами собственных слуг, двух богомольных дам и несколько сельских ребятишек, которых обучал азам Священного писания. По его мнению, он готовил таким образом славную секту, призванную заменить католицизм. Подобно всякому ересиарху, он отвергал догмат о папской непогрешимости и клялся, что бог наделил его реформаторской властью над церковью. Я представляю, что, если бы Бенедетто Орфеи стал папой и мысль о ереси осенила его именно в этот момент, он, наоборот, воспользовался бы догматом непогрешимости, чтобы заставить католиков верить в свое учение, которое тогда никто бы не отрицал, страшась попасть в еретики.

Я нанес визит Бенедетто Орфеи нежным майским днем. Ересиарх покоился в мягком кресле. На его столе были разложены бумаги, вероятно, энциклики римского папы. Он принял меня весьма любезно и, чтобы оказать мне честь, велел принести старые бутылки святого вина и некоторые римские или сицилийские сласти: сваренные в меду орехи, какое-то подобие пирога, пахнувшего розой, мятой и лимоном, из очень нежного айвового теста, называемого котоньята, пирог из другого теста, называемый кокуццата, и какие-то блины с персиками, которые зовут персиката. Он потребовал, чтобы я отведал святого вина, и дегустировал его вместе со мной, проявляя признаки истинного наслаждения: покачивал головой, полоскал глотком вина горло, делая соответствующие движения губами и щеками, слегка поглаживая себя по животу левой рукой. Вскоре я убедился, что этот добрый ересиарх был глух. Так как он знал, что я пришел, чтобы сделать записи, предназначенные в дальнейшем для работы над эссе о его ереси, то я предоставил ему говорить, ни разу не перебив.

Бенедетто Орфеи, который был родом из Александрии, охотно говорил на ее диалекте. Его речь расцвечивали грубые, почти непристойные, но удивительно выразительные словечки. То, что мистики употребляют подобные словечки, — правда, ведь мистицизм близок эротизму. Несмотря на интерес, который для филологов могли бы представить отдельные выражения, я не буду подчеркивать эту сторону речи Орфеи. Кстати, мое слишком поверхностное знание итальянских диалектов не позволило все понять, и смысл некоторых слов я уловил лишь благодаря мимике, сопровождавшей разговор ересиарха.

Вот как Бенедетто Орфеи рассказывал мне о том, что он называл своим просветленным обращением:

— Весь день я был занят ипостасями бога. Когда наступил вечер, я, сотворя молитву, лег и начал перебирать четки. Одновременно я размышлял о тайнах религии. Думал о доброте сына божьего, который, чтобы уничтожить первородный грех, стал человеком и умер на кресте от позорной пытки между двумя разбойниками. Одна фраза, звучавшая на мотив припева народной песенки, пела в моем мозгу.

Их было трое   Как в небе
На Голгофе,   Троица была.

Тут ересиарх, растрогавшись, замолчал, снова наполнил наши бокалы и с грустным, вскоре рассеявшимся выражением лица выпил содержимое своего бокала, не преминув погладить брюхо, состроить оживленные гримасы и громко похвалить бархатистость старого вина. Он заставил меня попробовать кокуццаты и продолжал:

— Божественный припев звучал в моей душе до того часа, пока я не заснул. Сон мой был глубок, и утром, во время истинных сновидений, я увидел небо разверзшимся. Среди хора иерархий присутствия, эмпирея и исполнения и более высоких, нежели хор, серафимов моему восхищенному взору явились трое распятых. Ослепленный светом, который исходил от них, я опустил глаза и узрел святую группу девственниц, вдов, исповедников, ученых-богословов и мучеников, в обожании поклоняющихся распятым. Мой покровитель, святой Бенуа, подошел ко мне в сопровождении ангела, льва и вола, а над ним кружил орел. «Друг, вспомни себя!» — сказал он и показал правой рукой на распятых. Я заметил, что мизинец, указательный и большой пальцы его руки были вытянуты, а два других согнуты. В это мгновение херувимы взмахнули кадилами, и аромат, более сладостный, нежели самый чистейший из аравийских ладанов, повеял в воздухе. Тогда я увидел, что ангел, сопровождающий святого моего покровителя, нес золотую дароносицу великолепной работы. Святой Бенуа открыл ее, достал просфору, которую преломил на три части, и я трижды причастился одной просфорой, чей вкус был более блажен, чем вкус манны, что в пустыне вкушали евреи. Послышалась восхитительная музыка лютней, арф и других небесных инструментов, на которых играли архангелы, и хор святых пропел:

Их было трое   Как в небе
На Голгофе,   Троица была.

Я проснулся. И понял, что сон этот был важным событием не только для меня, но и для всех людей. Час, когда он мне привиделся, не позволял сомневаться в истинности подобного

видения. Все-таки, ибо он разрушал верования, на коих зиждется христианство, я не решился известить о нем папу. На следующую ночь я узрел в утреннем сне пресвятую богородицу, восседающую среди двух жен и молвившую им: «Вы тоже матери божьи, но люди не ведают о вашем материнстве».

Тут я пробудился, обливаясь потом. Больше я ни секунды не колебался. Я громко прочитал доксологию[1]. Помолившись в церкви святой Марии, я затем отправился в Ватикан просить аудиенции у святейшего отца, который мне ее предоставил. Я поведал ему обо всем, что произошло. Папа слушал меня молча и, выслушав, ненадолго задумался. Выйдя из своего размышления, он строго повелел мне прекратить любые теологические исследования, не грезить больше о нелепых и невозможных вещах, каковые мне мог нашептать только дьявол. Он приказал мне снова нанести ему визит в конце месяца. Мне стало тягостно и стыдно. Я вернулся в свой опустевший монастырь и заплакал. Священный припев «Их было трое» беспрепятственно пел в моей душе. Собрав всю свою волю, я отвергнул его как искушение и смирился перед господом.

Целый месяц я сурово постился и предавался двенадцати умерщвлениям плоти, кои рекомендует созерцательный Хапиус в своей книге «Мистическая теология». Особенно морил я себя пятью последними: умерщвлением в разуме всякого любопытства, умерщвление в сердце всякого сомнения, умерщвление в душе всякого тревожного нетерпения, умерщвление любой воли и следование обряду послушания, во имя бога требующего переносить любые лишения. За месяц этих покаяний убеждение, осенившее меня случайно, окрепло в душе моей, и я снова предстал перед святейшим отцом, который очень милостиво спросил, не отринул ли я химеры, что вдохнул в меня бес ереси. Вместо ответа я произнес лишь слова «их было трое...». «Увы! — воскликнул папа. — Человек этот одержим бесами!» Тогда я упал на колени. Я поведал о своих умерщвлениях плоти и умолил верховного владыку изгнать из меня бесов. Со слезами на глазах он уверил меня, что бог благосклонно примет это мое добровольное уничижение; потом папа согласно обычаю изгнал из меня бесов. И я удалился, не упорствуя, ибо был непоколебимо уверен, что мысли мои были не дьявольским, а божеским внушением и любой обряд изгнания бесов против них бессилен.

Ересиарх прервал рассказ, налил себе святого вина и выпил, на мгновение задумался, воздев очи горе, и, откинувшись на спинку кресла, покрутил пальцами сложенных на животе рук.

[1] Молитва, хвала троице в католической литургии.

— На другой день, — продолжал он, — я написал папе, поставив в известность о моем убеждении и моля его, ведь он был главой церкви, возвестить истину, кою узрел я чудодейственным образом. Я прибавлял, что догмат непогрешимости, который мог бы сделать ложным то, что истинно, не имеет к этому никакого отношения и что я покину церковь в случае, если папа предпочтет прежние заблуждения новой очевидности. Вместо ответа меня отлучили. Тогда, покинув свой орден и получив назад те деньги, какие я некогда ему принес, я укрылся в этом мирном прибежище, где, исторгнутый из лона католичества, закладываю основы новой религии.

Я торжественно учреждаю подлинное тройственное причастие в одной просфоре, содержащей плоть трех людей вместо единого бога в трех лицах. Ибо такова истина: троица состоит из людей. Было три воплощения. Три лица единого бога в один день претерпели муку, необходимую для искупления человечества.

Висящий справа разбойник был отцом. Это легко заметить по участливым словам, кои он адресовал на кресте возлюбленному своему сыну. Жизнь его была печальной и многотерпеливой. Он несправедливо претерпел за то, что его приняли за разбойника, хотя таковым не был. Будучи всемогущим и бесконечно величественным, он не пожелал иметь ни одного ученика.

Христос, распятый между божественными разбойниками, воплощал слово и, будучи таковым, являлся законоположником. Именно его слова и деяния должны были быть возвещены миру в поучение. Так и свершилось.

Распятый слева разбойник был духом святым, параклетом, вечной любовью, который, воплотившись в человека, возжелал быть подобием недостойной любви человеческой. Он был настоящим разбойником и претерпел по справедливости.

Вот тайна во всей ее святости: бог сделался человеком. Воплощенный бог-отец пострадал за то, чтобы на себе испытать свое могущество, и смирился до такой степени, чтобы остаться безвестным и не иметь истории. Воплощенный бог-сын пострадал ради того, чтобы утвердить истинность своего учения и явить пример мученичества. Он претерпел несправедливо, но со славой, чтобы удивить людской разум. Бог — дух святой пожелал пострадать справедливо. Он воплотился в худших слабостях человеческих и предался всем грехам ради сострадания и глубокой любви к роду людскому. Вот истина:

Их было трое
На Голгофе,
Как в небе
Троица была.

Таким образом, Бенедетто Орфеи рассказал мне историю своей ереси и развернул собственное учение. Увлеченный рассказом, он позабыл о вине. Едва закончив свою речь, он вытя-

нул правую руку, не отрывая спины от кресла, взял блин из персикаты, старательно свернул его и откусил. Потом, налив себе святого вина, выпил его, но как-то неловко, потому что персиката и святое вино попали ему не в то горло. Ересиарх, апоплексически красный, откашливался добрых пять минут. Ему пришлось высморкаться. Так как он не нюхал табак, то вместо огромного пестрого платка вытащил белый батистовый платочек, совсем не подходящий для церковника. Эта изысканность меня удивила. Он перевел дух, шумно вздохнул, показывая при этом пальцем на коньяк и предлагая, чтобы я налил себе.

Затем он признался, что католическая религия прогнила, будучи слишком старой, и папа не решается ее трогать, боясь, как бы не рухнуло все.

Когда я поднялся, чтобы откланяться, ересиарх пожелал проводить меня до двери.

В тот момент, когда он вставал, его сутана, подобие монашеской рясы из грубой черной шерсти, распахнулась, и я увидел, что под ней ересиарх ничего не носил. Его волосатое тело было изборождено шрамами от бичей. Кожаный пояс, утыканный изнутри железными шипами, которые, должно быть, причиняли ему невыносимые страдания, опоясывал талию. Заметил я также и другие штуки, но они таковы, что не смогу их описать. По правде говоря, вся эта нагота промелькнула передо мной мгновенно. Ересиарх тут же запахнул сутану, полы которой завязал веревкой, и, улыбаясь, пригласил меня пройти в соседнюю комнату, где находилась библиотека. Я был потрясен, видя, как этот человек подвергает таким мукам свою плоть и одновременно удовлетворяет свою чувственность гурмана. Я задумался над этими контрастами, проходя в библиотеку, где увидел тщательно расставленные на полках всевозможные книги, которые ересиарх предложил мне просмотреть. Здесь стояли вперемежку ценные и пошлые тома по теологии, философии, литературе и естественным наукам. Тут были книги современные и старинные, манускрипты на бумаге и пергаменте. Я разглядел сочинения Аристотеля, Гальена, Орибаза, «Сифилис» Фракастора, «О мудрости» Шаррона, книгу иезуита Мариана, новеллы Боккаччо, Банделло, дю Ласка, святого Фому, Вико, Канта, Марсилино Фичино, «Диадему монахинь» Смарагдуса и прочее. Затем я расстался с ересиархом, с которым больше не встречался.

Спустя некоторое время я узнал, что появилось «Подлинное Евангелие от Бенедетто Орфеи», переведенное на язык профанов, содержащее жизнь бога-отца, первое из двух евангелий, соответствующих евангелиям каноническим. Я раздобыл эту книгу, которая оказалась малоинтересной. В ней не содержалось ничего точного о жизни бога в первой ипостаси. Там лишь

сообщалось, что о рождении бога-отца нам ничего не известно. О его жизни мы тоже ничего не знаем, кроме разве того, что он был справедливым, скрытным и не имел друзей. Его существование смешивалось с жизнью двух других лиц троицы, и, именно пытаясь отвратить бога — духа святого от преступления, которое последний совершил, бог-отец был схвачен вместе с ним и несправедливо осужден. Каждое из слов, коими он обменялся на Голгофе с Иисусом и... разбойником, составляло предмет отдельной главы, где оно истолковывалось. Это действительно был единственный, хорошо известный момент его жизни, да к тому же ересиарх позаимствовал рассказ о нем из синоптических евангелий. После смерти бога-отца все снова становилось таинственным. Больше ничего не было известно ни о его воскресении, ни о его вознесении, вероятных, но никому не ведомых. Похоже, что труд был написан на латыни, сразу же переведен на итальянский и опубликован. Латинская рукопись на пергаменте, наверное, еще сохранилась.

В следующем году Орфеи издал свое второе Евангелие, Евангелие святого духа. Подобно жизни бога-отца, жизнь последнего тоже малоизвестна. Но тогда как была известна хотя бы кончина предвечного отца, о святом духе мы знаем, что в один прекрасный день он изнасиловал спящую девственницу. Прелюбодейство сие было той операцией святого духа, от которой родился Христос. Много говорилось также о сказанных на кресте словах, а потом все покрывалось тайной после того мгновения, как солдаты перебили ноги обоим разбойникам. Томик этот, поистине прекрасно написанный и в отдельных местах отмеченный большой возвышенностью мысли, содержал столь грубооткровенные пассажи, что итальянские власти конфисковали его как непристойную книжку, поэтому его и нельзя отыскать.

«Ересь трех жизней» не получила распространения. Бенедетто Орфеи умер на пороге нашего века. Несколько его учеников рассеялись по белу свету, и, вероятно, учение ересиарха окажется тщетным, из него ничего не выйдет и никто даже не подумает его продолжить.

Священник, который близко знал Бенедетто Орфеи и много раз пытался заставить его отречься от того, что католики называли его заблуждениями, рассказал мне о кончине ересиарха. Он умер, кажется, вследствие несварения желудка, но тело его оказалось сплошь покрыто ранами, следами тех мук, кои Орфеи налагал на себя; так что врачи не знали, чему приписать его смерть — гурманству или умерщвлению плоти. Истина состоит в том, что ересиарх был подобен всем людям, ибо все они и грешники и святые, если только не суть преступники или мученики.

Перевел с французского Л. ТОКАРЕВ

А. СИДОРОВ,
искусствовед

«ПЕРВЫЙ ЕРЕТИК В ЖИВОПИСИ»

Ранние годы становления Рембрандта ван Рейна (1606—1669) совпали с социально-экономическим и культурным расцветом его родины — Голландии, этой, по определению К. Маркса, «...образцовой капиталистической страны XVII столетия» [1], самой богатой в Европе того времени, этому подъему сопутствовали успехи естественных наук, философии и искусства. Голландские художники этого периода оставили нам детальный портрет своей страны.

И среди них первое место по праву принадлежит Рембрандту, сыну мельника и дочери булочника, родившемуся 15 июля 1606 года в городе Лейдене. Поразительна быстрота, с какой четырнадцатилетний юноша, поступивший после окончания латинской школы в Лейденский университет и оставивший его ради занятий живописью в мастерской местного живописца Якоба Сваненбурга, достигает положения одного из наиболее известных художников северных провинций Нидерландов. Бургомистр Лейдена Орлерс писал: «Так как его искусство и его произведения чрезвычайно нравились жителям и гражданам Амстердама, то он получал от них бесчисленные заказы на картины и портреты, и всем очень желательно было, чтобы он переселился из Лейдена в Амстердам, что он и сделал в 1630 году».

Чем же привлек внимание столичной публики живописец, которому в 1630 году исполнилось лишь 24 года?

Видимо, уже в своих ранних работах, представляющих в лейденский период различные виды и жанры искусства, Рембрандт сумел воплотить, а во многом и предвосхитить эстетические ожидания широких кругов голландского общества, найдя ту счастливую меру сочетания оригинальности и традиционности в освоении национальной и современной ему мировой художественной культуры, которая заставляла зрителя восхищенно изумляться. Одним из таких зрителей был, в частности, голландский поэт, современник художника Константин Хейгенс, свидетельство которого тем более ценно, что биографы Рембрандта не располагают почти никакими письменными документами о жизни художника. Кроме 650 картин художника, около 30 гравюр и 1500 рисунков, в их распоряжении лишь несколько деловых писем Рембрандта, воспоминания его ученика Самюэля ван

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 761.

Хохстратена и эта запись Хейгенса, знатока и собирателя картин, посетившего мастерскую художника и потрясенного картиной этого молодого живописца «Иуда, возвращающий сребреники» (1629). «Всей изысканности прошлых веков, — пишет поэт, — я противопоставляю полное отчаяния поведение Иуды... Ни Протогену, ни Ахиллесу, ни Парасию не пришло бы на мысль то, что задумал юноша голландец, мельник, безбородый...»

И действительно, сознательно отказываясь уже в начале своего пути от достаточно популярного, но, по существу, второстепенного в национальном искусстве амплуа «малого голландца», художника-бытописателя, Рембрандт утверждает себя как живописец библейских сцен, создатель религиозных композиций, которые после протестантского запрета молиться религиозным изображениям становятся предметом морального поучения и философского размышления, тесно связанного с решением вопросов современности, стимулируемого борьбой различных идеологических течений.

В Голландии XVII века — времени крушения феодально-теологической морали — развивались новые, обусловленные потребностями буржуазной жизнедеятельности и буржуазного мироощущения моральные ценности и возникла настоятельная необходимость в разработке новой, полностью секуляризованной, совершенно свободной от официальной церкви морали, — Библия, переведенная на родной язык и ставшая настольной книгой в каждом доме, воспринималась уже в большей мере не как «откровение божие», собрание сокровенных тайн, а как своего рода моральное руководство в повседневном быту и социальном поведении.

Голландцы, отождествлявшие религиозность с моральностью, устранившие официальную католическую церковь как единственного посредника между отдельным человеком и верой и отстаивавшие право каждого индивидуума на самостоятельное объяснение мира, исходя из этого личного опыта и практических успехов, часто были склонны проводить параллели между событиями библейской истории и политическими судьбами Нидерландов. Одержав победу над более сильным врагом и, подобно древним израильтянам, считая себя «избранным богом народом», они отдавали предпочтение тем библейским героям, на примере которых можно было бы воспитывать чувство коллективизма, гражданского патриотизма и героизма в сфере социальной жизни; рачительности, бережливости, разумной умеренности — в частном быту и т. д.

Рембрандт — истинный сын своего века, в своих ранних мифологических картинах 1620-х—1630-х годов, таких, как «Товит с женой» (1626), «Иуда возвращает сребреники» (1629), «Принесение во храм» (1631), «Жертвоприношение Авраама» (1632), «Похищение Ганимеда» (1635), «Ослепление Самсона» (1636)

и др., сознательно демифологизирует древние «истории», стремится приблизить их к современности, ввести в контекст настоящего. Художник привлекал, вернее, захватывал воображение современников не просто эффектом низведения «сокровенного» до уровня бытового и общепонятного, а преломлением его через «призму» здоровых человеческих страстей, чувственной радости мироощущения. «Безбородый мельник», чуждый как идеализирующему, так и приземленному истолкованию исторических сюжетов, выступает как романтик нового времени, тяготение которого к чудесному, необычному и волшебному замешено на крепких дрожжах полнокровного человеческого существования, освещенного героикой общенародной борьбы за национальную независимость. Вошедшее в кровь и плоть Рембрандта чувство исторической избранности, гениальности — не от бога, а от нации, находящейся под покровительством фортуны, — позволяет ему как художнику свободно черпать все нужное и полезное в том, что его окружает.

Другой, не менее важной и значительной сферой проявления его творческих сил была наряду с исторической живописью, живопись портретная, где главным предметом художественного истолкования являлся не человек в соотношении с окружающим миром — прошлым или настоящим, — а человек как воплощение и носитель бесконечного «внутреннего» мира, не менее сложного и богатого, чем окружающая действительность. Оригинальность портретной концепции Рембрандта лейденского периода наиболее ярко проявилась не в его заказных портретах, где он, идя зачастую по уже проторенным путям, во многом еще уступал своему великому современнику, харлемскому портретисту Францу Хальсу, а в автопортретах. Рембрандт-автопортретист — уникальное явление во всей истории мирового искусства. Его художественное наследие насчитывает около ста автоизображений (живописных и графических). Отказываясь, подобно передовым представителям голландской культуры XVII века, от религии как посредника между искусством и живой натурой, оставаясь со своей моделью один на один, вне сферы влияния традиционных церковных норм оценки человеческой личности, Рембрандт не устает фиксировать неожиданные результаты подобного неопосредованного тысячелетиями догмами живописного диалога с таким, казалось бы, простым и понятным «частным» обыкновенным человеком. На первых порах Рембрандта привлекает удивительная подвижность человеческого лица, его способность к бесконечным метаморфозам, к многообразной жизни, к тому, чтобы быть «зеркалом души». И ранние автопортреты художника составляют своего рода серию живописных экспериментов по выявлению степени соотношения характерного и случайного в человеке при различных аффектах и физиологических состояниях, в том или ином одеянии. Рембрандт примеривает на себя как физиологические маски (смеха, удивления, испуга,

гордости), так и различные социальные одежды — от рубища нищего, бродяги до офицерских лат, аристократических кружевных воротничков и экзотических восточных костюмов, наделяющих портретный образ не столько определенной социальной, сколько фантастической характеристикой, и выводящих его за границы конкретного жизненного бытования.

Так уже в ранние годы творчества складывается одна из главных черт художественной манеры Рембрандта: преобладание выразительного, эмоционального, нетрадиционного начала над внешней формальной гармонией образа.

Но и в этот наиболее бурный период жизни и творчества, период сильнейших художественных увлечений и экспериментов, художнику не было свойственно стремление к новаторству ради новаторства, расчетливого желания угодить вкусам публики или, наоборот, нарочито эпатировать ее. Творчество Рембрандта в это время удивительно органически сочетает характерные для всего народа Голландии периода расцвета дерзость и серьезность, основательную продуманность планов и действий, бережное отношение к уже достигнутому, поиски нехоженых, неизведанных путей, чувство национальной гордости и космополитические симпатии и устремления. Именно эта способность Рембрандта использовать в своем искусстве и одновременно олицетворять им наиболее плодотворные духовные потенции всей нации дает возможность утверждать, что уже в середине 1630-х годов он, подобно Францу Хальсу, становится «живописцем целой республики, мятежной, живой и бессмертной».

Переезд Рембрандта в Амстердам как раз и объясняется тем, что его родной Лейден культивировал свою местную локальную манеру живописи, в пределах которой гению Рембрандта, набирающему полную силу, было уже тесно. В Амстердаме же — некоронованной столице Голландии, своеобразном государстве в государстве, где, как писал современный Рембрандту поэт И. Деккер, «в полдень кишат всевозможные народы... где мавр торгуется с норманном... где сходятся вместе евреи, турки и христиане», в этой «школе всех языков» и на этом «рынке всех товаров» — искусство Рембрандта, выросшее к началу 1630-х годов из узких рамок какой-нибудь одной местной художественной школы до размеров общенационального культурного явления, обрело свое «жизненное пространство». Его портретное мастерство до такой степени ценилось и вызывало такой большой спрос и у бюргеров средней руки, и у городского патрициата, что, по свидетельству современников, двадцатипятилетнего художника «надо было упрашивать, да еще платить деньги». Именно этот, по сути всеобщий, успех живописи Рембрандта позволил ему счастливо устроить и свою личную жизнь. В 1634 году художник Рембрандт ван Рейн женится на Саскии ван Эйленбург, богатой патрицианке, имеющей обширную родню в кругах городско-

го магистрата. В этот самый счастливый и удачливый период жизни художника, когда брак не по расчету, а по любви значительно укрепляет его материальное и социальное положение, искусство мастера развивается по двум, то идущим параллельно, то тесно соприкасающимся путям. На одном из них Рембрандт выступает как художник, обращающийся «к городу и миру», как живописец, прославляющий, а часто и опережающий, предугадывающий свойственное голландцам тяготение к простым — то мирным, то шумным и грубым — радостям национального бытия и собственным формам быта; на другом — как человек, стремящийся прежде всего к личному самосовершенствованию и самопознанию, проверяющий жизненный ритм всей нации по биению собственного пульса. По сути, каждый из портретов Рембрандта 30-х годов есть как бы часть коллективного портрета всей нации, и любой голландец, удостоившийся быть изображенным им, приобретает черты национального героя того времени. История вряд ли сохранила бы для нас имена Мартина Соолманса, Опьен Коппит, Марии Трип и других представителей амстердамского бюргерства, если бы они не удосужились заказать свои портреты «господину ван Рейну». То же самое можно сказать и о членах амстердамской гильдии хирургов — героев картины «Анатомия доктора Тульпа» (1632). Избирая достаточно традиционную для группового портрета врачей сцену лекции профессора (в данном случае доктора Николаса Тульпа) с демонстрацией препарируемого трупа, Рембрандт трактует ее как значительное событие, далеко выходящее за рамки обычного изображения группы конкретных людей и символизирующее «триумф истины», победу знания и разума, олицетворенных в докторе Тульпе, над смертью и грехом, воплощенными в трупе казненного преступника Ариса Киндта. В этом портрете художником удивительно передана и жажда знания, увлекательная атмосфера научного исследования, свойственная тому периоду истории Голландии.

В эти годы яркого личного счастья художник создает и замечательную серию портретов своей возлюбленной Саскии, поражающих зрителя не идеально нормативным, условно возвышенным истолкованием этого женского образа, а естественной, конкретной, хотя и далекой от классицистических норм красотой, привлекательностью реального и близкого художнику человека, обаянием взаимоотношений двух близких, любящих людей. Порой эта демонстрация личного счастья и своего представления о нем носит даже эпатирующий характер, как в дрезденском «Автопортрете с Саскией на коленях» (1635), где явно читаемый за изображением семейного пира эпизод притчи о блудном сыне есть как бы аллегорический вызов богатым родственникам его жены, которые обвиняли художника в мотовстве, а в их лице и ханжески настроенным «малым голландцам» не только в искусстве, но и в жизни.

Это же стремление Рембрандта внести в искусство повышенно личностное начало, пусть не всегда общепризнанно и социально апробированно, есть и в его знаменитом большом полотне «Групповой портрет стрелковой роты капитана Франса Бонгинга Кока и лейтенанта Рейтенбурга», впоследствии получившем название «Ночной дозор» (1642).

Вместо упорядоченного, классически устоявшегося группового портрета 18 стрелков Рембрандт создал полотно, передающее бурное, не без оттенка театральности движение, которое определяет эмоциональный строй композиции, многолюдность действия, вовлекающего в свой круговорот, помимо заказчиков портрета, еще и шестнадцать вымышленных персонажей, чувство всеобщего воодушевления и необычности происходящего, его выходящей за рамки конкретного события — выступления стрелков для участия в торжественной церемонии, организованной гражданами Амстердама по случаю посещения города французской королевой Марией Медичи в 1639 году — значительности. Широко распространенное мнение о том, что именно «Ночной дозор», якобы не принятый заказчиками, положил начало конфликту между художником и голландским бюргерством, не подтверждается реальными фактами. Современники оценивали эту картину достаточно высоко. Другое дело, что современникам не дано было до конца воспринять его героико-эпический пафос, силу и размах выраженного в нем исторического национального оптимизма. «Ночной дозор» как своего рода живописная «марсельеза» голландской революции, красочный гимн-призыв к всенародной борьбе за ее социально-экономические и гуманистические завоевания не был ими услышан. После «Ночного дозора» Рембрандту уже не удавалось создать произведения, которое бы смогло вместить смысл определенной, наиболее героической эпохи национальной истории. И не только потому, что смерть Саскии ослабила его связи с именитыми заказчиками и амстердамским патрициатом. К этому времени творческая индивидуальность Рембрандта достигает такого расцвета, что установки господствующей культуры уже не являются определяющими для его внутреннего развития. С начала 1640-х годов в его искусстве все сильнее проявляется, становясь со временем главенствующим, стремление выразить смысл и значимость отдельной человеческой жизни.

И если в своих исторических произведениях предшествующего десятилетия Рембрандт оживлял библейские и мифологические сюжеты преимущественно бурным, порой фантастически преувеличенным духом героической современности, насыщал их повышенной чувственной радостью переживания окружающего мира, то такие работы 1640-х годов, как «Святое семейство» (1646), «Товит с женой» (1645), «Сусанна и старцы» (1647), «Христос в Эммаусе» (1648) и многие другие, отмечены не просто характерным для его искусства автобиографизмом, сугубо

личностным началом, а утверждением душевного величия простых, внешне не примечательных людей, высокой значительностью их тесного душевного союза, поисками вечно ценного в самом человеке. Глубоко личный, выстраданный на собственном жизненном опыте поворот от исторически значительного в глазах общества к «бытовой» личности, к безымянному, по сути, герою, к безвестному персонажу, мифологическое имя которого служило лишь одним из возможных, но не основных поводов для введения его в контекст национальной художественной культуры, ознаменовался открытием столь по-настоящему высоких и подлинных духовных ценностей, что в их свете библейский кодекс нравственности, поучительных примеров выступал лишь как частный случай выражения общих моральных понятий и правил. Пересматривая этот кодекс средневековой идеализации человека уже не с позиции опрощенного, порой вульгарного бюргерского гедонизма, удачливо устроенного буржуазного быта, а с точки зрения певца «униженных и оскорбленных», находящихся на низшей ступени социальной иерархии, Рембрандт тем самым отказывается и от прежнего гармонического союза с окружающей средой. И хотя вряд ли он стремился к полному, последовательному разоблачению и обнажению всех язв современной ему действительности, все же ноты социального протеста отчетливо слышны в одном из лучших его офортов 1648 года «Христос, исцеляющий больных» (получившем при жизни художника из-за своей высокой цены название «Лист в сто гульденов») — многофигурной композиции, где чудесный свет, исходящий от центральной фигуры Христа, создавая ощущение повышенной эмоциональности и фантастичности происходящего, в то же время предельно ярко выявляет резкий контраст между группой сытых, высокомерных и скептически настроенных фарисеев и толпой больных, калек и обездоленных, но сохранивших надежду на лучшую жизнь.

В «исторических» работах мастера передан опыт человека, знающего и теневые стороны действительности, самого испытавшего превратности судьбы. Этот демократизм Рембрандта 1640-х годов сильно отличается от его демократических настроений более раннего периода, когда он сам ощущал себя принадлежащим к избранникам нации. С наибольшей полнотой это воплотилось в офортном «Автопортрете» 1648 года, где художник, окончательно отказываясь от одежд и роли «господина Рембрандта», предстает и утверждает себя в единственно важной, кровной своей ипостаси — Рембрандта-художника, вечного ученика нелегкой школы жизни, готового к любым, пусть самым тяжелым ее испытаниям. И эти испытания не заставили себя долго ждать.

Художник постепенно теряет одну за одной из завоеванных им социальных позиций. Сужается круг заказчиков, почитателей и учеников. В июле 1656 года Рембрандт объявляется не-

состоятельным должником. В трех последовательных аукционах, прошедших в 1657 и 1658 годах, все его имущество, в том числе богатейшая коллекция, было продано. В 1660 году художник переселяется с семьей в дом, расположенный в одном из самых отдаленных и беднейших районов Амстердама.

Целый ряд учеников Рембрандта покидает его мастерскую, становясь на путь модного помпезного декоративного стиля в живописи, и переманивает на свою сторону удачливость, оставившую их учителя.

Последнее двадцатилетие в биографии художника — движение вниз по лестнице социального престижа. Но отказываясь от господствующих моральных и эстетических догм, руководствуясь в повседневном поведении и творчестве велениями лишь своего творческого гения, ума и сердца, он являет для культуры нового времени один из величайших примеров предельно полного слияния частной жизни и высокого искусства, способности отдельной личности творить свой целостный художественный мир и индивидуальный быт, несмотря на постоянное и всевозрастающее расхождение с окружающей социальной средой, на непонимание со стороны зрителя и заказчика, а также постепенную общественную изоляцию.

Этот «первый еретик в живописи», то есть, пожалуй, самый ярый из отстаивающих право собственного художественного видения мастер, утрачивая земные богатства и материальные блага, тем не менее не расстался ни с одним из своих духовных сокровищ и художественных завоеваний. Внешняя простота, традиционность, найденность и даже некоторая повторяемость образного строя его поздних произведений есть результат огромной работы по строгому и последовательному отбору немногих основных средств выразительности из огромного арсенала найденного и открытого ранее, очищения своего искусства от всего случайного, наносного, постороннего. Процесс сосредоточения и в жизни, и в искусстве на безусловно своем, неоднократно проверенном и насущно важном сопровождается усилением монументальности и обобщенности художественного образа, ростом его внутренней значительности и духовной содержательности.

Различные жанры живописи составляют теперь не отдельные русла творческой практики Рембрандта, а единый мощный художественный поток, питаемый не бурными страстями и противоречивыми устремлениями формирующейся гениальной личности, а мудростью человека, познавшего подлинные жизненные ценности.

Этим мудрым, исходящим как бы из глубины сердца художника светом наполнены многие портреты Хендрикье Стоффельс. Общеизвестны слова Гёте, в свое время повторенные молодым

Марксом, что Рембрандт «писал Мадонну с нидерландской крестьянки». Эта простая женщина из народа, испытавшая вместе с Рембрандтом все жизненные тяготы последнего двадцатилетия его жизни и не утратившая, несмотря на материальные лишения и бытовые невзгоды, несмотря на отлучение этой верующей женщины от церковного причастия, человеческого достоинства и благородства, моральной чистоты и готовности жертвовать собой, своим благополучием ради близких людей, в его глазах и была мадонной.

Картины с ее изображением, подобно портретам Саскии, отличаются глубокой и самобытной интимностью эмоционального строя. Но если в портретах Саскии преобладало чувственное начало, а порой и дерзкая открытость воспевания земных радостей жизни, то в трактовке облика Хендрикье — даже в тех случаях, когда она предстает обнаженной («Купающаяся женщина», «Вирсавия», обе 1654 года) — главным является не безудержная сила первого непосредственного чувства, а та высота самоотверженности и доброты, та интимность духовного взаимопонимания, которая есть итог многолетнего постижения тайны жизни и человеческого общения. И хотя истоки этой одной жизни центральных тем рембрандтовского искусства — «темы» сопереживания, составляющей основу для подлинного, глубокого внутреннего родства и солидарности не связанных по крови людей, — восходят уже к эрмитажной «Данае» 1636 года, все же своего поистине общечеловеческого звучания она достигает в его поздних произведениях.

И в так называемых «портретах стариков» («Портрет старика в красном», ок. 1652; «Портрет старого еврея», «Портрет старушки», оба 1654 года), и в автопортретах, и в изображениях сына художника Титуса, и даже в заказных произведениях («Портрет Яна Сикса», 1654; «Портрет Николаса Брейнинга», 1652; «Синдики», 1661) она предстает в разных, но духовно однородных своих ипостасях: то как тема нелегкой судьбы и сложной внутренней жизни человека, сформировавших его индивидуальность и зримо «присутствующих» в его внешнем облике; то как тема опыта длительного общения самого автора с изображаемым персонажем; собственных знаний Рембрандта о становлении его личности, о совместно пережитом и прочувствованном.

Удивительная способность позднего Рембрандта воплощать в портретном образе не просто внешность человека и те характерные неповторимые черты его натуры, которые ему удалось узнать за время написания портрета, а как бы и его биографию, историю его жизни, окрашенную и личной памятью живописца о ней, создает ощущение глубокого внутреннего родства запечатленных им людей, их тесного духовного союза и сердечной солидарности, а также особую атмосферу предельной душевной близости, волнующей «открытости» картинного образа

и одновременно его сокровенной замкнутости, недоступности для непосвященных.

В каждом из героев картин Рембрандта 1650—1660-х годов мерцает драгоценный свет личных, нелегко давшихся знаний о мире и человеке, мудрой, проверенной и подтвержденной подвигом собственной жизненной практики любви к людям, и все они воспринимают как избранники душевного мира художника, прошедшие очищающий путь невзгод и страданий и сохранившие высокое человеческое достоинство, сердечную теплоту и способность на искреннее сопереживание чужим болям и заботам.

Выношенные Рембрандтом в процессе самопознания и постижения мира людей и утверждаемые им в качестве главной темы искусства — признание безусловной ценности каждой, даже самой «рядовой», личности и убеждение в добром начале человеческой натуры — не всегда подтверждались его личной судьбой, изобиловавшей, особенно в последнее время жизни, драматическими и трагическими ситуациями, которые нашли отражение и в его художественной практике. Мы имеем в виду прежде всего офорт «Три креста» (1661), где сцена распятия истолковывается Рембрандтом как мировая катастрофа, знаменующая конец любым людским надеждам на лучшее будущее, как своеобразный реквием всему человечеству; а также рисунок «Слепой Велизарий, просящий милостыню» (1663). Рисунок этот, изображающий победоносного римского полководца VI века, впавшего в немилость и ослепленного по приказанию императора Юстиниана, снабжен надписью, имеющей автобиографическо-трагический характер: «Сжальтесь над бедным Велизарием, который некогда был в большом почете и совершил славные деяния, а теперь ослеплен завистниками».

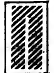
Но сколь бы ни были потрясающи по силе и гениальной убедительности своего эмоционального воздействия подобные художественные воплощения субъективно-трагических, внехудожественных факторов, влияющих на личное мироощущение Рембрандта, все же основным чувством, передаваемым художником, остается доверие к человеку, к его сути — смертной, беззащитной, слабой, часто неуверенной, сомневающейся в себе, обуреваемой всеми земными грешными страстями и одновременно возвышенно-героической в своей способности к самопожертвованию, всепрощению — источник всего истинно прекрасного и лучшего на Земле.

Трагические события, отметившие последние годы жизни Рембрандта — смерть Хендрикье Стоффельс в 1664 году и любимого сына от первого брака Титуса в 1668 году, — уже не могут поколебать фундаментальные гуманистические основы его искусства. Завершая свой земной путь, Рембрандт создает одно из самых великих своих полотен — «Возвращение блудного сына» (ок. 1663).

Эта картина, как и всякое произведение подлинно высокого искусства, рисующая сцену примирения старика отца с сыном, вернувшимся домой в лохмотьях и упавшим перед отцом на колени, неисчерпаема в сюжетно-литературном пересказе. Это огромное, как алтарный образ, полотно, где царствует не бурный, мажорный, торжествующий пафос жизнеутверждения и личного счастья, а рожденная в испытаниях времени мудрость, прощающая все прегрешения сердца и заблуждения ума, чувство героического примирения с жизнью, великодушная вера в способность каждого человека к духовному самоусовершенствованию, в возможность достижения подлинно гуманистических отношений между людьми, является своего рода вечным художественным и этическим заветом Рембрандта будущим поколениям.

А. РОМАНОВ

«САМЫЙ ЖИВОЙ ИЗ ВСЕХ МУЗЕЕВ»

ереводчица запнулась. Сзади нее раздалнсь глухие рыдання. Одна из туристок, немолодая женщина, опустнлась на колени перед музейным стендом. Она не сводила глаз с фотографии...

Экскурсовод поспешил в кабинет директора:

— Батоно Темо, вас просят в зал, что-то произошло в голландской группе.

Т. Г. Бадурашвили подошел к стенду, у которого собралась толпа. Женщина, узнав, что это директор Музея дружбы, обняла его.

— Меня зовут Эвелина Леймерн, — сквозь слезы объяснила она, — впервые приехала в вашу страну. И вдруг здесь, вдалн от дома, увидела портрет моего отца Вана Леймерна. Он погиб, помогая восставшему грузинскому батальону на острове Тексель в 1945 году.

Эвелина Леймерн видела, что к ней из соседних залов подходят все новые и новые люди, что ее слушают с необычайным вниманием, что многие, как и она, не стыдятся своих слез.

— Вы, советские люди, — обратнлась она к собравшимся, — просто не знаете, какие вы необыкновенные. Мой отец отдал жизнь в борьбе против фашизма, но мало кто его помнит в Голландии. Огромное спаснбо вам, спаснбо Советскому Союзу, спаснбо Тбнлиси, этому музею, что вы воскресили моего отца и так свято чтите его память!..

— Она приезжает теперь к нам каждый год, в мае. — Теймураз Георгиевич Бадурашвили показывает фотографин, вырезкн из газет.

У директора, ученого-философа, хлопот и обязанностей немало. Но дело всей его жизнн, любимое детище — этот музей. О нем он начинает рассказывать обстоятельно и подробно:

— Знаменательно, что идея создання Музея дружбы народов возникла в Тбилиси. Дружба народов для грузин испокон веков была не просто благородной идеей, а одним из важнейших моментов их историческої судьбы. Наш край всегда был интернациональным, и прежде всего по духу своему; представители его многочисленных народов издавна составляли одну семью, разделяли сообща беды и радости, вместе трудились. Думаю, что по сути своей всю Грузию можно было назвать действующим музеем дружбы народов. Но когда замысел создать такой музей получил реальное воплощение, его инициаторы и организаторы встали перед многими трудностями.

Как конкретно, наглядно показать живые человеческие чувства? Ведь впервые в истории создание летописи дружбы — этой величайшей созидательной силы — было поручено специальному учреждению. Наш музей призван стать символом, живым подтверждением новых человеческих отношений, воспитателем интернационализма. Очень сложно было все это осуществить в зримых образах. Умная экспозиция — всегда открытие, «езда в незнаемое», это непременно и путешествие в историю, в дела, подвиги, печали тех, кто жил, боролся, строил до тебя.

Кто бы ни были твои слушатели — школьники, рабочие, солдаты, мы стараемся экскурсию превратить в единство созерцательного и эмоционального, сделать так, чтобы каждый, выйдя из залов, задумался, чтобы в душе его приоткрылись какие-то новые уголки.

Известна мысль о том, что в музеи нужно ходить как к своим старым знакомым. Человек, попавший в залы нашего музея, не пройдет мимо многих экспонатов, удержит в памяти отдельные поразившие его факты.

Вот рядом кандалы и позолоченный браслет. Заржавленными кольцами первых был закован узник Шлиссельбургской крепости Шавишвили. И второй экспонат связан с историей революционной борьбы. В 1905 году в Вологде умер ссыльный Хизанишвили. Его похороны вылились в многотысячную демонстрацию ненависти к царским властям. Русские рабочие, крестьяне, ремесленники собрали все, что могли, и послали в село Ховле Горийского уезда осиротевшей семье грузинского революционера. Неизвестная женщина из Вологды сняла с руки браслет — семейную реликвию — и отдала совершенно незнакомым людям.

Каждый наш экскурсовод знает, с каким интересом воспринимают слушатели рассказ о том, как герой гражданской войны Киквидзе спас от неминуемой гибели легендарного командира бронепоезда Железнякова.

Экспозиция музея построена так, чтобы как можно зримей становилась связь времен и поколений, чтобы прошлое превращалось в живую память. Вглядываясь в фотографии, вчитываясь в письма, пояснения к снимкам, посетитель полнее постигает: Музей дружбы народов — это история человеческих судеб, сплавленная с историей страны.

Вот лежит под стеклом изуродованная, растерзанная книга Анны Антоновской «Великий Моурави» — сама по себе замечательное свидетельство глубинной дружбы литератур, когда русская советская писательница посвятила много лет жизни исследованию грузинской истории и труд ее воплотился в прекрасное произведение. Кто-то из фронтовых писателей сказал, что в окопах некогда было писать романы, а бойцам некогда было их читать. Но именно этот исторический роман читал боец

бронепоезда № 53 Алексей Миетобишвили в трагические дни зимы 1941 года. Книга о грузинском полководце помогала солдату сражаться, она же спасла ему жизнь, приняв на себя удар осколка снаряда.

Когда бывшему фронтовику Шалве Татарашвили исполнилось 60 лет, мы отмечали его юбилей в Музее дружбы народов. В тот день самый большой зал заполнили до отказа люди нескольких поколений. Юбиляр не знал, что сотрудники музея подготовили сюрприз: разыскали в Керчи его однополчанина Петра Верещагина и пригласили вместе с семьей в Тбилиси. И вот Шалву Татарашвили просят обернуться к дверям. Трудно описать эту встречу, то, как ее переживали вместе с боевыми друзьями все присутствовавшие — от юношей до видавших виды генералов.

Можно с уверенностью сказать, что в тот день мы получили в свои ряды добрую сотню пропагандистов, которые не только сопережили с бойцами-малоземельцами героические дни, но и наверняка смогут воспитывать патриотические чувства у других.

В музее возникли новые формы воспитательной работы. Здесь проводятся открытые уроки и лекции. Ветераны войны и труда участвуют в приеме октябрят в пионеры, вручают комсомольские билеты, награждают отличников медалями и грамотами. По сложившейся традиции в залах проходят торжественные проводы призывников.

С 1975 года Музей дружбы народов начал существовать самостоятельно на правах научно-исследовательского учреждения при президиуме АН Грузинской ССР. Постепенно он стал своего рода методическим и организационным центром по созданию различных музеев и экспозиций на тему интернационализма и содружества народов. Достаточно перечислить хотя бы часть из них.

Это музей боевой славы 18-й армии в городе Махарадзе, на родине командующего армией, талантливого советского полководца К. Н. Леселидзе.

В белорусских лесах героически погиб 27-летний поэт Мирза Гелована, удостоенный посмертно звания лауреата премии Ленинского комсомола имени Н. Островского. С фронта он писал родным о белом пламени миндаля, цветущем весной в Тбилиси, который снился ему в окопах, о победе, о солдатах, оставшихся лежать на пахнущих гарью полях войны. Торжественно звучат в стенах нашего музея слова «Клятвы» Мирзы Гелована. Их повторяют вступающие в пионеры и комсомол. Мемориальный Дом-музей Мирзы Гелована открыт в Тианети.

Музеи боевой и трудовой славы созданы в ста школах, колхозах и совхозах республики. При этом Музей дружбы народов не только помогает создавать им экспозиции, но и разрабатывает способы подачи, пропаганды, причем не столько материа-

лов или событий, сколько человеческих отношений, дружеских чувств между представителями разных народов.

Мы помогали создавать музей боевого пути 18-й армии в Баку, музеи дружбы народов в Ташкенте и Кишиневе.

В июне 1981 года в Москве, на Большой Грузинской улице, был торжественно открыт Дом-мемориал истории грузинского поселения в Москве (XVII—XVIII вв.). Он родился при братском содействии москвичей и повествует о нерушимых, уходящих в глубь веков традициях содружества и братства.

При комплектовании наших музейных фондов мы для сбора материалов, отражающих многосторонние взаимосвязи Грузии с братскими народами Советского Союза, организовали комплексные экспедиции во многие районы страны, включая Крайний Север и Дальний Восток, в крупные промышленные города, культурные и научные центры.

9 мая 1975 года к 30-летию Победы открылась первая постоянная выставка Музея дружбы «Боевое содружество грузинского народа с братскими народами Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Художественное оформление залов поручили лауреату Ленинской и Государственной премий, народному художнику СССР Зурабу Церетели.

— Для такой выставки надо было выбрать самые яркие события, — рассказывает художник, — самые характерные штрихи времени. От голоса Левитана, записанного 22 июня 1941 года, до залпов салюта и Парада Победы, казалось, проходит огромная эпоха неимоверных трудностей, лишений, надежд, подвигов, веры. Да, именно святой веры в наше правое дело, помогавшей людям выстоять в нечеловеческих условиях и фронта, и тыла...

Но самое удивительное в Музее дружбы народов то, что посетители его могут повидать увековеченных в экспозиции непосредственных участников событий, живых героев. Мне удалось встретиться с четырьмя из них, провести с каждым не один час, прочесть почту военного и мирного времени, застать их и на службе, и дома. Четыре человека, четыре неповторимых судьбы!

— «1943 год. Северо-Кавказский фронт начал развернутое наступление к подступам Новороссийска, — вспоминает Тамара Парфеновна Готуа. — Я только что прибыла в один из госпиталей армии генерала К. Н. Леселидзе. Это было мое первое и серьезное боевое крещение — на фронт я попала чуть ли не со студенческой скамьи. Был получен приказ высадить наши части на небольшой плацдарм, называвшийся Малой землей.

Нашу десантную группу высаживали с помощью матросов, в полной темноте. Ночную тишину изредка прерывал чей-то сдавленный шепот, который резал слух и казался оглушающе громким.

Удалось проскочить открытую полоску, простреливаемую врагом, добраться к месту назначения. Нас встретили врачи, которых мы должны были сменить. Осматриваться было некогда — наш «пятачок» непрерывно поливался шквальным огнем. Стоял непрерывный гул от снарядов, огненные вспышки, как зарницы, освещали все вокруг. Земля, ставшая нашим убежищем, содрогалась. Продукты и медикаменты мы получали благодаря смелости и отваге летчиков, которые, прорываясь сквозь огненный заслон, сбрасывали все необходимое.

Наш госпиталь размещался в береговых скалах. Еще до высадки десантных групп тут поработали саперные части, сумевшие вырыть пещеры и траншеи. Глубокая расщелина в скале имела прямой выход к морю, отсюда можно было эвакуировать и принимать раненых.

Операционная и перевязочная располагались на глубине 15 метров. Работали при электричестве от движка. Невозможно подсчитать, сколько суток простаивали мы на ногах в операционной, сколько раненых проходило через наши руки. Сменяли друг друга, когда скальпель валился из пальцев, засыпали на ходу.

Медсестры, врачи, санитары стали одной большой мужественной семьей. Главный хирург госпиталя Михаил Иванович Воробьев работал, стиснув зубы, отвоевывал у смерти каждого раненого. Он очень переживал отсутствие вестей из родного Ленинграда, где его семья попала в блокаду. Бок о бок с ним работали врачи В. Павлов, Т. Шиманская, А. Лобачева и я. Весь медперсонал помогал нам самоотверженно, не покладая рук.

Среди санитаров особо выделялся украинец по фамилии Муха. Было ему за пятьдесят, никто не знал его имени. Попал к нам добровольцем. Он был твердо убежден, что сумеет освободить от врага родную деревню. Звали его еще и «гвардии стариком» за прекрасную выправку и выдержку. Немного грузный, но Геркулес по сложению, он умел бережно и нежно обращаться с тяжелоранеными, перенося их по траншеям в операционную и обратно в госпитальные землянки. Рыжеватый, с умными серыми глазами, всегда спокойный, он любил поговорить, причем никогда не сидел сложа руки. При входе в нашу щель была брошена пушка без колеса, завалившаяся на один бок, заржавевшая и внешне явно отслужившая свой век. Муха возился с ней, очищал от ржавчины.

— Смейтесь, смейтесь, креста на вас нет, а вот я верю, что старушка когда-нибудь пальнет!

Мне особенно запомнился день, когда предполагался приезд

к нам командующего армией. Утро выдалось, как и море, на редкость безмятежное. Внешнее спокойствие давило, будоражило нервы.

— Такое затишье бывает перед бурей, — ворчал Муха.

На него шикали, сердились, но он упорно пророчил нам неприятности. В полдень неожиданно раздалось: «Рама!» Невысоко прямо над нами появился немецкий двухфюзеляжный артиллерийский корректировщик. Покружив немного, «рама» ушла к линии фронта, а через двадцать минут начался артобстрел. От снарядов море вспенилось, покрылось белыми смерчами. С суши пошли танки, а с далекого Новороссийского рейда стали медленно двигаться вражеские корабли. Они шли под прикрытием самолетов, сплошной тучей закрывавших небо. Подходили все ближе и ближе, вырастая в серые бронированные громады. Нам было уже не до наблюдений. Раненые поступали непрерывным потоком. Операционная не успевала справляться, в крытых проходах стояли носилки. Раздавались крики и стоны, метались санитары, перетаскивая на себе по два человека. А Муха ухитрялся, прихватив под обе руки по раненому, третьего тащить на спине.

Неожиданно в операционную вбежал начальник госпиталя и приказал срочно сворачивать работу. Из штаба был получен приказ оборонять рубеж от наступающих вражеских частей. Надо было продержаться во что бы то ни стало до появления подмоги с Большой земли.

И вот мы все наверху. Каждый вооружился чем мог. К нам в помощь шли раненые, которые хоть как-то стояли на ногах. Основную оборону держали десять матросов береговой охраны, прикомандированных к нам.

Гул вражеских самолетов заглушал все остальные звуки. Немецкая армада приближалась к нашему берегу. Помню, кто-то из женщин молился, чтобы подмога появилась скорее. Казалось, сердце не выдержит такого напряжения. Вдруг вдалеке на море, у горизонта, показалась темная масса, которая стала быстро расти. Это шли наши боевые корабли. Раздался общий вздох облегчения, появилась уверенность в своих силах. Захотелось кричать от восторга. Наши самолеты приближались к вражеской эскадре. Нацеленные на нас пушки стали задирать дула к небу.

В этой обстановке никто не заметил, как Муха спустился к самому выходу из щели. И неожиданно с нашей стороны раздался грохот. Ничего не поняв, все бросились на землю. А потом кто-то закричал, что на ближайшем фашистском судне вспыхнул пожар.

— Муха, неужели сработала твоя «берта»?

— А вы думали, молитвы помогли? — спокойно улыбнувшись, устало вытер он пилоткой пот со лба...»

Я привел только часть воспоминаний доктора медицинских

наук, профессора Т. П. Готуа. Она очень часто выступает в Музее дружбы народов, участвует во всех встречах ветеранов-малоземельцев.

— Помню, — рассказывает Тамара Парфеновна, — сменила я на Малой земле врача М. И. Кирякова. Спустя десятилетия совершенно неожиданно увиделись: Михаил Иванович — доктор медицинских наук, живет и работает в Ленинграде.

А когда мне удалось побывать в Новороссийске, трудно было узнать дорогие сердцу места. Над нашими былыми траншеями и норами взметнулись светлые жилые корпуса новостроек. Береговой массив, когда-то голый и выжженный, покрылся бирюзовыми виноградниками. А у бывших подступов к городу высоко в небо поднялся обелиск в память о героическом десанте.

...Он увидел этот «Юнкерс-88» уже после того, как обнаружил, что стрелять нечем. Немецкий бомбардировщик шел на большой высоте в сторону Ленинграда. Город заволокло сиренево-черным маревом. Где-то далеко внизу горели склады, пакгаузы.

Давид знал, что «юнкерс» тянет к железнодорожной станции. Сегодня там был особый день. В вагонах с красными крестами эвакуировали детей. Война шла уже месяц, а ему казалось, прошли годы неимоверно трудных дней. Он вспомнил, что, когда сбил первый самолет и, вернувшись на аэродром, вырулил на полосу, его уже ждали даже летчики из соседних эскадрилий.

— Ну, Давид, лиха беда начало! Как же ты выкрутился, их ведь было пять?

Усмехнувшись, он снял шлем, выдернул из-под шасси смятую ромашку и принялся отрывать лепестки.

— Может? Не может? — шутил он. — Попадет? Не попадет? Повезет? Не повезет? Повезло!

...«Юнкерс» начал снижаться над перелесками, над ниточками рельсов. «Сволочи, — сжал зубы в бессильной ярости Джабидзе, — бомбить санитарные эшелоны, расстреливать с воздуха детей? Ну нет, я тебя все равно достану!»

А в это время по эшелону эхом прокатилось: «Воздух!» Стоял невообразимый крик, плач. Дети не видели, как советский истребитель врезался в смертоносный бомбардировщик. Они слышали только взрыв.

...Джабидзе дотянул до своей полосы, но из кабины его уже вытащили. Ни стоять, ни двигаться из-за перелома позвоночника он не мог.

— С авиацией покончено, — произнес кто-то в госпитале. «Это мы еще посмотрим», — зло и отчаянно думал летчик, часами разглядывая белый потолок.

Если бы тогда кто-нибудь мог предположить, в каких жестоких боях будет еще сбивать самолеты этот тихий, застенчивый грузинский парень! Он бы и сам, наверное, не поверил, что при освобождении Крыма выйдет победителем из боя с 20 немецкими самолетами, расстреляет четыре. Что в боях за Севастополь полк, где Джабидзе был заместителем командира эскадрильи, получит почетное наименование Севастопольского. Что южнее Вильнюса он собьет шесть самолетов. Что уже командиром эскадрильи он уничтожит в Белоруссии еще восемь фашистских стервятников. А 16 января 1945 года Давид Джабидзе первым в своем полку открыл счет сбитым в небе Германии самолетам.

Вот скупые строки из его боевой биографии: свыше 400 вылетов, 27 сбитых вражеских самолетов, награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, многими медалями. Есть и зарубежные награды. Одним из первых в Великой Отечественной войне применил воздушный таран и был удостоен высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза...

Давид Васильевич улыбается, показывает рисунки, фотографии.

— Вот к нам в полк прислали художника Яр-Кравченко. У меня до этого был бой с «бриллиантовыми асами» Геринга. Как он успел в той обстановке нарисовать, ума не приложу. А это с двумя моими «крестницами», детьми из того ленинградского эшелона. Сколько я писем получил от них, сколько встречался!

«Была в Берлине 9/V-45 г. Галя Джаши из Тбилиси». Эта надпись углем на стене рейхстага увековечена в фотографиях, стала частью экспозиции в Музее дружбы народов.

Когда тихая, застенчивая девчушка заканчивала Тбилисский мединститут, она, наверное, только улыбнулась, если бы кто-то смог предположить, что вскоре она, не обращая внимания на свист и вой снарядов, на разрывы бомб, на танковые атаки, будет оперировать раненых, отдавать свою кровь, засыпать стоя, не снимая марлевой повязки с лица, не закрывая глаз, при дрожащем свете коптилки.

До войны это была удивительная семья. Отец Гали был членом партии с 1903 года, знал в совершенстве семь языков. Мать у нее русская, коренная сибирячка. Галя и ее брат Нико Джаши отлично учились, вместе добровольцами ушли на фронт.

Передо мной листок бумаги с выцветшими чернилами: «Мама, не унывай, победа будет за нами, мы с Колей вернемся победителями».

После войны доктор филологических наук Николай Джаши подарил сестре книгу «Штурм Берлина». Он не был автором, но считал себя, по существу, причастным и к ее заглавию, и к содержанию: «Дорогая сестренка, в память пройденных тобою в трудную пору для Отчизны дней, дней суровых, полных лишений, мытарств, дней, впоследствии озаренных радостным майским утром Победы. Четыре года не было у нас Первомайских праздников, четыре суровых года войны. И это весеннее торжество возвратили нам советские воины, в их числе и ты, сестренка, те, кто 1 мая 1945 года, штурмуя Берлин, нанесли врагу сокрушительный удар».

...Галина Ушеговна Джаши, заслуженный врач Грузинской ССР, смотрит на фотографию стены рейхстага, исчерченную автографами победителей.

— В тот момент я хотела такой своеобразной почтой передать привет брату, надеясь, что он обязательно будет здесь и прочтет. Все стены были исписаны, на мой небольшой рост не хватало места. Я отставила автомат, взобралась на развал стены и углем, жирно, чтобы заметнее, написала. Брат не увидал этой надписи, хотя и в Берлине, и около рейхстага он тоже побывал.

Могла ли я представить, что этот росчерк станет музейной реликвией, что и для меня он будет вечным напоминанием удивительных, героических лет...

Поэт Евгений Долматовский рассказал историю создания песни «Помнят люди», положенной на музыку Оскаром Фельцманом:

— ...Героические годы и события Великой Отечественной войны дали поэтам и композиторам немало волнующих сюжетов для песен и баллад. Но время не только не отодвигает тему — советский человек на войне, — но, наоборот, как бы приближает ее, вручая во владение новым поколениям мужество, благородство, беззаветность. На страницах газеты «Правда» я однажды прочитал письмо о советском воине, грузине, попавшем в окружение в Белоруссии, пойманном врагами на пути в партизанский отряд и спасенном колхозницей, назвавшей его своим братом. Как местного жителя, непричастного к военным делам, патруль отпустил «брата».

Размышляя над этой историей, я вспомнил и свой 1941 год, когда меня спасла в окружении на Украине чудесная женщина, колхозница Марина Михайловна Вербина. Когда я, раненный, в лихорадке, лежал на полу ее хаты, она успокаивала:

— Придут жандармы, скажу — сын заболел...

Как похожа моя судьба на судьбу этого грузина!

Как много было во время войны подобных историй, свидетельствующих об особых отношениях, сложившихся в советском

обществе между людьми и проявившихся вот такими подвигами, утверждающими братство между народами нашей страны.

...Герой песни Долматовского и Фельцмана «Помнят люди» сидит передо мной. Доцент Тбилисского политехнического института Георгий Васильевич Джапаридзе вспоминает незабываемый для него август первого года войны.

Их кавалерийская дивизия, которой командовал генерал Якуб Кулиев, попала в окружение у села Гусарка, недалеко от Климовичей Могилевской области. В ночь на 13 августа был назначен прорыв. Командир полка вызвал Джапаридзе к себе и в присутствии комиссара дал задание особой важности. «Запомни, любой ценой!» — было последнее напутствие.

Прорыв начался незадолго до рассвета, когда хвоя и трава отяжелели от росы, когда в лесу был слышен каждый шорох. Тишину сменили непрерывные пулеметные очереди, разрывы, небо прошивали змейки трассирующих пуль.

...Шесть человек, бросив лошадей, то пригибаясь, то падая, шли вдоль линии фронта. Они надели на себя нехитрые крестьянские пожитки и в поисках своих шли пятую неделю. Очередную ночь провели в сарае, где хранилось сено. А едва забрезжило утро, Джапаридзе пошел на разведку к большаку, по которому двигались немецкие колонны. Надо было посмотреть, в каком месте удобнее перейти дорогу. Солнце едва показалось из-за леса, когда повстречались женщины с серпами. Одна из них дала еду, сказала, что покажет, где удобнее перейти.

Он не успел и на версту отойти от ее хаты, как услышал зловещий окрик: «Хальт!» Немецкий патруль внимательно разглядывал его потертый ватник, всклокоченную бороду, посох. Услышав, что он живет у сестры, немцы решили проверить. Два автоматчика двинулись с ним в обратный путь.

«Только бы не пострадали наши и эта прекрасная женщина», — думал Джапаридзе, вышагивая перед направленными в него дулами. «Пути геологов неисповедимы», — почему-то вспомнились ему шутливые слова студенческой песенки.

Когда они приблизились к крыльцу, он громко произнес:

— Вот здесь живет моя сестра!

Женщина открыла дверь и с плачем бросилась ему на шею:

— Братушко, живой, а я думала, не случилось ли что? Заходи, милый, отдохни!

Автоматчики, переглянувшись, двинулись назад, к большаку.

Женщина напоила бойцов молоком, дала с собой хлеба, картошки.

Только когда он увидел родные русские лица, почувствовал, что едва стоит на босых, окровавленных ногах. Командир части, поглядев на его посиневшие ступни, вызвал врача, приказал

переодеть. Но он наотрез отказался снимать одежду. Их переправили в Брянский лес, в штаб фронта.

— Рядовой 67-го кавалерийского полка Джапаридзе задание выполнил! — отрапортовал он, стараясь как можно тверже держаться на ногах.

— Какое было задание?

— Спасти знамена.

В наступившей тишине он снял ватник, разорвал подкладку, бережно вытянул боевое знамя и другое, врученному полку еще за освобождение Туркестана от басмачей...

Последний зал Музея дружбы народов — зал скорбящих матерей. Глубокие морщины, седые волосы, столько выплакавшие слез глаза русских, украинских, грузинских, армянских, осетинских, абхазских женщин. Мать-героиня В. Вахтадзе, воспитавшая 12 детей и потерявшая шестерых сыновей. Е. Шляпкина, единственная дочь которой погибла, чтобы остался в живых боец З. Хиталишвили. Мать Корнелия, спасавшая воинов грузинского батальона в Голландии.

Еще живы некоторые из матерей-героинь, принявших на себя страшный удар войны. Живы герои, будто сошедшие с фотографий, постаревшие, поседевшие, но так же вечно неугомонные.

И все они знают: нашу Родину, их самих спасала в тяжелые дни любовь к Отчизне, крепкая дружба ее народов.

Не случайно записал в книгу отзывов один из первых посетителей, Константин Симонов: «Очень дорог моему сердцу этот Музей дружбы, самый живой из всех музеев, ибо слово «дружба» — самое живое из человеческих слов и самое благородное».

СЕРДЦЕ ЖАННЫ

Известный режиссер Г. А. Панфилов, постановщик фильмов «В огне брода нет», «Начало», «Прошу слова», прокомментировал отдельные места из сценария его фильма, посвященного Жанне д'Арк.

а восходе 8 мая 1429 года французское войско, высадившись на правый берег Луары, двинулось к форту Турель, ключевой позиции в системе английской осады Орлеана. Люди шли молча плотной массой. По реке плыл туман. Он полз по мосту, по траве, сквозь кусты и шеренги, укрывая идущих. Жанна шагала впереди головного отряда. Приблизившись к крепостному валу на расстояние чуть более полета стрелы, воины остановились. Крепость, казалось, вымерла — на высоких стенах никого не было видно. Жанна вышла вперед, туда, где стояло сломленное ядром дерево. Сложив ладони у рта, Жанна закричала в сторону крепости:

— Эй, Гласидас! Гласидас!..

— Правильно будет Гласдаль, сударыня, — заметил кто-то из свиты.

— Да, да, Гласдаль, — кивнула она и продолжала: — Гласидас, сдавайся! Подумай о своих солдатах! Зачем лить кровь?! Это говорю тебе я, Жанна — Дева из Лотарингии! Отвечай, я жду!

— Убирайся прочь, ведьма! — выкрикнули со стены. — Только попадись, мы тебя сожжем!

— Сударыня, — снова заметил один из сопровождающих, — словами их не вразумишь. Тут нужны пушки.

Никому не известная 16-летняя девушка, родившаяся в деревне Домреми на востоке Франции, сумела убедить короля дать ей войско и выступить против осаждающих Орлеан англичан. Жизненным опытом ее были лишь безотрадные крестьянские будни. Деревушку, прилепившуюся к реке Маас, зимой продували сильные ветры, окутывали густые туманы. Жанна всегда вспоминала крючковатые сучья дубов, чернеющие на фоне ослепительного снега. Зато весной здесь шумело буйное разнотравье, долина переливалась цветами. Но в ту далекую весну 1429 года Жанна д'Арк была далеко от родной деревни. Перед ней высились крепостные валы и ворота Орлеана. Обнажив меч, юная крестьянка перед началом битвы обратилась к воинам: «Все, кто верит в меня, за мной!»

Летели вражеские ядра, стрелы. Одна попала в Жанну, пробила панцирь, задела правую ключицу и на пол-ладони вошла

в грудь. Истекая кровью, Дева из Лотарингии продолжала руководить боем.

Образ Жанны д'Арк привлекал меня давно. В фильме «Начало», герои которого — наши современники, заводская девушка Паша Строганова, попав на киносъемочную площадку, самозабвенно играет такую же, по ее словам, как и она, героиню из народа. Ее Жанна д'Арк решительна, бескорыстна, мужественна, думает не о себе, но об отечестве, которое в опасности. Простая крестьянка из Лотарингии, не ведавшая о существовании стратегии, тактики, дипломатии, одержала победу над хорошо вооруженным и обученным противником. Во Франции, собирая материал, я слышал компетентные отзывы многих специалистов — от историков до кинопродюсеров. Мой сюжет — русская версия на французскую тему.

Особую помощь мне оказал известный историк, Герой Социалистического Труда академик С. Д. Сказкин. Пользуясь случаем, хочу вкратце изложить высказанные им мысли. Бессмертный подвиг Жанны д'Арк — она из «вечных тем» в науке и искусстве, заключающих в себе возможности раскрытия идейного и нравственного наследия. До сих пор вокруг вопросов, связанных с жизнью и подвигом героини французского народа, не прекращаются споры. Реакционная буржуазная историография создала клерикально-монархическую легенду о «святой Иоанне», ниспосланной божественным провидением для спасения французского престола. В работах советских и прогрессивных зарубежных историков вскрыты корни «феномена» Жанны, показано, что он представляет собой наиболее яркое и полное воплощение того общенародного сопротивления иноземным захватчикам, которое развернулось во Франции на переломном этапе Столетней войны.

Кровь не переставая струилась из глубокой раны.

— Надо остановить кровь, — сказал д'Орлон.

— Кровь надо заговорить, — произнес паж Людовик де Кут.

— Нет, — сказала Жанна, — я не согласна.

— Это единственный способ, — возразил паж, — умоляю вас, сударыня.

— Я не согласна, — повторила Жанна.

— И я не согласен! — раздался знакомый голос.

— Теофраст! — воскликнула Жанна. — Ты?!

— Кажется, я успел вовремя, — произнес подошедший. — Кто это вас посмел тронуть, сударыня?

Теофраст ловко осмотрел рану, кивнул своим ученикам. Один открыл походный сундучок, другой быстро достал оттуда кусок мягкой ткани, смочил в масле и, дважды макнув в какой-то порошок, протянул учителю.

— Я, наверное, умру? — спросила Жанна.

— Чепуха! — ответил Теофраст. — От такой ерунды не умирают. Щипцы! — крикнул он.

— Это зачем? — насторожилась раненая.

— Увидишь!

— Я сама!

— Нет уж, потерпи, это мое дело...

Точным движением он извлек из глубокой раны железный наконечник. Жанна молча перенесла боль.

— Ну и Дева, ну и молодец, — похвалил ее Теофраст, накладывая повязку. — А то — умру!.. Да где это видано, чтобы такая резвая кобылка от какой-то царапины умирала?

Жанна нахмурилась. Когда боль немного поутихла, она сказала врачевателю так, чтобы не слышали остальные:

— Что это вы, сударь, себе позволяете?

— А что? — удивился Теофраст.

— А то, что надо быть поучтивей! Я вам не кобылка, сударь! И мы с вами не в деревне. Д'Орлон, бери мое знамя и вперед! Солдаты должны видеть его... Все по местам! — приказала она, обращаясь к свите. — Передайте солдатам, что Дева совсем здорова и скоро будет среди всех! Поживей! Что за кислые лица? Вперед, вперед!

В сценарии для меня очень важно было показать, как созрела решимость Жанны, почему она была убеждена, что спасет Францию. Поразительная страстность сопровождала ее поступки, их отличала и редкая последовательность. К этому надо добавить преданность делу, человечное отношение к храбрым воинам и непримиримость, презрение к трусам и дезертирам.

Сложен и неоднозначен образ Теофраста, средневекового врача и алхимика. Где-то и в чем-то он эпикуреец и циник. Но это, бесспорно, еретик, отвергающий и бога, и дьявола, признающий точные, конкретные знания, нужные людям. Стихийный материалист и атеист, он повлиял на Жанну. Но и она на него тоже. По-моему, образ Теофраста важен для объяснения поступков победительницы битвы под Орлеаном, ибо согласно многим версиям и толкованиям кто-то мудро помогал, подсказывал ей. При их первой встрече Теофраст, узнав о желании деревенской девчонки освободить свой народ от поработителей и наказать предателей, иронически замечает, что можно прийти во дворец, сказать королю, будто бы ей, Деве из Лотарингии, суждено исполнить эту миссию.

— Пожалуй! — живо откликнулась Жанна. — А что потом?

— Потом король даст тебе войско, и ты спасешь Францию! — рассмеялся Теофраст. — Проще простого!

— Проще не бывает! — рассмеялась Жанна. И, утихнув вдруг, она о чем-то задумалась. Потом, усмехнувшись, медленно произнесла: — А что, совет ваш, сударь, недурен. Я, пожалуй, так и сделаю. И король даст мне войско.

— Ты шутишь?

— Ничуть, я для этого рождена. Прощайте!

Теофраст застыл и долго смотрел ей вслед.

Весной 1429 года в парижском парламенте появился рисунок, нацарапанный пером. На полях парламентского регистра была изображена женщина, держащая в одной руке знамя, другую положив на рукоять меча. История не сохранила больше прижизненных портретов Орлеанской Девы. Рисунку этому предшествовало победоносное освобождение французами Орлеана. В тот день, ровно полтысячелетия плюс полвека назад, уже теснившие противника англичане вдруг снова увидели рядом с белым знаменем Жанну в доспехах, с поднятым над головой мечом.

— Остановитесь, — кричала она солдатам, — не показывайте спину врагу! Все, кто верит в меня, за мной!

Видя ее невредимой и впереди, начавшие было отступать французы снова устремились на приступ. Английский капитан Гласдаль, сжимая в руках меч и знамя, отходил последним. Глядя в сторону противника, он, возможно, задавал себе вопрос: хитростью, колдовством или мужеством смогла Дева снова бросить на штурм своих воинов? Когда последние из отступавших переходили через горящий мост, обуглившиеся бревна проломились и рухнули в Луару. Вот так 8 мая 1429 года была одержана решающая победа в освобождении Орлеана — событие, к которому с таким нетерпением стремилась Жанна и в честь которого благодарный народ назвал ее Орлеанской Девой.

Утром монсеньор Реньо де Шартр, архиепископ Реймсский, сообщил королю:

— Ваше величество, Дева покинула двор!

— Как, когда?! — воскликнул король.

— Сегодня на рассвете... С отрядом вашего кузена герцога Алансонского.

— Вернуть! Нам не нужны ее победы, хватит!

— В таком случае ей не нужно мешать, сир, — произнес архиепископ. — Пусть идет.

— Не понимаю...

— У нее ничтожный отряд...

— Сколько?

— Шестьсот копий.

— И с таким отрядом на Париж? Это же безумие.

— Это конец, сир.

Прошло совсем немного времени, и архиепископ Реймсский докладывал королю, что французское войско отброшено и потерпело поражение.

— Дева не побоялась сражаться даже в день божьего праздника!

— Где она теперь? — спросил король.

— На пути в Компьень, ваше величество.

— Но помилуйте, зачем?

— Спешит на помощь осажденным...

— Безумная! О чем она только думает?!

— О Франции, ваше величество, о чем же еще?..

— Вернуть!

— У нее много приверженцев, сир. Могут начаться волнения, волнения, нас не поймут...

— Неслыханно! Неужели ее никто не остановит, гордячку?!

— Никто... Разве что смерть, — задумчиво добавил архиепископ.

Да, в те далекие от нынешней действительности дни крестьянская девушка стала символом, инициатором знаменательных событий. Время показало, что популярность и слава народной героини в истории Франции беспрецедентны.

В 1920 году католическая церковь причислила «кроткую мученицу Иоанну» к лику святых. А спустя почти полстолетия на одном из Каннских кинофестивалей специальную премию получил фильм французского режиссер Роберта Брессона «Процесс Жанны д'Арк». Многое из хроники XV века безвозвратно кануло в Лету, но кое-что сохранилось. В ту давнюю пору императорам, королям, «другим государям всего христианского мира» было послано пространное изложение истории «некой колдуньи, появившейся недавно во французском королевстве и понесшей только что наказание за свои преступления». В послании подчеркивалось, что судили ее за ересь и ведовство. «Столь ясный пример покажет всем верующим христианам, что нужно следовать учению церкви и наставлениям прелатов, вместо того чтобы внимать выдумкам женщины, погрязшей в ложных суевериях», — писали папе и коллегии кардиналов те, кто вел процесс в Руане.

К месту, на котором сожгли Жанну, утром следующего после казни дня пришли Теофраст и двое его учеников. Они изрядно отощали, заросли и обносились. Чувствовалось, что путь они проделали большой и нелегкий. Мимо по площади рынка сновали первые торговцы и покупатели. Начинался новый день. Лишь огромное черное пятно на опаленной земле да старик, со-

биравший остатки золы и пепла, напоминали о случившемся здесь.

— Вот она, жизнь, учитель: еще не убрали пепел, а люди уже торгуют.

— Жизнь берет свое, — ответил Теофраст.

— Говорят, сердце ее не сгорело.

— Ведь я же предупреждал ее — живи незаметно, Жанна, живи незаметно, — продолжал Теофраст, — не послушала...

— Это ты погубил ее, учитель, ты! — неожиданно произнес один.

— Ты спятил! — воскликнул Теофраст.

— Нет, учитель, он в своем уме, — поддержал товарища другой. — Ведь ты посоветовал ей идти к королю.

Теофраст ответил не сразу. Он помолчал, подумал, потом медленно произнес:

— Вы льстите мне. Если бы все было так, я был бы счастлив. Потому что сам бы считал себя причастным к ее подвигу. На самом же деле я пошутил, а она взяла и сделала. Живой облик ее сотрется, исчезнет. Зато память о ней и о ее победе сохранится навсегда.

Теофраст умолк. Все громче и громче раздавался галдеж на рыночной площади.

— Может быть, ты и прав, — ответил Теофрасту один из учеников. — Я понял одно: пример Жанны сильнее, чем все проповеди в мире.

Даже сегодня трудно без волнения воспринимать смысл ужасающего верднкта: «Во имя господа, амннь... Мы, Пьер, божьнм милосердием епнскоп Бовескнй, и брат Жан Леметр, викарий преславного доктора Жана Граверана, инквизитора по делам ересн... объявляем справедливым приговором, что ты, Жанна, в народе именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступленнях... Мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела как вредный член, могущий заразить другие ее члены», — зачитывал приговор епископ Кошон.

Трагическая гнбель народной героини на костре инквнзицин положила начало ее бессмертию. В 1792 году бронзовую статую Жанны, стоявшую у одного из орлеанскнх мостов, перелилн в пушку, названную ее именем и стрелявшую в боях. Через полтора века нмя Жанны д'Арк носнли партнзанские отряды, сражавшнеся с фашнстами, его с гордостью повторяли мужественные борцы Сопротнвлення. Часть души, каждый посвоему, отдали ей в творчестве Шнллер и Франс, Твен и Шоу, Энгр и Гоген, Гуно н Чайковскнй, Ануй и Фейхтвангер. Во Франции годовщина победы под Орлеаном ежегодно отмечается как день Жанны д'Арк.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир человека / Сост. А. Романов; Худож. С. Ге-
М63 та. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 191 с., ил.
В пер.: 70 коп. 100 000 экз.

Этот сборник атеистических материалов продолжает традиции предыдущих выпусков. Темы научно-популярных и публицистических статей, очерков, репортажей и интервью: воспитание у молодежи атеистической убежденности, духовный мир человека, проблемы сегодняшней науки и техники, великие культурные ценности.

С $\frac{4702010200-175}{078(02)-83}$ 056—83 ББК 86
2

ИБ № 3508

МИР ЧЕЛОВЕКА

Редактор В. Копцова
Художественный редактор Н. Коробейников
Технический редактор Н. Якубова
Корректоры Г. Трибунская, Е. Сахарова

Сдано в набор 11.03.83. Подписано в печать 12.07.83. А00151. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 12 + 1 вкл. Учетно-изд. л. 13,9. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 375.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

70 коп.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МИР ЧЕЛОВЕКА 1983